

ВЕКТОР НАУКИ

Тольяттинского
государственного
университета
Серия: Юридические науки

Основан в 2010 г.

№ 3 (46)

2021

16+

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Главный редактор

Кристал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук,
профессор

Заместитель главного редактора

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент

Редакционная коллегия:

Авакян Рубен Осипович, доктор юридических наук, профессор
Боброва Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор
Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор
Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор
Дуюнов Владимир Кузьмич, доктор юридических наук, профессор
Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор
Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор
Калинин Сергей Артурович, кандидат юридических наук, доцент
Кленова Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор
Корнуков Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор
Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор
Лясковска Катажина, доктор юридических наук, профессор
Моисеев Александр Михайлович, доктор юридических наук, профессор
Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Олиндер Нина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор
Погодин Александр Витальевич, доктор юридических наук, доцент
Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор
Рябинина Татьяна Кимовна, доктор юридических наук, профессор
Ударцев Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор
Юношев Станислав Викторович, кандидат юридических наук, доцент

Входит в перечень рецензируемых научных журналов, зарегистрированных в системе «Российский индекс научного цитирования», в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76950 от 09 октября 2019 г.).

Компьютерная верстка:
Н.А. Никитенко

Ответственный/технический редактор:
Н.А. Никитенко

Адрес редакции: 445020, Россия,
Самарская область, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14

Тел.: (8482) 54-63-64

E-mail: vektornaukitgu@yandex.ru

Сайт: <https://vektornaukipravo.ru>

Подписано в печать 30.09.2021.
Выход в свет 15.12.2021.
Формат 60×84 1/8.
Печать цифровая.
Усл. п. л. 6,5.
Тираж 25 экз. Заказ 3-304-21.
Цена свободная.

Издательство Тольяттинского
государственного университета
445020, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Криштал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор, ректор (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Заместитель главного редактора

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент, заместитель ректора – директор Института права (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Редакционная коллегия:

Авакян Рубен Осипович, доктор юридических наук, профессор, академик Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности и Всеармянской Академии проблем национальной безопасности, ректор, профессор кафедры уголовно-правовой специализации (Ереванский университет «Манц», Ереван, Республика Армения).

Боброва Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Конституционное и административное право» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия).

Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия).

Дуюнов Владимир Кузьмич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор (Естественно-Гуманитарный Университет в г. Седльце, Седльце, Польша).

Калинин Сергей Артурович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь).

Кленова Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии (Самарский национально-исследовательский университет им. Академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Корнуков Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики (Самарский национально-исследовательский университет им. академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор (Правовая академия Таллинского университета, Таллин, Эстония).

Ляскоуска Катажина, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии (Университет в Белостоке, Белосток, Польша).

Моисеев Александр Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой правовых дисциплин, профессор кафедры «Уголовное право и процесс» (Институт экономики и права (филиал) образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений» в г. Севастополе, Севастополь, Россия; Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия)

Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса (Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия).

Олиндер Нина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Конституционное и административное право» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права и международного права (Самарский национально-исследовательский университет им. академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Погодин Александр Витальевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой публичного права (Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия).

Рябинина Татьяна Кимовна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики (Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия).

Ударцев Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института правовой политики и конституционного законодательства (Казахский гуманитарно-юридический университет им. М.С. Нарикбаева, Нур-Султан, Республика Казахстан).

Юношев Станислав Викторович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Уголовное право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

СОДЕРЖАНИЕ

К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 2021 ГОДА И.А. Александров.....	5
КОЛЛИЗИИ МЕЖДУ НОРМАТИВНЫМИ ПРАВОВЫМИ АКТАМИ ОРГАНОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА И НОРМАТИВНЫМИ ПРАВОВЫМИ АКТАМИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ И ИХ РАЗРЕШЕНИЕ СУДАМИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ А.С. Гамбарян.....	11
ОСНОВНОЙ СОСТАВ ХИЩЕНИЯ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ С БАНКОВСКОЙ КАРТЫ: ПРОБЛЕМЫ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ А.А. Гончаров.....	20
СУДЕБНАЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ЗАНЯТИЯ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ С.В. Кондратюк.....	26
ПРОБЛЕМА ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В КОНТЕКСТЕ СТАТЕЙ 116 И 116.1 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ К.К. Новикова, Д.Д. Хмельницкая.....	36
МЕСТО И РОЛЬ ЛИЦА, ЗАКЛЮЧИВШЕГО ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ, В СИСТЕМЕ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА А.В. Орлов, К.П. Федякин.....	42
СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ТРАНСПОРТНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ XVI–XIX ВВ. А.Н. Сквозников.....	48
НАШИ АВТОРЫ.....	55

CONTENT

TO THE QUESTION OF CHANGES IN THE STRATEGY OF THE RUSSIAN FEDERATION NATIONAL SECURITY IN 2021 I.A. Aleksandrov.....	5
COLLISIONS BETWEEN THE LEGAL ACTS OF EURASIAN ECONOMIC UNION AUTHORITIES AND THE LEGAL ACTS OF THE REPUBLIC OF ARMENIA AND THEIR SETTLEMENT BY THE COURTS OF THE REPUBLIC OF ARMENIA A.S. Ghambaryan.....	11
CONSTITUENT ELEMENTS OF EMBEZZLEMENT FROM A BANK CARD: THE PROBLEMS AND CRIMINAL ASPECTS A.A. Goncharov.....	20
FORENSIC CRIMINOLOGICAL EXAMINATION OF TAKING THE HIGHEST POSITION IN THE CRIMINAL HIERARCHY S.V. Kondratyuk.....	26
THE PROBLEM OF DOMESTIC VIOLENCE IN THE CONTEXT OF ARTICLES 116 AND 116.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION K.K. Novikova, D.D. Khmel'nitskaya.....	36
THE PLACE AND THE ROLE OF A PERSON WHO CONCLUDED A PRE-TRIAL AGREEMENT IN THE SYSTEM OF THE PARTIES TO THE CRIMINAL PROCEEDINGS A.V. Orlov, K.P. Fedyakin.....	42
SUBJECTIVE ASPECT OF TRANSPORT OFFENSES IN THE RUSSIAN LEGISLATION OF THE XVI–XIX CENTURIES A.N. Skvoznikov.....	48
OUR AUTHORS.....	55

К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 2021 ГОДА

© 2021

И.А. Александров, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Конституционное и административное право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: национальная безопасность; стратегия национальной безопасности; национальные интересы; стратегические национальные приоритеты; Российская Федерация.

Аннотация: Рассматривается ряд изменений, которые претерпела Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 02 июля 2021 г., по сравнению с предыдущей стратегией, утвержденной в 2015 г. Важность исследования обусловлена самим фактом недавнего утверждения названной стратегии в нынешнем году, а также значимостью единообразного понимания ключевых терминов, нашедших отражение в данном документе. Анализируются некоторые вопросы, связанные с нормативно закрепленными определениями понятий «национальная безопасность Российской Федерации», «национальные интересы Российской Федерации», «стратегические национальные приоритеты Российской Федерации», «обеспечение национальной безопасности», «угроза национальной безопасности», «система обеспечения национальной безопасности». Затрагивается соотношение дефиниции термина «национальная безопасность», которая закреплена в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной в 2021 г., с теми вариантами определений, которые давались в подобных документах, действовавших ранее в России на протяжении постсоветского периода отечественной истории. Кроме того, обращается внимание на трансформации в перечне национальных интересов Российской Федерации, также закрепленном в рассматриваемой стратегии. В частности, речь идет о формулировке «сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан». Подчеркивается, что недооценка стратегической важности социальной сферы как фактора безопасности в ходе проведения экономических и политических реформ чревата угрозой утраты доверия граждан к представителям государственной власти, что при определенных условиях может привести общество и страну к конституционному кризису и развалу государственности.

ВВЕДЕНИЕ

2 июля 2021 г. Указом Президента РФ № 400 была утверждена обновленная Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (далее – СНБ РФ). Она является базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, цели и задачи государственной политики в области обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу. Вместе с тем следует учитывать обтекаемость, декларативный характер формулировок, которые содержатся в стратегиях, концепциях национальной безопасности и иных документах такого рода.

Несомненно, в российской научной литературе сформировался объемный блок исследований, посвященных проблематике национальной безопасности Российской Федерации и ее обеспечению. Существует большое количество разнообразных научных работ, опубликованных в разное время, которые посвящены как общей характеристике категории «национальная безопасность» [1–3], так и отдельным ее разновидностям, тем или иным аспектам, связанным с ее обеспечением [4–6]. Однако в силу новизны СНБ РФ, утвержденной 2 июля 2021 г., ее положения еще практически не получили отражения в подобных исследованиях (за исключением отдельных работ, в которых в том числе затрагиваются вопросы проявления преемственности и развития в рассматриваемой СНБ РФ [7; 8]). Исходя из определенной степени сложности названного документа и разноплановости вопросов, нашедших в нем отра-

жение, представляется целесообразным в данной статье акцентировать внимание на изменениях в формулировках общих положений, в том числе определений основных понятий, используемых в указанной стратегии, а также национальных интересов Российской Федерации. Кроме того, наличие различных точек зрения, подходов к пониманию таких многоаспектных категорий, как «безопасность», «национальная безопасность», также позволяет говорить об актуальности изучения закрепленного в обсуждаемой стратегии определения понятия «национальная безопасность Российской Федерации» и других взаимосвязанных с ним терминов. Подчеркивается, что однозначность, конкретность и ясность ключевых понятий на теоретическом и правовом уровнях позволит более глубоко осмыслить направления и способы обеспечения национальной безопасности, четко сформулировать цели и содержание соответствующего механизма [9].

Цель исследования – выявление изменений, которые, в частности, претерпели общие положения и перечень национальных интересов в СНБ РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г., на основе анализа соответствующих нормативно-правовых актов.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Для проведения исследования наряду с общенаучными формально-логическими методами были использованы формально-юридический метод, а также сравнительно-правовой метод, применяемый при сопоставлении положений ныне действующей СНБ РФ с предшествующими концепциями и стратегиями.

В рамках данного исследования можно выделить следующие этапы:

1) общая характеристика трансформации общих положений СНБ РФ, утвержденной 2 июля 2021 г.;

2) анализ изменений в нормативно закреплённом определении термина «национальная безопасность»;

3) рассмотрение вопроса о национальных интересах, перечень которых также закреплён в исследуемом документе.

На обозначенных этапах помимо изучения положений различных нормативно-правовых актов анализировалась научная литература по теме исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Трансформация общих положений

Обращаясь к общим положениям новой СНБ РФ, можно отметить, что помимо ряда пунктов, которые не претерпели изменений по сравнению со СНБ РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683, либо изменения в которых были незначительны (характеристика данной стратегии как базового документа стратегического планирования, ее правовой основы, указание на неразрывную взаимосвязь и взаимозависимость национальной безопасности Российской Федерации и социально-экономического развития страны), был добавлен весьма объемный первый пункт. В этом пункте вводного характера в том числе речь идет о направлениях последовательно проводимого Российской Федерацией курса, связанного с обеспечением национальной безопасности, о ряде закреплённых в Конституции РФ фундаментальных ценностей и принципов, а также об условиях обеспечения процветания России и формирования справедливого общества. Кроме того, можно вспомнить, что пункт схожего характера имелся и в более ранней СНБ РФ, которая была утверждена Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537.

Что касается основных понятий, определения которых также содержатся в общих положениях СНБ РФ, то их набор остался без изменений. Речь идет о таких терминах, как «национальная безопасность Российской Федерации», «национальные интересы Российской Федерации», «стратегические национальные приоритеты Российской Федерации», «обеспечение национальной безопасности», «угроза национальной безопасности» и «система обеспечения национальной безопасности». В сравнении с предыдущей СНБ РФ, утвержденной в 2015 г., в определении перечисленных понятий были внесены различного рода изменения. Так, применительно к понятию «угроза национальной безопасности» уточняется, что речь идет о возможности причинения ущерба национальным интересам именно Российской Федерации; определение термина «стратегические национальные приоритеты Российской Федерации» дополнено указанием на устойчивое развитие Российской Федерации. При конструкции определения категории «национальные интересы Российской Федерации» была несколько изменена заключительная часть дефиниции, и теперь говорится об объективно значимых потребностях личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии (вместо «в обеспечении их защищенности и устойчивого развития»).

В рамках определений терминов «система обеспечения национальной безопасности» и «обеспечение национальной безопасности» на смену словосочетанию «органы государственной власти и органы местного самоуправления» пришла обобщенная формулировка «органы публичной власти». Эту трансформацию можно связать с изменениями, внесенными в Конституцию РФ в 2020 г., в рамках которых, в частности, закрепление в данном акте получила категория «публичная власть» [10]. Следует сказать, что в Федеральном законе от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» под единой системой публичной власти понимаются «федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов РФ, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности...».

Таким образом, можно подчеркнуть, что субъектами обеспечения национальной безопасности являются не только федеральные и региональные органы государственной власти, но и негосударственные органы местного самоуправления. Однако в определении понятия «система обеспечения национальной безопасности» так и не нашла отражения роль в данной области граждан и общественных объединений, которые также участвуют в реализации государственной политики в сфере безопасности.

Вместе с тем в дефиницию понятия «обеспечение национальной безопасности», претерпевшую и другие изменения, добавлено указание на то, что вышеперечисленные органы публичной власти при реализации соответствующих мер взаимодействуют не только с институтами гражданского общества, но и с различными организациями. Но при этом по некой причине в рассматриваемом определении уже нет упоминания о направленности данных мер на удовлетворение национальных интересов (сказано только о противодействии угрозам национальной безопасности).

Определение понятия «национальная безопасность»

Переходя к определению понятия «национальная безопасность Российской Федерации», отметим, что на данный момент в СНБ РФ закреплена следующая формулировка: «состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны». Здесь небезынтересно отметить, что термин «национальная безопасность» рассматривается как калька английского понятия “national security”. В связи с этим в научной литературе встречается точка зрения, согласно которой понятие «национальная безопасность» – это следствие непрофессионального перевода формулировки “national security”, применительно к которой слово “national” в данном контексте указывает не на «нацию», а на «народ», «государство». Соответственно, в этом случае считается, что правильнее вести речь не о национальной, а о государственной безопасности [11]. Впрочем, в противовес изложенной точке зрения выдвигается

мнение, что подменять национальную безопасность государственной безопасностью и наоборот недопустимо, так как первый термин является более общим, родовым, а второй – более частным, видовым [3; 12]. Отметим, что данное мнение, по сути, получило подтверждение как во вновь утвержденной, так и в предыдущих СНБ РФ.

Если кратко говорить о постсоветском периоде развития отечественного законодательства, то необходимо сказать, что определение понятия «безопасность» в целом было легально закреплено в уже утратившем силу Законе РФ от 05.03.1992 № 2446-1 «О безопасности». В данном акте безопасность определялась как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Утрата силы данного закона связывается как с изменением отношений, которые явились объектом нормативного правового регулирования, так и с имеющимися в нем недостатками. К их числу относят нечеткость определения понятия «безопасность»; несовершенство системы безопасности (ее видов); отсутствие целей обеспечения безопасности; отказ от изложения базовых интересов и ценностей; избирательное закрепление субъектов обеспечения безопасности, нечеткое определение их статуса в сфере безопасности. Вместе с тем ныне действующий Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» не содержит определения данного термина, что считается одним из его недостатков [13].

Законодательное закрепление непосредственно категории «национальная безопасность» впервые произошло в третьей статье Федерального закона от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» (утратил силу), где помимо прочего упоминалось «обеспечение национальной безопасности в сфере информатизации». Определение этого понятия было дано в первом Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию «О национальной безопасности» 1996 г., в котором говорилось: «Национальная безопасность понимается как состояние защищенности национальных интересов от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее прогрессивное развитие личности, общества и государства».

В Концепции национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 17.12.1997 № 1300 (в редакции Указа Президента РФ от 10.01.2000 № 24), говорилось, что под национальной безопасностью Российской Федерации понимается безопасность ее многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации.

В СНБ РФ, утвержденной в 2009 г., уже было использовано определение понятия «национальная безопасность», в значительной мере сходное с приведенным выше вариантом, который закреплен в ныне действующей СНБ РФ [14; 15]. С некоторыми изменениями данное определение было изложено в дальнейшем в СНБ РФ, утвержденной в 2015 г. При этом наряду с этой дефиницией в последнем из названных документов указывалось, что национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации

и законодательством Российской Федерации. В частности, в следовавшем далее перечислении одной из разновидностей выступала государственная безопасность.

Однако в утвержденной в 2021 г. СНБ РФ помимо некоторых изменений в самом изложенном ранее определении (говорится о состоянии защищенности национальных интересов Российской Федерации вместо состояния защищенности личности, общества и государства; добавлено упоминание об обеспечении при этом состоянии гражданского мира и согласия в стране и т. д.) указание на виды безопасности, охватываемые анализируемым понятием, было убрано, что вызывает определенные вопросы. Конечно, в нынешней СНБ РФ упоминаются отдельные разновидности национальной безопасности, например, в перечне стратегических национальных приоритетов (государственная и общественная безопасность, информационная, экономическая, экологическая безопасность), однако вряд ли возможно говорить о каком-либо системном описании обсуждаемых разновидностей. Здесь уместно также вспомнить, что даже применительно к предыдущей СНБ РФ шла речь о фрагментарности закрепления видов национальной безопасности, в частности, отмечалось отсутствие так называемой юридической безопасности. Так, применительно к последней категории выдвигается точка зрения, согласно которой действующее законодательство и сложившаяся правоприменительная практика доказали, что юридическая безопасность является реальным, а не вымышленным правовым явлением. Ее состояние оказывает непосредственное влияние на национальную безопасность и отдельные ее виды, а также другие правовые явления и процессы. Юридическая безопасность относится к числу высоко динамичных явлений, она изменяется под воздействием различных факторов, имеющих как объективную, так и субъективную природу [13].

Нельзя исключать и дальнейшей трансформации нормативно закрепленной дефиниции понятия «национальная безопасность» в силу уже отмечавшейся неоднозначности интерпретации в научной литературе как категории «безопасность» в целом, так и феномена «национальная безопасность» в частности [16]. До сих пор идут научные споры о едином подходе к сущности этого сложного феномена, отмечаются недостаточное нормативное правовое обеспечение ряда положений, касающихся национальной безопасности, и необходимость совершенствования законодательства. В качестве примера можно привести точку зрения И.Б. Кардашовой, которая поддерживает аксиологический (ценностный) подход к сущности национальной безопасности, позволяющий определять ее через сохранность («сбереженность») национальных ценностей от ущерба, наносимого угрозами национальной безопасности. По мнению данного автора, такой вывод подтверждается тезисом о решающем значении задачи «сбережения» российского народа. В настоящее время доминирует позиция, отражающая потребность перехода от тенденции обеспечения защищенности от угроз к стратегическому курсу развития личности, общества и государства, что способствует реализации стратегических национальных приоритетов и обеспечению динамичного социально-экономического развития страны [17].

Национальные интересы

Отмеченное выше разнообразие воззрений исследователей характерно и для определения термина «национальные интересы» (с учетом приведенного варианта, который нашел отражение в СНБ РФ), сущность национальных интересов также активно обсуждается в научной среде, что связывается с их многогранностью и заимствованием из американского лексикона этого понятия, которое «вообще не может иметь точного значения» [17]. Подчеркивается абстрактность и определенная степень субъективности данной категории, что обусловлено влиянием на ее содержание существующей в том или ином обществе ценностной системы [18].

Иерархия ценностей и приоритетов взаимосвязана с уровнями безопасности, каждому из которых свойственны свои доминанты (права и свободы человека и гражданина, сохранение и умножение ценностей различного характера, государственный суверенитет и др.). В рамках национальной безопасности синтезируются коренные, жизненно важные интересы всех социальных субъектов (личности, общества и государства) [19]. При этом личность, общество и государство могут рассматриваться и как объекты национальной безопасности. Согласно одному из высказанных в научной литературе мнений, упоминавшаяся замена в нормативно закреплённом определении национальной безопасности личности, общества и государства национальными интересами не меняет объекты национальной безопасности, что подтверждается и определением термина «национальные интересы», данным в действующей СНБ РФ. Национальная безопасность и национальные интересы – это действительно системные явления. Целостность и единство – основополагающие свойства системы, устанавливающиеся в процессе взаимосвязи и взаимодействия каждого из элементов системы. Как целостное явление, система приобретает новые, иные качественные свойства, которыми не обладает каждый из элементов системы [8].

В связи с этим следует сказать несколько слов об изменениях в перечне и отдельных формулировках национальных интересов, которые нашли отражение в третьем разделе рассматриваемой стратегии. В сравнении с предыдущим вариантом данного документа несколько увеличилось количество выделяемых национальных интересов Российской Федерации (с шести до восьми), например, появилось упоминание о развитии безопасного информационного пространства, охране окружающей среды и т. д. На первое место в обсуждаемом перечне теперь вынесено сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан. Эти установки конкретизируются в новом обширном фрагменте СНБ РФ, утверждённой в 2021 г., который именуется «Сбережение народа России и развитие человеческого потенциала».

Выдвигается точка зрения, что качество жизни людей в очень большой степени определяется сопоставлением фактического уровня защищенности населения от опасностей с возможностями, которыми располагает общество для предотвращения неблагоприятных воздействий на человека. Если человек или социальная группа не могут воспользоваться имеющимися в распоряжении общества возможностями для предотвращения

неблагоприятных воздействий, они расценивают качество собственной жизни как недостаточное. И наоборот, при наличии доступа к известным инструментам снижения опасностей, угрожающих человеку, и, соответственно, повышения качества жизни, он склонен рассматривать качество своей жизни как высокое. При этом люди узнают о наличии тех или иных новых способов защиты от опасностей из практики, наблюдая за жизнью социальных групп, которые уже внедрили в жизнь новые инструменты предотвращения рисков, угрожающих благополучию, и овладели ими [20].

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Таким образом, сказанное позволяет говорить о важности построения социального государства, в частности, для обеспечения национальной безопасности. В целом недооценка важности социальной сферы в данном вопросе приводит к негативным последствиям. Так, увеличение показателей дифференциации доходов и уровня жизни граждан служит причиной социальной напряженности в обществе, что в будущем может привести к социально-экономическим потрясениям, деградации населения, росту преступности, волнениям в обществе. Яркой иллюстрацией также явилась эпидемия COVID-19, которая в социальной сфере выступает одной из главных угроз повышения качества жизни российских граждан. Она, создав серьезные проблемы и приведя к существенным трудностям в сфере обеспечения здоровья населения, что требует отдельного изучения, породила сложности в социальной политике государства в целом: обеспечении жильем, лекарствами, социальном обслуживании, доступности качественного образования [21].

К примеру, указывается, что обеспечить выполнение различных социальных обязательств России будет весьма непросто, так как современные государства в целом уже сейчас сталкиваются с проблемами обеспечения качества жизни граждан в силу ограниченности ресурсов. Многие стандарты качества жизни как в иностранных государствах, так и в России обеспечиваются за счет будущих поколений. Однако следует учитывать, что Россия рассматривается как развивающееся государство, обладающее значительными потенциальными перспективами [10].

Кроме того, уместно отметить, что реализация национальных интересов и стратегических национальных приоритетов современного государства не может происходить вне гражданского общества, о взаимодействии которого с институтами соответствующих органов публичной власти говорилось в ряде рассмотренных ранее определений и которое тесно взаимосвязано с категорией «социальное правовое государство» [22].

В целом, учитывая позитивную роль СНБ Российской Федерации в правовом регулировании в данной сфере, выделяется ряд спорных моментов, в том числе неполнота изложенных определений, и выдвигается небезынтересное и отчасти дискуссионное предложение о целесообразности принятия федерального или даже федерального конституционного закона «О национальной безопасности», в котором помимо прочего должен быть закреплён понятийный аппарат в соответствующей сфере. Выбор в пользу принятия именно федерального

конституционного закона аргументируется посредством указания на значимость объекта правового регулирования, наличие федеральных законов, регулирующих отдельные виды национальной безопасности, ее частные аспекты. Для того чтобы эти федеральные законы соответствовали положениям предполагаемого закона «О национальной безопасности», он должен обладать большей юридической силой [13]. Однако установлено правило, что законы такого рода принимаются только по вопросам, предусмотренным Конституцией РФ, поэтому для принятия ФКЗ «О национальной безопасности» потребуется внесение изменений в Основной закон РФ.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Обобщая вышеизложенное, можно отметить, что нормативно закрепленные определения основных понятий, изложенные в общих положениях СНБ РФ, утвержденной в 2021 г. (в том числе собственно дефиниция термина «национальная безопасность»), в очередной раз претерпели изменения различной степени значимости. С точки зрения удобства и точности описания составных элементов национальной безопасности не вполне ясен отказ авторов анализируемого документа от пояснения о разновидностях национальной безопасности, охватываемых объемом данного понятия. Определенной трансформации подвергся и перечень национальных интересов Российской Федерации. Обращает на себя внимание вынесение в нем на первое место формулировок, связанных с категорией «социальное государство», важную роль в построении и функционировании которого должны играть институты гражданского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александров Р.А. О современном состоянии законодательства Российской Федерации в области национальной безопасности // Российский следователь. 2006. № 4. С. 45–49.
- Кардашова И.Б. О проблемах исследования обеспечения национальной безопасности // Административное право и процесс. 2014. № 5. С. 29–32.
- Акимочкин В.И., Короленко И.И., Кравцов Д.Н. Относительно определения национальной безопасности России как объекта уголовно-правовой охраны // Российский следователь. 2018. № 3. С. 53–58.
- Кирьянов А.Ю. Сущность информационного аспекта национальной безопасности РФ // Международное публичное и частное право. 2005. № 3. С. 42–43.
- Вербицкий В.В. Национальная безопасность Российской Федерации в экологической сфере как категория // Экологическое право. 2013. № 4. С. 2–7.
- Колоткина О.А. Приоритеты обеспечения национальной безопасности в контексте интересов личности: конституционно-правовой анализ // Российская юстиция. 2018. № 8. С. 8–10.
- Неймарк М.А. Новая Стратегия национальной безопасности России: преемственность и развитие // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2021. № 7. С. 5–18.
- Решетникова Г.А. Объекты национальной безопасности: их природа, социально-политическое и правовое значение // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2021. Т. 31. № 4. С. 690–696.
- Беляев В.П., Чапчиков С.Ю. Оптимизация механизма обеспечения национальной безопасности России: некоторые направления // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9. С. 31–41.
- Советов И.К. Публичная власть в России по Конституции 2020 года // Вестник Прикамского социального института. 2020. № 3. С. 43–52.
- Есаян А.К. «Национальная безопасность» как правовая категория // Государственная власть и местное самоуправление. 2009. № 8. С. 11–14.
- Кардашова И.Б. О категориально-понятийном аппарате теории национальной безопасности // Российский следователь. 2005. № 5. С. 51–55.
- Липинский Д.А., Макарейко Н.В., Мусаткина А.А., Фомин А.А., Станкин А.Н., Чукова Е.В. Национальная безопасность, юридическая ответственность и безответственность: проблемы механизма взаимодействия и системных связей. М.: РИОР, 2020. 578 с.
- Степанов А.В. Понятие категории «национальная безопасность»: теоретико-правовой анализ // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 2. С. 8–17.
- Мигачев Ю.И., Молчанов Н.А. Правовые основы национальной безопасности (административные и информационные аспекты) // Административное право и процесс. 2014. № 1. С. 46–49.
- Поддубный А.О., Удычак Ф.Н. К вопросу о понятии «национальная безопасность» // Российская юстиция. 2019. № 6. С. 6–7.
- Кардашова И.Б. Тенденции правового регулирования в сфере национальной безопасности // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 1. С. 51–59.
- Кашинская Л.Ф., Саидов А.Х. Национальная безопасность и национальные интересы: взаимосвязь и взаимодействие (опыт политико-правового анализа) // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 119–126.
- Алехнович С.О. К вопросу об изменении подходов к теории и практике национальной безопасности // Международное публичное и частное право. 2007. № 4. С. 25–29.
- Зубец А.Н., Новиков А.В., Селезнев П.С. Национальная безопасность России: о некоторых правовых аспектах качества жизни российского населения // Право и образование. 2021. № 1. С. 48–56.
- Сосенков Ф.С. Национальная безопасность России в условиях кризисных политико-правовых процессов: экономические, политические, социальные угрозы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 2. С. 229–231.
- Воронов А.М. Институты гражданского общества в негосударственной системе обеспечения национальной безопасности современной России // Научный портал МВД России. 2016. № 2. С. 132–136.

REFERENCES

- Aleksandrov R.A. On the current situation in the Russian Federation legislation in the field of national security. *Rossiyskiy sledovatel*, 2006, no. 4, pp. 45–49.

2. Kardashova I.B. On problems of research of ensuring the national security. *Administrativnoe pravo i protsess*, 2014, no. 5, pp. 29–32.
3. Akimochkin V.I., Korolenko I.I., Kravtsov D.N. Concerning definition of the Russian national security as an object of criminal law protection. *Rossiyskiy sledovatel*, 2018, no. 3, pp. 53–58.
4. Kiryanov A.Yu. The essence of the informational aspect of the national security of the Russian Federation. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*, 2005, no. 3, pp. 42–43.
5. Verbitskiy V.V. National security of the Russian federation in the ecological sphere (ecological dimension as a complicated theoretical and legal category). *Ekologicheskoe pravo*, 2013, no. 4, pp. 2–7.
6. Kolotkina O.A. Priorities of national security in the context of individual interests: constitutional and legal analysis. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2018, no. 8, pp. 8–10.
7. Neymark M.A. New Russia's national security strategy: continuity and development. *Nauchno-analiticheskiy zhurnal Obozrevatel – Observer*, 2021, no. 7, pp. 5–18.
8. Reshetnikova G.A. Facilities of national security: their nature, socio-political and legal value. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo*, 2021, vol. 31, no. 4, pp. 690–696.
9. Belyaev V.P., Chapchikov S.Yu. Enhancement of the mechanism for ensuring Russia's national security: some directions. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2018, no. 9, pp. 31–41.
10. Sovetov I.K. Public authority in Russia under the 2020 constitution. *Vestnik Prikamskogo sotsialnogo instituta*, 2020, no. 3, pp. 43–52.
11. Esayan A.K. “National security” as legal category. *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie*, 2009, no. 8, pp. 11–14.
12. Kardashova I.B. About kategorialno-conceptual apparatus of the theory of national security. *Rossiyskiy sledovatel*, 2005, no. 5, pp. 51–55.
13. Lipinskiy D.A., Makareyko N.V., Musatkina A.A., Fomin A.A., Stankin A.N., Chuklova E.V. *Natsionalnaya bezopasnost, yuridicheskaya otvetstvennost i bezotvetstvennost: problemy mekhanizma vzaimodeystviya i sistemnykh svyazey* [National Security, Legal Responsibility and Irresponsibility: Problems of the Mechanism of Interaction and System-related Connections]. Moscow, RIOR Publ., 2020. 578 p.
14. Stepanov A.V. Concept of the category of “national security”: theoretical and legal analysis. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, 2015, no. 2, pp. 8–17.
15. Migachev Yu.I., Molchanov N.A. Legal fundamentals of national security (administrative and information aspects). *Administrativnoe pravo i protsess*, 2014, no. 1, pp. 46–49.
16. Poddubnyy A.O., Udychak F.N. On the issue of the concept of “national security”. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2019, no. 6, pp. 6–7.
17. Kardashova I.B. Trends in legal regulation in the field of national security. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii*, 2021, no. 1, pp. 51–59.
18. Kashinskaya L.F., Saidov A.Kh. National security and national interests: correlation and interaction (experience in political and legal analysis). *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2005, no. 12, pp. 119–126.
19. Alekhovich S.O. On the issue of changing approaches to the theory and practice of national security. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*, 2007, no. 4, pp. 25–29.
20. Zubets A.N., Novikov A.V., Seleznev P.S. Russian national security: on some legal aspects of the quality of life of the Russian population. *Pravo i obrazovanie*, 2021, no. 1, pp. 48–56.
21. Sosenkov F.S. Russia's national security under the processes of political and legal crises: economic, political, and social threats. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2021, no. 2, pp. 229–231.
22. Voronov A.M. Civil society institutions within the system of ensuring the national security of the modern Russia. *Nauchnyy portal MVD Rossii*, 2016, no. 2, pp. 132–136.

TO THE QUESTION OF CHANGES IN THE STRATEGY OF THE RUSSIAN FEDERATION NATIONAL SECURITY IN 2021

© 2021

I.A. Aleksandrov, PhD (Law), assistant professor of Chair “Constitutional and Administrative Law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: national security; national security strategy; national interests; strategic national priorities; the Russian Federation.

Abstract: The paper considers a number of changes made to the Strategy of the Russian Federation National Security, which was approved by the Decree of the President of the Russian Federation on July 2, 2021, in comparison with the previous strategy approved in 2015. The study is important since a new strategy has been recently enacted, and a uniform understanding of the key concepts reflected in this document seems essential. Some issues related to the fixed definitions of such concepts as “national security of the Russian Federation”, “national interests of the Russian Federation”, “strategic national priorities of the Russian Federation”, “national security protection”, “threat to national security”, “national security protection system” are analyzed. The study compares the definition of the concept “national security” fixed in the Strategy of the Russian Federation National Security, which was approved in 2021, with the options for other definitions given in the similar documents that were previously in force in Russia during the post-Soviet period of Russian history. The study additionally focuses on the transformation of national interests of the Russian Federation, which are enlisted in the recent strategy. In particular, the paper discusses the wording “saving the people of Russia, developing human potential, improving the quality of life and the well-being of citizens”. The author emphasizes that undervaluation of the strategic importance of the social sphere as a security factor in the course of economic and political reforms may cause threat of loss of citizens' confidence in government officials, which, under certain conditions, can lead society and the country to a constitutional crisis and the collapse of federal status.

КОЛЛИЗИИ МЕЖДУ НОРМАТИВНЫМИ ПРАВОВЫМИ АКТАМИ ОРГАНОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА И НОРМАТИВНЫМИ ПРАВОВЫМИ АКТАМИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ И ИХ РАЗРЕШЕНИЕ СУДАМИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

© 2021

А.С. Гамбарян, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории права и конституционного права
Российско-Армянский университет, Ереван (Республика Армения)

Ключевые слова: коллизии; коллизионная норма; законы РА; суды РА; правовые акты органов ЕАЭС; правило *lex superior*.

Аннотация: Для комплексного рассмотрения коллизий между актами нормативного характера органов ЕАЭС и нормативными актами РА, а также вопросов их разрешения судами РА анализируются правила непосредственного применения нормативных актов органов ЕАЭС на территории Республики Армения. В законодательстве Республики Армения отсутствуют коллизионные нормы, разрешающие противоречия между нормативно-правовыми актами органов ЕАЭС и нормативно-правовыми актами органов РА (за исключением Конституции РА). В статье анализируются позиции Конституционного Суда РА и Административного Суда РА по этим вопросам. Автор предлагает до законодательного закрепления соответствующих коллизионных норм судам РА выбрать один из вариантов разрешения вопроса. Вариант первый: суд закрепляет в своем судебном акте самостоятельное коллизионное правило *lex superior*, согласно которому нормативные акты органов ЕАЭС имеют приоритет над законами РА, а в случае такого противоречия применяются нормативные акты органов ЕАЭС. Основным недостатком данного варианта является сложность обоснования действительности (легитимности) источника коллизионного правила, установленного судом. Вариант второй: правовые свойства нормативных актов органов ЕАЭС приравниваются в судебном акте к международным договорам посредством правовой фикции. Вариант третий: суд констатирует наличие пробела в вопросе разрешения коллизии между нормативными актами органов ЕАЭС и законами РА в позитивном праве РА, поскольку ни ст. 6 Конституции РА, ни решение Конституционного суда № УԴՈ-1175, ни Закон РА «О нормативных правовых актах» не предусматривают иерархию и коллизионную норму для нормативных актов органов ЕАЭС и законов РА. Далее, руководствуясь ст. 39 Закона РА «О нормативных правовых актах» (применение аналогии права и закона) и разрешая коллизию между нормативными актами органов ЕАЭС и нормативными актами РА, по аналогии следует применять ч. 3 ст. 5 Конституции РА.

ВВЕДЕНИЕ

Евразийская интеграция является достаточно противоречивым явлением: с одной стороны, теоретики отмечают ее необходимый характер [1; 2], с другой стороны, ей противится население многих постсоветских стран, предпринимая цветные революции [3]. Преобладает позитивное восприятие. В конечном итоге создаются наднациональные структуры для взаимосогласованного решения проблем, вытекающих из объективных правовых отношений наднациональной платформы [4–6]. В решениях органов наднациональных учреждений и организаций, формулируемых при добровольном участии каждой страны, находит свое отражение желание национального мандатного участия в силу ратифицированного международного договора, которое исходит из национальных интересов страны. Национальные учреждения выполняют свои функции с учетом правовых норм международных договоров, представляющих собой неотъемлемую часть внутренней правовой системы¹.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) является наднациональной международной организацией. 10 октября 2014 года Республика Армения присоединилась к Договору о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор о ЕАЭС).

Органы ЕАЭС, в частности Суд ЕАЭС, принимают решения (вторичные акты ЕАЭС), которые представляют собой акты, содержащие нормативные правовые положения (далее – нормативные акты) [7–9], и могут противоречить национальным нормативным правовым актам [10; 11]. Например, согласно п. 13 приложения 1 к Договору о ЕАЭС, «Евразийская экономическая комиссия в пределах своих полномочий принимает обязательные для исполнения решения нормативно-правового характера для государств-членов». Возрастание роли ЕАЭС [12] неизбежно приводит к возникновению вопроса о юридической силе [13; 14] и возможности реализации актов органов ЕАЭС в государствах – членах ЕАЭС, в частности в Республике Армения [15], в законодательстве которой отсутствуют коллизионные нормы, призванные разрешить потенциальные противоречия между актами органов ЕАЭС и правовыми актами РА.

Более того, в постсоветской правовой действительности не обсуждался и не обсуждается вопрос соотношения законов РА и правовых актов органов ЕАЭС в аспекте коллизий, а в армянской действительности этот вопрос преимущественно рассматривался и рассматривается в свете общего характера имплементации правовых актов органов ЕАЭС через призму конституционных положений [16–18] и не освещается в рамках судебной практики [19; 20].

Для беспрепятственного применения нормативных актов органов ЕАЭС на территории государств-членов

¹Решение Конституционного Суда РА УԴՈ-1175 от 14.11.2014 // Arlis: Armenian legal information system. URL: <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docID=93758>.

представляется необходимым их коллизионно-правовое изучение.

Цель исследования – выяснение коллизионных норм, призванных разрешить коллизии между нормативными правовыми актами органов ЕАЭС и нормативными правовыми актами государственных органов РА, а также в этой сфере и предложение способов их устранения судами РА.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Вопрос коллизий между нормативными правовыми актами органов ЕАЭС и нормативными правовыми актами государственных органов РА изучен с точки зрения как коллизионных правил, существующих в общей теории права, так и коллизионных норм, закрепленных в позитивном праве РА и сформированных в рамках судебной практики.

Исследование проводилось в несколько этапов.

Во-первых, в ходе исследования были рассмотрены законодательные положения РА о действии (применении) актов органов ЕАЭС на территории Республики Армения, а также история их формирования.

Во-вторых, на основании полученных данных была предпринята попытка найти те коллизионные правила, посредством которых правоприменительные органы РА могут разрешить коллизии между нормативными актами органов ЕАЭС и нормативными актами государственных органов РА. На данном этапе исследования были изучены:

- 1) коллизионные нормы, закрепленные в позитивном праве РА (ст. 5 Конституции РА, закон РА «О нормативных правовых актах»);
- 2) практика Конституционного и Административно-судов РА;
- 3) правовое регулирование коллизий в отдельных государствах – членах ЕАЭС.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

1. Способы реализации и применения актов органов ЕАЭС

1.1. Действие актов органов ЕАЭС в соответствии с договорами ЕАЭС. Для разрешения коллизий между нормативными актами органов ЕАЭС и нормативными правовыми актами РА принципиальное значение имеет вопрос о том, применяются ли акты органов ЕАЭС непосредственно в Республике Армения или вводятся в действие посредством актов государственных органов РА.

Согласно ч. 1 ст. 6 Договора о ЕАЭС, «решения Высшего Евразийского экономического совета и Евразийского межправительственного совета подлежат исполнению государствами-членами **в порядке, предусмотренном их национальным законодательством** (выделено автором. – А. Г.)». Есть два замечания относительно этого положения.

Во-первых, норма оговаривает условие выполнения решений Высшего Евразийского экономического совета и Евразийского межправительственного совета «в порядке, установленном национальным законодательством», что позволяет сделать вывод о предостав-

лении Договором о ЕАЭС возможности государствам-членам определять порядок реализации решений этих органов ЕАЭС. Государство может по своему усмотрению определить, что решения этих органов имеют прямое действие на их территории или приводятся в исполнение государственными нормативными правовыми актами [17]. Более того, законодательством РА такая процедура не предусмотрена.

Во-вторых, условие, содержащееся в обсуждаемом положении, касается только выполнения решений Высшего Евразийского экономического совета и Евразийского межправительственного совета. Условие «в соответствии с национальным законодательством» не распространяется на выполнение решений Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК).

Более того, в п. 13 Приложения 1 к Договору о ЕАЭС прямо упоминается непосредственное применение решений ЕЭК: «Решения Комиссии входят в право Союза и подлежат непосредственному применению на территориях государств-членов».

В этой связи следующая формулировка, обозначенная в консультативном заключении Суда ЕАЭС от 10.07.2018, неприемлема: «В отношении наднациональных актов Союза установлено правило непосредственного их применения»². Общая формулировка Суда ЕАЭС о непосредственном применении актов Союза создает впечатление о наличии прямого действия актов всех органов ЕАЭС. Между тем п. 13 Приложения 1 к Договору о ЕАЭС говорит только о непосредственном применении решений ЕЭК.

Таким образом, государства – члены ЕАЭС определяют порядок реализации решений Высшего Евразийского экономического совета и Евразийского межправительственного совета в соответствии с национальным законодательством, в то время как государства-члены не имеют дискреционных полномочий в вопросе применения нормативных актов ЕЭК. Нормативные акты ЕЭК имеют прямое действие на территории государства-члена.

1.2. Применение (действие) актов органов ЕАЭС согласно нормативным актам РА. Ст. 2 Договора о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 10.10.2014 предусматривает: «С даты вступления в силу настоящего Договора акты органов Союза, а также решения Высшего Евразийского экономического совета (Межгосударственный совет Евразийского экономического сообщества (Высший орган Таможенного союза)), решения Евразийской экономической комиссии (Таможенного союза), вступившие в силу со дня вступления в силу настоящего Соглашения, применяются на территории Республики Армения...».

В отличие от п. 13 Приложения 1 к Договору о ЕАЭС, ст. 2 Договора о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе обычно

²Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 10.07.2018 «По заявлению Республики Беларусь о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/doc/konsultativnoe-zakliuchenie-suda-evraziiskogo-ekonomicheskogo-soiuza-ot-10072018-po/>.

касается применения решений органов Союза, но неясно, является ли это непосредственным или опосредованным применением решений.

Ст. 24 Закона РА «О нормативных правовых актах» предусматривает (до вступления в силу Закона $\mathcal{R}\mathcal{O}$ -175- $\mathcal{U}$ от 30.04.2021), что правовые акты нормативного характера Евразийской экономической комиссии вводятся в действие законами РА или решениями Правительства РА. Согласно этому положению, нормативные акты ЕЭК подлежат повторному утверждению, что предусмотрено любым нормативным правовым актом, входящим в правовую систему РА.

Чем обусловлен выбор опосредованного применения нормативных актов ЕЭК властями РА в 2018–2021 годах? Бывший заместитель министра юстиции РА (17.10.2016–22.03.2019) А. Оганесян отметил: «Нормативные акты Евразийской экономической комиссии не могут напрямую применяться в Республике Армения без внесения изменений в Конституцию, это будет противоречить статьям 5–6 Конституции. Поэтому действующий Закон «О нормативных правовых актах» предусматривает инструментарий для реализации этих актов постановлением Правительства. Он решает два вопроса: во-первых, эти акты занимают горизонтальное положение подзаконного нормативного акта в правовой иерархии Республики Армения, а во-вторых, предоставляется возможность оспорить акты в случае возникновения вопроса о законности»³.

Сторонником вышеупомянутого подхода является также Т. Маркосян, который отмечает: «Озабоченность вызывает вопрос о месте нормативных правовых актов наднациональных международных организаций в системе национальных нормативных правовых актов. Дело в том, что статья 5 Конституции предусматривает исчерпывающий перечень нормативных правовых актов (Конституция, конституционный закон, закон и подзаконный акт) и их определенную иерархию. В результате непосредственное применение решений Евразийской экономической комиссии приведет к тому, что они будут вне этого списка, также не будет ясно место этих актов в иерархии нормативных правовых актов» [17, с. 93].

Сторонники данного подхода, считая, что ст. 5 Конституции РА призвана зафиксировать исчерпывающий перечень нормативных правовых актов (Конституция, конституционный закон, закон, подзаконные акты), приходят к выводу, что нормативные акты ЕЭК находятся вне перечня нормативных правовых актов. Поэтому непосредственное применение актов допускается только в случае внесения конституционных изменений.

До 2021 года законодательное регулирование и его теоретическое обоснование были весьма спорными. Г. Даниелян отметил, что при разработке концепции конституционных реформ и проекта поправок 2015 года часто поднимался вопрос о необходимости рассмотрения в проекте правовых актов органов, действующих на основе международных договоров, в частности, признания их составной частью национальной правовой

системы. При этом ученый отмечает, что, по его мнению, нет необходимости в признании такого правового акта в качестве непосредственно применимого компонента внутренней правовой системы, а только в качестве основы для принятия соответствующих национальных правовых актов. Причем в одном случае может быть принят нормативный акт, в другом – индивидуальный правовой акт [18].

Во-первых, на каком основании делается попытка найти место нормативным актам органов наднациональной международной организации в системе нормативных правовых актов государственных органов РА? Место актов органов международных наднациональных организаций следует искать не в системе национального законодательства (нормативных правовых актах), а в общей системе официальных источников (форм) права РА.

Во-вторых, ст. 5 Конституции РА перечисляет виды нормативных правовых актов (Конституция, конституционный закон, закон, подзаконный акт), но эти слова, с точки зрения предмета регулирования приведенной статьи, не содержат важную информацию. Цель данной статьи (предмет регулирования) заключается в предумышленном мер по разрешению вертикальных коллизий между перечисленными в статье нормативными правовыми актами, а не представлении системы нормативных правовых актов.

Конституционный Суд РА, проверивший конституционность положений вышеупомянутого международного договора, в рамках решения $\mathcal{U}\mathcal{H}\mathcal{N}$ -1175 от 14.11.2014 не заявил о неконституционности непосредственного применения нормативных актов ЕЭК. Более того, Конституционный Суд РА отметил: «Республика Армения обязуется применять на своей территории акты органов Союза со дня вступления в силу Договора, а также решения Высшего Евразийского экономического совета (решения Межгосударственного совета Евразийского экономического сообщества, Евразийской экономической комиссии (Комиссии Таможенного союза)) с учетом положений Приложения 3 к Договору»⁴.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Конституционный Суд РА косвенно признал конституционность положения о непосредственном применении нормативных актов ЕЭК, поэтому ни один орган исполнительной власти не может выдвигать противоположное утверждение или предположение при разработке законодательной политики.

В-третьих, регулирование, предусмотренное предыдущей редакцией ст. 24 Закона РА «О нормативных правовых актах», существенно противоречило положениям упомянутых соглашений о непосредственном применении актов органов ЕАЭС.

Кроме того, в соответствии со ст. 24 Закона РА «О нормативных правовых актах» юридическая сила нормативных актов ЕЭК приравнивалась соответственно к юридической силе закона РА или решения Правительства РА. Получается, к примеру, при противоречии закону РА, нормативный акт ЕЭК, вступивший в силу посредством постановления Правительства РА, не может

³Из публикации Оганесяна А. От 15.02.2021.

URL: <https://www.facebook.com/artur.hovhannisyan.921/posts/3629189480463862>.

⁴Решение Конституционного суда РА $\mathcal{U}\mathcal{H}\mathcal{N}$ -1175

от 14.11.2014 г. // Arlis: Armenian legal information system. URL: <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docID=93758>.

применяться на территории Республики Армения. В таком случае возникает вопрос: как Республика Армения будет выполнять обязательство по применению нормативных актов ЕЭК на своей территории, предусмотренное Договором о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 10.10.2014?

В-четвертых, правовая практика показывает, что нормативные акты ЕЭК применяются непосредственно на территории Республики Армения без инкорпорации в нормативные правовые акты РА.

В-пятых, введение в действие нормативных актов органов ЕАЭС посредством законов или подзаконных актов РА предоставляет возможность оспаривания законов или подзаконных актов РА, вводящих в действие эти акты, в Конституционном и Административном судах, т. е. нормативные акты органов ЕАЭС будут оспариваться в судебном порядке под видом оспаривания нормативного правового акта. Между тем существует Суд ЕАЭС для обжалования актов органов ЕАЭС. Введение актов органов ЕАЭС в действие нормативными актами РА создаст конфликтные ситуации между национальными судами и Судом ЕАЭС.

Вышеупомянутые обстоятельства свидетельствуют о том, что законодательное регулирование введения в действие нормативных актов ЕЭК через нормативные акты государственных органов РА было весьма противоречивым. Исходя из указанных обстоятельств, в 2019 году Правительство РА инициировало внесение законодательных изменений в ст. 24 Закона РА «О нормативных правовых актах». Авторы проекта, анализируя Договор о ЕАЭС и положения Договора о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 10.10.2014, в обосновании проекта обозначили следующее: «В силу международных обязательств решения ЕЭК подлежат обязательному исполнению в Армении, нет необходимости принимать отдельный акт об их вступлении в силу. Необходимо лишь обеспечить доступность упомянутых решений для общественности, своевременно переводя их и публикуя»⁵.

19 апреля 2021 года Национальное Собрание РА приняло закон ՅՕ-175-Ն (вступил в силу 30 апреля 2021 года), которым в ст. 24 Закона РА «О нормативных правовых актах» определены следующие нормы:

1) нормативные акты ЕЭК в соответствии с международным договором о Евразийском экономическом союзе имеют непосредственное действие на территории Республики Армения;

2) в соответствии с ч. 2 ст. 110 Договора о ЕАЭС нормативные акты ЕЭК после перевода направляются для публикации в компетентный орган, назначенный Правительством.

2. Нормативные правовые акты РА и органов ЕАЭС

2.1. Основные положения. Ст. 5 Конституции РА, Закон РА «О нормативных правовых актах» не предусматривают коллизионных норм *lex superior* для разре-

шения коллизий между нормативными актами органов ЕАЭС и Конституцией РА или законами.

До законодательного закрепления приведенных правил разрешения коллизий судебные органы РА должны сформулировать коллизионные каноны, с помощью которых можно будет разрешить обсуждаемые коллизии.

2.2. Коллизионное правило *lex superior*. Конституция РА не определяет коллизионную норму, которой следует отдавать предпочтение в случае возникновения коллизии между нормативными актами органов наднациональных международных организаций и Конституцией. Этот пробел в какой-то мере восполнен Конституционным Судом РА, в решении УՂՈ-1175 от 14.11.2014 которого установлено следующее: «Для Армении действие решений наднациональных органов возможно только в рамках соблюдения Конституции РА. Любое решение, принятое наднациональным органом с участием Республики Армения, не соответствующее этому требованию, не применяется в Республике Армения. А при соблюдении этих требований не могут возникнуть проблемы неконституционности сотрудничества Республики Армения с той или иной региональной или международной организацией. Это в полной мере относится к рассматриваемому Договору и международным обязательствам по нему»⁶. Из этого решения Конституционного Суда РА можно сделать несколько выводов.

Во-первых, в решении Конституционного Суда РА говорится о запрете применения на территории РА актов органов ЕАЭС, противоречащих Конституции РА. Тот факт, что акты органов ЕАЭС не применяются в конкретном случае на том основании, что они противоречат Конституции РА, не означает, что они признаны неконституционными и недействительными. Согласно действующему законодательству, органы РА не обладают полномочиями признавать недействительными акты органов ЕАЭС.

В соответствии со ст. 168 Конституции РА акты наднациональных международных организаций не входят в перечень объектов конституционного контроля. Нормативные акты органов ЕАЭС непосредственно не могут стать объектом конституционного судебного контроля.

Во-вторых, адресатами запрета на применение противоречащих Конституции актов ЕАЭС являются не только суды РА, но и другие правоприменительные органы, в том числе административные. Если правоприменительный орган при рассмотрении конкретного дела обнаруживает нормативный акт органа ЕАЭС, который противоречит Конституции РА, то он не уполномочен руководствоваться нормативным актом ЕАЭС.

Государства – члены ЕАЭС по-разному регулируют вопросы нормативных актов органов ЕАЭС, иерархии парламентских законов, разрешения своих конфликтов. Например, ст. 4 Конституции Республики Казахстан не предусматривает коллизионной нормы, разрешающей противоречие между нормативными актами органов международной организации

⁵Нормативно-правовые акты О внесении изменений и дополнений в закон // Единый веб-сайт для публикации правовых актов. URL: <https://www.e-draft.am/projects/2496/about>.

⁶Решение Конституционного суда РА УՂՈ-1175 от 14.11.2014 г. // Arlis: Armenian legal information system. URL: <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docID=93758>.

и законами⁷, но Конституционный Совет Республики Казахстан зафиксировал следующую коллизию нормы в п. 3 нормативного решения от 05.11.2009: «При возникновении коллизии между обязательным для Казахстана решением международной организации и (или) ее органа и нормативными правовыми актами Республики Казахстан, действует решение международной организации и (или) ее органа до устранения такой коллизии»⁸.

Что касается ЕЭК, Конституционный Совет Республики Казахстан указал, что если обязательный акт Комиссии Таможенного союза противоречит закону Республики Казахстан или иному нормативному правовому акту, то по общему правилу применяется правовая норма, принятая Комиссией.

Как уже отмечалось, в Конституции Казахстана не предусмотрена коллизионная норма для урегулирования коллизий между актами органов ЕАЭС и законами, поэтому возникает вопрос: каков источник действительности коллизионной нормы, установленной Конституционным Советом? Иначе говоря, на каком основании Конституционный Совет узаконил коллизионную норму о верховенстве актов органов ЕАЭС? Чтобы легитимизировать обсуждаемую коллизионную норму, Конституционный Совет справедливо применил юридическую фикцию, в соответствии с которой нормативные акты органов ЕАЭС не являются международными договорами, но приравниваются к ним. Конституционный Совет отметил, что решения международных организаций и их органов могут приобретать юридические свойства международного договора, ратифицированного Республикой, если в международном договоре, ратифицированном Республикой Казахстан, прямо указано, что эти решения являются обязательными для Казахстана.

В Республике Беларусь вопросы соотношения нормативных актов и законов органов ЕАЭС четко не урегулированы, но доктрина констатирует, что в иерархии нормативных правовых актов решения межгосударственных образований имеют меньшую юридическую силу, чем законы и декреты Республики Беларусь [19]. Основанием для подобного вывода послужили те полномочия Конституционного Суда Беларуси, согласно которым он выносит заключение о соответствии актов межгосударственных образований законам и декретам (п. 4 ст. 116 Конституции Республики Беларусь)⁹. В то же время теоретики неоднократно заявляли, что ст. 116 Конституции адресована исключительно Конституци-

онному суду и не может применяться никаким другим органом [20].

При этом ст. 9 Закона Республики Беларусь «О Конституционном суде» (утратил силу) предусматривала, что если Конституционный суд постановляет о несоответствии актов межгосударственных образований закону, то эти акты считаются недействительными¹⁰. Этот подход был смягчен Законом «О конституционном судопроизводстве» от 2014 года, ст. 85 которого не предполагает отмены актов межгосударственных организаций, но предусматривает, что государственный орган, ответственный за реализацию акта межгосударственного образования, должен принять меры, предусмотренные международным правом, для прекращения обязательной силы такого акта в отношении Республики Беларусь¹¹.

В то же время в судебной практике РА уже наблюдались случаи возникновения противоречий между нормативными актами органов ЕАЭС и законами РА. Так, в соответствии с параграфом 15 ст. 158 Кодекса РА об административных правонарушениях (далее – КоАП РА), «продажа любых пищевых продуктов, не являющихся детскими молочными смесями для детей младше 6 месяцев: влечет назначение штрафа – в трехсоткратном размере установленной минимальной заработной платы». Между тем Комиссия Таможенного союза посчитала, что смеси для детей младше 6 месяцев Semper, Heinz, Humana соответствуют стандартам безопасности пищевых продуктов, установленным техническими регламентами Таможенного союза¹². Вышесказанное свидетельствует об отсутствии возрастных ограничений на каши для детского питания в ЕАЭС. Республика Армения, как государство – член ЕАЭС, руководствуется последними актами, решениями Высшего Совета, одним из которых является Генеральный реестр Евразийской экономической комиссии. Получается, что, с одной стороны, КоАП РА запрещает продажу любого детского питания, не являющегося молочной смесью, с другой стороны, выдав сертификаты на эти продукты, ЕЭК разрешает их обращение в ЕАЭС.

Как разрешить сложившуюся коллизионную ситуацию? Административный суд РА обращался к этому вопросу в двух делах. В административном деле № ЧГ/10460/05/19 истец фактически поднял вопрос о противоречии нормативных актов органов ЕАЭС закону РА, однако суд в своем решении от 26.10.2020

⁷ Конституция Республики Казахстан принята 30 августа 1995 года // Адилет: информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_#z5.

⁸ Нормативное постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 5 ноября 2009 года № 6 «Об официальном толковании норм статьи 4 Конституции Республики Казахстан применительно к порядку исполнения решений международных организаций и их органов // Юрист. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30519643#pos=3;-88.

⁹ Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>.

¹⁰ О Конституционном суде Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь, 30 марта 1994 г., № 2914-ХП // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=V19402914>.

¹¹ О конституционном судопроизводстве: Закон Республики Беларусь, 8 января 2014 г., № 124-3 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11400124>.

¹² Согласно сертификату Евразийской экономической комиссии № RU.77.99.19.005.Е.045392.11.11 от 22.01.2016 каша “Semper” предназначена для детей старше 5 месяцев.

Согласно сертификату Евразийской экономической комиссии № RU.77.99.19.005.Е.035308.09.11 от 25.01.2016 каша “Semper 1” предназначена для детей с 6-месячного возраста.

Согласно сертификату Евразийской экономической комиссии № RU.77.99.26.005.Е.0297774.08.11 от 22.01.2016 каша “Humana expert 1” предназначена для детей с 6-месячного возраста.

признал недействительным решение о наложении административного взыскания и не обратился к противоречию между параграфом 15 ст. 158 КоАП РА и актами органов ЕАЭС. Признание административного акта недействительным судом обусловлено наличием процессуальных нарушений при сборе доказательств.

Между тем во втором деле № ЧТ/10376/05/19 Административный суд РА в своем решении от 28.10.2020 в некоторой степени обратился к коллизии, поэтому представим его более подробно. В указанном деле суд отметил: «Комиссия Таможенного союза посчитала, что пищевые продукты, не являющиеся детскими молочными смесями для детей младше 6 месяцев, Sempreg, Heinz, Humana соответствуют показателям безопасности пищевых продуктов, определенным техническим регламентом Таможенного союза, что свидетельствует об отсутствии запрета на их ввоз и (или) продажу на территории Республики Армения по смыслу приведенных ранее норм. В соответствии с вышеупомянутыми нормами международного договора, ратифицированного Республикой Армения, государство обязалось обеспечить оборот продукции, соответствующей техническим регламентам Таможенного союза, без предъявления дополнительных требований помимо требований к этой продукции, следовательно, реализация продажи детского питания, не являющегося молочной смесью, не могла повлечь административную ответственность по ст. 158 КоАП РА»¹³.

Данное решение суда не имеет рационального юридического обоснования. Судья, осознавая требование выполнения международных обязательств, на интуитивном уровне решил, что параграф 15 ст. 158 КоАП РА не может повлечь ответственность за продажу товаров, разрешенных ЕЭК, на территории Республики Армения.

Во-первых, Административный суд РА (далее – Суд) явно (прямо) не указал в решении, что имело место несоответствие между нормативными актами ЕЭК и параграфом 15 ст. 158 КоАП РА, поэтому можно предположить, что Суд в рамках данного дела не заметил никакого противоречия между актами ЕЭК и ст. 158 КоАП РА (хотя наличие такого противоречия очевидно). Можно предположить, что Суд избежал квалификации данной ситуации в качестве коллизии, поскольку коллизийная норма об урегулировании коллизий между актами ЕАЭС и законами РА не закреплена в позитивном праве РА. С другой стороны, если Суд не обнаружил противоречия между правовыми нормами в этом деле, то почему он сослался на коллизийную норму, закрепленную в ч. 3 ст. 5 Конституции РА.

Конечно, можно сказать, что Суд интерпретировал параграф 15 ст. 158 КоАП РА в данном деле в ограниченном объеме и решил, что этот запрет не распространяется на продажу детских товаров, разрешенных актами ЕЭК. Можно было бы согласиться с ограничительным толкованием параграфа 15 ст. 158 КоАП РА, если бы запрет в п. 15 ст. 158 КоАП РА не был сформулиро-

ван столь категорично: «запрещается... продажа любых пищевых продуктов»¹⁴.

Во-вторых, в мотивировочной части этого решения Суд сослался на ч. 3 ст. 5 Конституции РА и сделал следующее заключение: «Международные договоры, ратифицированные Республикой Армения, являются неотъемлемой частью правовой системы Республики Армения, и с точки зрения ее положения в иерархии национальных правовых актов международные договоры, ратифицированные Республикой Армения, имеют приоритет в случае противоречия между международными договорами и национальными правовыми актами»¹⁵.

Ссылка на ч. 3 ст. 5 Конституции РА в мотивировочной части решения Суда является спорной. Суд мог бы сослаться на коллизийную норму, если бы четко обозначил правовую коллизию между нормативными актами ЕЭК и параграфом 15 ст. 158 КоАП РА. Однако Суд не констатировал наличие юридической коллизии. Следовательно, ссылка на коллизийную норму становится беспредметной.

Даже если предположим, что Суд косвенно (имплицитно) констатировал наличие коллизии между актами ЕЭК и параграфом 15 ст. 158 КоАП РА, коллизийная норма, закрепленная в ч. 3 ст. 5 Конституции РА, не могла сама по себе разрешить эту коллизию, поскольку данная конституционная норма относится к противоречию между ратифицированными международными договорами и законами РА. Между тем предполагаемая коллизия в данном случае возникла не между международным договором и законом РА, а между нормативным актом органа наднациональной международной организации и законом РА.

Таким образом, правовая система РА не предусматривает нормы *lex superior* для разрешения коллизий между актами органов ЕАЭС, в том числе актами ЕЭК, и законами РА, однако суды разрешают дела, фактически по разным причинам отдавая предпочтение нормативным актам ЕЭК.

До законодательного закрепления нормы *lex superior* для урегулирования коллизий между нормативными актами органов ЕАЭС и законами РА суды РА должны попытаться решить вопрос путем выбора одного из следующих вариантов вместо того, чтобы предпринимать искусственные или интуитивные действия.

Вариант первый: суд закрепляет в своем судебном акте самостоятельное коллизийное правило *lex superior*, согласно которому нормативные акты органов ЕАЭС имеют верховенство над законами РА, а в случае такого противоречия применяются нормативные акты органов ЕАЭС. Основным недостатком данного варианта является сложность обоснования действительности (легитимности) источника коллизийного правила, установленного судом.

Вариант второй: в судебном акте посредством правовой фикции правовые свойства нормативных актов органов ЕАЭС приравниваются к международным договорам (по примеру Конституционного Совета Казахстана). Обоснованием закрепления этой юридической фикции является принцип “*pacta sunt servanda*”.

¹³Решение Административного суда РА ЧТ/10376/05/19 от 28.10.2020 г. // DataLex. URL: http://www.datalex.am/?app=AppCaseSearch&case_id=38562071809940904.

¹⁴См. 13.

¹⁵См. 13.

Вариант третий: суд констатирует наличие пробела в вопросе разрешения коллизии между нормативными актами органов ЕАЭС и законами РА, поскольку ни ст. 6 Конституции РА, ни решение Конституционного суда № УТН-1175, ни Закон РА «О нормативных правовых актах» не предусматривают иерархию и коллизионную норму для нормативных актов органов ЕАЭС и законов РА. Далее, руководствуясь ст. 39 Закона РА «О нормативных правовых актах» (применение аналогии права и закона) и разрешая коллизию между нормативными актами органов ЕАЭС и нормативными актами РА, по аналогии должна применяться ч. 3 ст. 5 Конституции РА.

2.3. Компетенционное коллизионное правило.

При установлении иерархии нормативных актов органов ЕАЭС и законов РА и приоритета коллизионного правила *lex superior* в рамках законодательства РА необходимо иметь в виду, что коллизионное правило *lex superior* не может применяться, если органы ЕАЭС приняли нормативный акт, относящийся к исключительной компетенции государств-членов. В подобной ситуации коллизию правовых норм следует разрешать не с помощью канона *lex superior*, а посредством компетенционного коллизионного правила.

Компетенционное коллизионное правило может быть выведено из положений, закрепленных в актах Суда ЕАЭС. Так, в консультативном заключении суда от 10.07.2018 говорится: «При соблюдении указанных условий в сферах, относящихся к исключительной компетенции Союза, обеспечивается приоритет права Союза над национальными правовыми актами. Это, в том числе, означает, что по вопросам, переданным на наднациональный уровень регулирования, государства-члены обязаны воздерживаться от принятия национальных правовых актов, противоречащих нормам права Союза»¹⁶. Из формулировки решения следует, что право Союза имеет преимущественную силу только в сфере исключительной компетенции ЕАЭС.

В консультативном заключении Суда ЕАЭС от 04.04.2017 отмечается: «Эта свобода усмотрения предполагает, что при принятии норм права государства должны находить разумный баланс между развитием своего внутреннего рынка и эффективным функционированием трансграничного рынка, предполагающий, что ни государства-члены, ни органы Союза не должны вторгаться в компетенцию друг друга»¹⁷.

Если сферы компетенции органов государств-членов и органов ЕАЭС четко разграничены и органом ЕАЭС принят нормативный акт по вопросу, входящему в компетенцию органа государства-члена, то такое противоречие должно быть разрешено на основании кол-

лизионного правила компетенции. Предпочтение должно отдаваться правовой норме, принятой государственным органом государства-члена, который уполномочен принимать правовую норму по этому вопросу.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Констатируется отсутствие в законодательстве РА коллизионных норм, разрешающих противоречия между нормативными правовыми актами органов ЕАЭС и нормативными правовыми актами РА (кроме Конституции РА) и вырабатывается альтернативный вариант исполнения данного пробела посредством судебной системы, обладающей способностью быстрого реагирования:

– закрепление судом в своем судебном акте самостоятельного коллизионного правила *lex superior*, устанавливающего приоритет нормативных актов органов ЕАЭС и их применение в случае возникновения противоречия между ними и законами РА;

– приравнение правовых свойств нормативных актов органов ЕАЭС в судебном акте к международным договорам посредством правовой фикции;

– констатация судом наличия пробела в вопросе разрешения коллизии между нормативными актами органов ЕАЭС и законами РА в позитивном праве РА и дальнейшее применение конституционного приоритета международных договоров по аналогии.

При этом не отрицается необходимость законодательного закрепления коллизионных норм, которые внесут ясность в неопределенный характер актов органов ЕАЭС. Обозначается исключение из конституционного приоритета международных договоров, к которым, как вариант, предлагается приравнять акты органов ЕАЭС, в виде применения коллизионного правила компетенции в рамках сфер компетенций государств-членов.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Представлены способы разрешения правовых коллизий судами на примере коллизий между актами органов ЕАЭС и нормативными правовыми актами РА при отсутствии в позитивном праве коллизионных норм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Neshataeva T.N. Eurasian Integration: General Values and Legal Institutions // Justice. 2020. Vol. 2. № 3. P. 62–85.
2. Глазьев С.Ю. Евразийская экономическая интеграция в широком геополитическом контексте // Евразийская интеграция: истоки, проблемы, перспективы. СПб.: Университет при МПА ЕврАзЭС, 2017. Т. I. С. 9–28.
3. Ветренко И.А. Евразийская интеграция как стратегический выбор России // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 1. С. 78–83.
4. Шмаков Р.В. К вопросу о «наднациональности» права Евразийского экономического союза // Евразийский юридический журнал. 2015. № 10. С. 16–22.
5. Назарова О.В. Участие Республики Беларусь в Евразийском экономическом союзе: конституционно-

¹⁶ Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 10.07.2018 «По заявлению Республики Беларусь о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/doc/konsultativnoe-zakliuchenie-suda-evrazijskogo-ekonomicheskogo-soiuza-ot-10072018-po/>.

¹⁷ Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 04.04.2017 № СЕ-2-1/1-17-БК «О разъяснении положений статей 74, 75, 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014» // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/law/konsultativnoe-zakliuchenie-suda-evrazijskogo-ekonomicheskogo-soiuza-ot-1/>.

- правовая оценка // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2017. № 2. С. 24–27.
6. Boklan D., Lifshits I. Eurasian Economic Union Court and WTO Dispute Settlement Body: Two Housewives in One Kitchen // Russian Law Journal. 2019. Vol. 7. № 3. P. 169–193.
  7. Нешатаева Т.Н. Суд и право. Евразийская интеграция. М.: Норма, 2021. 336 с.
  8. Дьяченко Е.Б., Энтин К.В. Толкование с опорой на конституционные традиции государств-членов и защита прав человека Судом Европейского Союза и Судом Евразийского экономического союза // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 4. С. 173–186.
  9. Дьяченко Е., Энтин К. Компетенция суда Евразийского экономического союза: мифы и реальность // Международное правосудие. 2017. № 3. С. 76–95.
  10. Хачатрян Э.А. Основные подходы Суда ЕАЭС при отправлении правосудия // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 7. С. 134–140.
  11. Самсонов Н.В. Акты Суда ЕАЭС и система источников (форм) российского гражданского процессуального права // Современное право. 2020. № 1. С. 98–102.
  12. Зыбайло А. Соотношение международного и внутригосударственного права. Минск: Право и экономика, 2007. 175 с.
  13. Сарсембаев М.А. Решения, постановления, заключения Суда ЕАЭС и Суда ЕС: аналогичные и различительные черты // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2019. № 3. С. 95–101.
  14. Боклан Д.С. Евразийский экономический союз и Всемирная торговая организация: соотношение правовых режимов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2. С. 223–236.
  15. Маркосян Т., Сантросян А. Проблемы применения нормативных правовых актов органов Евразийского экономического союза в Республике Армения // Научный Арцах. 2021. № 1. С. 93–96.
  16. Абраамян А. Применимость и организационно-правовые структуры реализации актов Евразийского экономического союза в Конституционном праве Республики Армения и других государств-членов // Государственное управление. 2018. № 1-2. С. 208–217.
  17. Абраамян А. Конституционное закрепление членства Республики Армения в международных организациях: сравнительный правовой анализ // Правосудие. 2017. № 4. С. 68–73.
  18. Абраамян А. Вопросы правового статуса Евразийского экономического союза как наднациональной международной организации в рамках конституционных норм Республики Армения // Правосудие. 2018. № 5. С. 36–40.
  19. Даниелян Г. Правовое значение решений органов ЕАЭС в отечественной правовой системе. Ереван: ЕГУ, 2016. 87 с.
  20. Хачикян Т. Об основных проблемах соотношения таможенного законодательства ЕАЭС и Закона РА «О таможенном регулировании». Ереван: ЕГУ, 2018. 484 с.

REFERENCES

1. Neshataeva T.N. Eurasian Integration: General Values and Legal Institutions. *Justice*, 2020, vol. 2, no. 3, pp. 62–85.
2. Glazev S.Yu. Eurasian economic integration within wide geopolitical context. *Evraziyskaya integratsiya: istoki, problemy, perspektivy*. Sankt Petersburg, Universitet pri MPA EvrAzES Publ., 2017. Vol. I, pp. 9–28.
3. Vetrenko I.A. Eurasian integration as a strategic choice of Russia. *Evraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika*, 2020, no. 1, pp. 78–83.
4. Shmakov R.V. To the issue of “supernationality” of the Eurasian economic union law. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2015, no. 10, pp. 16–22.
5. Nazarova O.V. Participation of the Republic of Belarus in the Eurasian economic union: constitutional law evaluation. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*, 2017, no. 2, pp. 24–27.
6. Boklan D., Lifshits I. Eurasian Economic Union Court and WTO Dispute Settlement Body: Two Housewives in One Kitchen. *Russian Law Journal*, 2019, vol. 7, no. 3, pp. 169–193.
7. Neshataeva T.N. *Sud i pravo. Evraziyskaya integratsiya* [Court and law. Eurasian integration]. Moscow, Norma Publ., 2021. 336 p.
8. Dyachenko E.B., Entin K.V. Interpretation based on the constitutional traditions of member states and the protection of fundamental rights by the CJEU and the EAEU court. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2021, vol. 25, no. 4, pp. 173–186.
9. Dyachenko E., Entin K. Competence of the Eurasian economic union court: myths and realities. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, 2017, no. 3, pp. 76–95.
10. Khachatryan E.A. EHE court of the EAEU main approaches to administration of justice. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2019, no. 7, pp. 134–140.
11. Samsonov N.V. Acts of the eaeu court and the system of sources (forms) of Russian civil procedural law. *Sovremennoe pravo*, 2020, no. 1, pp. 98–102.
12. Zybaylo A. *Sootnoshenie mezhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo prava* [The interrelation of international and national law]. Minsk, Pravo i ekonomika Publ., 2007. 175 p.
13. Sarsembaev M.A. Judgements, resolutions, opinions (conclusions) of the EAEU court and the EU court: similar and distinctive features. *Vestnik Instituta zakonodatelstva i pravovoy informatsii Respubliki Kazakhstan*, 2019, no. 3, pp. 95–101.
14. Boklan D.S. Eurasian economic union and world trade organization: interrelation of legal regimes. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 2017, no. 2, pp. 223–236.
15. Markosyan T., Santrosyan A. The problems of application of normative legal acts of the authorities of Eurasian Economic Union in the Republic of Armenia. *Nauchnyy Artsakh*, 2021, no. 1, pp. 93–96.
16. Abraamyan A. Applicability and organizational and legal structures of implementing the acts of Eurasian Economic Union within the Constitutional law of the Republic of Armenia and other member states. *Gosudarstvennoe upravlenie*, 2018, no. 1-2, pp. 208–217.

17. Abraamyan A. Constitutional enshrining of membership of the Republic of Armenia in international organizations: comparative legal analysis. *Pravosudie*, 2017, no. 4, pp. 68–73.
18. Abraamyan A. The issues of legal status of Eurasian Economic Union as a supranational international organization in the context of constitutional norms of the Republic of Armenia. *Pravosudie*, 2018, no. 5, pp. 36–40.
19. Danielyan G. *Pravovoe znachenie resheniy organov YeAES v otechestvennoy pravovoy sisteme* [Legal meaning of the decisions of the EEU authorities in the native legal system]. Erevan, EGU Publ., 2016. 87 p.
20. Khachikyan T. *Ob osnovnykh problemakh sootnosheniya tamozhennogo zakonodatelstva EAES i Zakona RA "O tamozhennom regulirovanii"* [About the main problems of interrelations of the EEU customs legislation and the RA Law "Concerning Customs Regulation"]. Erevan, EGU Publ., 2018. 484 p.

**COLLISIONS BETWEEN THE LEGAL ACTS OF EURASIAN ECONOMIC UNION AUTHORITIES
AND THE LEGAL ACTS OF THE REPUBLIC OF ARMENIA
AND THEIR SETTLEMENT BY THE COURTS OF THE REPUBLIC OF ARMENIA**

© 2021

A.S. Ghambaryan, Doctor of Sciences (Law), Professor,
Head of Chair of Theory of Law and Constitutional Law
Russian-Armenian (Slavonic) University, Yerevan (Republic of Armenia)

Keywords: collisions; collision norms; laws of the Republic of Armenia; courts of the Republic of Armenia; legal acts of EEU authorities; lex superior principle.

Abstract: For a comprehensive study of collisions between the legal acts of the EEU authorities and legal acts of the Republic of Armenia, as well as the issues of their settlement by the RA courts, the author analyzes the regulations for the direct application of legal acts of the EEU authorities in the territory of the Republic of Armenia. There are no collision norms in the legislation of the Republic of Armenia, resolving the contradictions between the legal acts of the EEU bodies and the legal acts of the RA authorities (except the Constitution of the Republic of Armenia). The paper analyzes the positions of the Constitutional Court and Administrative Court of the Republic of Armenia on these issues. Before enshrining the collision norms in legislation, the author suggests the Armenian courts select one of the following options for resolving the issue. Option one: the court enshrines an independent lex superior collision rule in its judicial act, according to which the legal acts of the EEU authorities have the priority over those of the RA bodies, therefore in the case of such a contradiction, the legal acts of the EEU authorities are applied. The main disadvantage of this option is that there is difficulty in substantiating the validity (legitimacy) source of the collision rule established by the court. Option two: the legal characteristics of the EEU authorities' acts are being equated with international treaties in a judicial act by legal fiction. Option three: the court states that there is a gap in the RA positive law concerning the settlement of contradictions between the legal acts of the EEU authorities and the legal acts of the Republic of Armenia, as neither Article 6 of the Constitution of the Republic of Armenia, nor the decision of the Constitutional Court No. ՄԴՈ-1175 and the Law of the Republic of Armenia "Concerning Normative Legal Acts" envisage the hierarchy and collision norm for the legal acts of the EEU authorities and those of the bodies of the Republic of Armenia. Subsequently, guided by Article 39 of the Law "Concerning Normative Legal Acts" (application of legal analogy) and resolving a conflict between the legal acts of the EEU authorities and the legal acts of the Republic of Armenia, part 3 of Article 5 of the RA Constitution should be analogically applied.

ОСНОВНОЙ СОСТАВ ХИЩЕНИЯ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ С БАНКОВСКОЙ КАРТЫ: ПРОБЛЕМЫ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

© 2021

А.А. Гончаров, аспирант кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону (Россия)

Ключевые слова: хищение; состав преступления; банковская карта; мошенничество.

Аннотация: Действующая структура уголовного закона, определяющая основной состав хищения средств с карты, несовершенна как в части диспозиции, так и в части санкции за совершенное преступление. Исследователи справедливо акцентируют внимание на актуальности проблемы, но зачастую рассматривают каждый способ хищения средств с карты отдельно от других, не предлагая комплексных мер по устранению возникающих в процессе исследования противоречий. Хотя кража и мошенничество признаются равнозначными по степени общественной опасности преступлениями, для определения уровня ответственности необходимо достоверное установление всех объективных признаков того или иного преступного деяния, которые в конечном счете могут значительно различаться по строгости наказания за их совершение. В статье исследуется такой вид преступления, как хищение денежных средств с банковских карт третьими лицами. Отличие мошенничества от кражи отражено в системе нормативно-правовых актов российского законодательства. Определена объективная сторона состава преступления, перечень признаков, характерных для внешней стороны преступного деяния, свойственных такой группе преступлений, как хищение. Разграничены объективные признаки двух составов преступлений, которые могут подпадать под определение хищения денежных средств с банковской карты: кража с банковского счета и мошенничество, т. е. мошенничество с использованием электронных средств платежа. Сделан вывод о необходимости введения проектной статьи 158.2 в УК РФ с описанием основного состава хищения денежных средств с банковского счета (карты) в форме кражи с целью совершенствования и унификации уголовного закона в части ответственности за подобного рода имущественные преступления.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время количество преступных посягательств в сфере оборота банковских карт растет с каждым годом, появляются все новые способы похитить денежные средства. Простодушные граждане, не подозревая о подвохе, зачастую сами предоставляют личную информацию злоумышленникам или же способствуют получению доступа к банковским счетам, личным кабинетам в мобильном банке. Именно по причине доверчивости граждан, их неосведомленности в вопросах интернет-безопасности, а также трудности поиска преступников и дальнейшего доказывания их вины мошенничество с банковскими картами в России становится все более привлекательным «бизнесом»¹. Трудности, связанные с привлечением к ответственности преступников в рассматриваемой сфере, приводят к безнаказанности. А каждое безнаказанное преступление, как известно, порождает новое. Инструментов для совершения подобного преступления много: вирусы, вредоносные программы, атаки и взломы серверов организаций и банков, спам-рассылки СМС-сообщений на мобильные телефоны, а также писем на электронные почтовые ящики и прочее.

Мы предполагаем, что реальное количество хищений денежных средств с банковской карты, будь то кража или мошенничество, на сегодняшний день значительно больше, чем заявлено в отчетах и статистике. На практике нередко возникают проблемы и при определении объективной стороны хищения, когда способ

завладения чужим имуществом становится главным признаком преступления, правильное установление которого гарантирует безошибочную квалификацию деяния по статье Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Исследователи успешно анализируют правоприменительную практику, что позволяет ответить на ряд проблемных вопросов квалификации, касающихся как состава хищения в целом [1], так и непосредственно состава хищения безналичных денежных средств [2]. Предлагаются критерии для отграничения состава преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ, от кражи, общего состава мошенничества, мошенничества в сфере кредитования и компьютерной информации [3]. Ряд исследователей уже обращают внимание на необходимость пересмотреть устоявшиеся подходы к квалификации хищения имущества после того, как законодатель внес изменения в ст. 158 УК РФ, закрепив ответственность за хищение безналичных денежных средств [4].

Авторы большого количества исследований рассматривают очевидные для практиков и теоретиков проблемы, связанные с квалификацией дистанционных хищений, привлечением к ответственности, криминализацией [5]. Анализ большого количества источников формирует понимание несовершенства нормативно-правовой базы, регулирующей посягательства на безналичные денежные средства. Когда каждое отдельно взятое исследование отвечает на вопрос, как правильно и за какие деяния привлечь лицо к уголовной ответственности за кражу или мошенничество в сфере безналичных денежных средств или электронных платежей [6], исследователи не ставят перед собой задачу по поиску унифицированного решения всех противоречий, возникающих в процессе привлечения виновного к ответственности [7; 8]. На современном этапе не было

¹Отчет центра мониторинга и реагирования на компьютерные атаки в кредитно-финансовой сфере Департамента информационной безопасности Банка России / ФинЦЕРТ Банка России. М.: Центральный банк РФ, 2017. 25 с.

предложено внесение изменений в уголовный закон, а именно в части ответственности за кражу денежных средств с банковской карты или счета через призму уже имеющейся нормы (статья УК РФ), устанавливающей ответственность за мошенничество в обсуждаемой сфере общественных отношений.

Цель работы – полный и всесторонний анализ основного состава хищения денежных средств с банковской карты, совершенного как в форме кражи, так и в форме мошенничества.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе исследования проанализированы научная литература по теме, юридическая практика, статистические данные и отчеты правоохранительных органов и банковских организаций.

Рассмотрен основной состав хищения денежных средств с банковской карты. Определены отличительные признаки кражи и мошенничества, изучена объективная сторона данных преступлений. Выявлены особенности объективной стороны хищения безналичных денежных средств, рассмотрены особенности хищения денежных средств с банковской карты как в форме кражи, так и в форме мошенничества, что позволило сделать вывод о необходимости совершенствования уголовного закона в части ответственности за хищение денежных средств с банковской карты, а также о необходимости введения новой статьи 158.2 в УК РФ об основном составе хищения денежных средств с банковского счета (карты).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Значение состава преступления нельзя переоценить. Только лишь наличие всех обязательных законодательно закрепленных объективных и субъективных признаков, образующих элементы состава преступления, позволяет характеризовать деяние как преступное [9]. И если преступлением называем любое противоправное деяние, совершенное в объективной действительности и являющееся процессом взаимодействия виновного с окружающим миром, т. е. его поведением, то состав преступления является формой существования такого преступления, юридически закрепленной структурой в нормах УК РФ. Говоря о составе такого преступления, как хищение денежных средств с банковской карты, видим необходимость разграничить понятия «кража» и «хищение» [10].

Кражей признаются тайные, совершенные с корыстной целью, противоправные действия гражданина, направленные на завладение чужим имуществом виновным или третьими лицами. Согласно ст. 158 УК РФ кража – тайное хищение чужого имущества. Таким образом, кража является формой хищения. Наряду с кражей, к формам хищения относятся мошенничество (ст. 159 УК РФ), грабеж (ст. 161 УК РФ), разбой (ст. 162 УК РФ), присвоение и растрата (ст. 160 УК РФ). В свою очередь, «хищением», как более широким, родовым понятием, охватывается группа всех ранее названных преступлений, посягающих на чужое имущество, которые перечислены в главе 21 УК РФ. Содержание и сущность хищения как большой группы

преступлений законодательно дано в примечании к ст. 158 УК РФ. Под хищением в статьях УК РФ понимаются совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

Федеральным законом от 23.04.2018 № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» в значительной мере усилена уголовная ответственность за хищение денежных средств с банковского счета, в частности за кражу электронных денежных средств, в том числе с использованием электронных средств платежа, а также за мошенничество, совершенное с использованием электронных средств платежа. Следует понимать: злоумышленник, преследуя преступные цели хищения денежных средств, может действовать различными способами, что, в свою очередь, будет отражено в различной уголовно-правовой оценке содеянного в каждом конкретном случае в процессе квалификации деяния правоохранительными органами [11].

Федеральным законом от 23.04.2018 № 111-ФЗ² законодатель, преследуя цель усилить ответственность за становящийся все более распространенным вид хищения – хищение средств с банковской карты, вводит в ч. 3 ст. 158 УК РФ пункт «г» – кража, совершенная с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств. Отталкиваясь от неотъемлемого признака кражи – тайного характера содеянного, при оценке и квалификации действий злоумышленника по пункту «г» настоящей статьи необходим тот же перечень признаков. Действия преступника должны совершаться в отсутствие собственника средств или иных лиц либо незаметно для них. Важным условием квалификации преступления по пункту «г» является отсутствие признаков преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ [12].

Говоря о хищении электронных денежных средств, кражу денег с банковского счета или карты нужно отличать от мошенничества с использованием электронных средств платежа – другого вида хищения, предусмотренного уже упомянутой ст. 159.3 УК РФ [13]. Кража, как вид тайного хищения чужого имущества, не сопровождается непосредственным контактом между потерпевшим и преступником в процессе совершения преступления и непосредственно хищения средств с банковской карты или счета, в отличие от мошенничества, когда злоумышленник вступает во взаимодействие, например, с владельцем карты или счета, сотрудником торговой, банковской или иной организации. Данное отличие свидетельствует о том, что у рассматриваемых видов хищения, несмотря на схожие базовые признаки объективной стороны, совершенно разные способы совершения преступления [14]. Согласно УК РФ, электронным средством платежа является «средство и (или) способ, позволяющий клиенту оператора по переводу денежных средств составлять,

²О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон Рос. Федерации от 23.04.2018 № 111-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 18. Ст. 2581.

удостоверять и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств», со ссылкой на ст. 3 Федерального закона № 161-ФЗ «О национальной платежной системе». Согласно комментариям к ст. 159.3 УК РФ, совершение мошенничества с использованием платежных карт возможно только в сфере товарно-денежного оборота и только при использовании такого платежного средства, как платежная карта.

Обращаясь к разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации, выделим Постановление его Пленума³, которое дает понимание, в какой ситуации действия лица, направленные на хищение электронных средств, будут являться мошенничеством с использованием электронных средств платежа с соответствующей квалификацией по ст. 159.3 УК РФ:

- злоумышленник предъявляет чужую банковскую карту работнику любой торговой организации, в том числе кредитной, или работнику другой организации;
- лицо убедил, что является владельцем этой карты. При этом умалчивание о незаконном распоряжении чужой банковской картой также приравнивается к мошенничеству.

Кражей с квалификацией по пункту «г» ст. 158 УК РФ признаются ситуации, когда лицо:

- снимает денежные средства непосредственно через банкомат, не контактируя с сотрудниками торговых организаций или с уполномоченными лицами, и, соответственно, не выдает себя за владельца банковской карты и денежных средств;
- иным способом, например через мобильный банк, получило доступ к чужим денежным средствам, впоследствии совершив перевод на сторонний банковский счет.

В соответствии с постановлением Пленума Верховного суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», а также по смыслу положений пункта 1 примечаний к ст. 158 УК РФ и ст. 128 Гражданского кодекса РФ отметим: деяния лица, совершившего посягательство на чужие электронные средства, будут считаться оконченным преступлением в тот момент, когда злоумышленник любым из перечисленных выше способов совершил изъятие денежных средств со счета владельца, причинив тем самым имущественный ущерб владельцу банковского счета⁴. Подобного мнения придерживаются и ряд авторов, рассматривая вопросы применения уголовно-правовых норм судами [15]. В ситуации, когда злоумышленнику в результате преступных действий не удалось получить в распоряжение чужое имущество, деяния могут не образовать состав оконченного преступления, но содержать признаки приготовления или покушения на преступление [16].

³О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 30.11.2017 № 48 // Рос. газета. 2017. 11 дек.

⁴См. 3.

Обратим внимание, что в том же 2018 году законодатель сделал значительный шаг в сторону усиления ответственности за дистанционные хищения и в виде мошенничества. При рассмотрении такого состава преступления, как мошенничество с использованием электронных средств платежа, считаем важным рассмотреть подробно факт изменения Федеральным законом № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» диспозиции ст. 159.3 УК РФ с «Мошенничество с использованием платежных карт, т. е. хищение чужого имущества, совершенное с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты путем обмана уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации» на более актуальную формулировку «Мошенничество с использованием электронных средств платежа». Внеся изменения в диспозицию, законодатель в первую очередь уходит от главного признака старой редакции ст. 159.3 УК РФ – обмана уполномоченного работника кредитной, торговой, или любой другой организации [17]. Закон не поясняет причин или мотивов такого решения, однако новая редакция статьи дает представление о том, что теперь мошенничество по ст. 159.3 УК РФ выступает специальным видом преступления по отношению к ст. 159 УК РФ независимо от направленности обмана – будь то сам потерпевший, или же работник сторонней организации [18]. Можно сделать вывод, что при появлении такого нового, специального вида мошенничества, как мошенничество с использованием электронных средств платежа, квалификация хищения денежных средств с банковской карты по ст. 159 УК РФ становится невозможной.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Основной состав мошенничества по ст. 159.3 УК РФ предусматривает более мягкую санкцию за совершение преступления – 3 года против 6 лет лишения свободы за совершение преступления по пункту «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Согласно действующей конструкции уголовно-правовых норм, кража незначительной суммы денег с банковской карты, имеющая признаки уголовного преступления, является настолько же общественно опасным деянием, как кража имущества стоимостью, например, 250 тысяч рублей или кража имущества с проникновением в жилище. За совершение лицом любого из перечисленных деяний предусмотрено равное по строгости наказание. На наш взгляд, подобная конструкция является в корне неверной с точки зрения строгости наказания и противоречит принципу справедливости, так как составы таких преступлений, как мошенничество и кража, изначально признаются преступлениями, равными по степени общественной опасности, но совершенными разными способами. Основные составы как кражи (ч. 1 ст. 158 УК РФ), так и мошенничества (ч. 1 ст. 159 УК РФ) имеют идентичные по строгости санкции за совершение преступления. Приходим к выводу, что и такой квалифицированный вид хищения, как хищение денежных средств с банковской карты (в форме мошенничества или в форме кражи), должен иметь схожую законодательно закрепленную конструкцию в части диспозиции, а также в части

санкции за преступное деяние. Выделение специально составов мошенничества в отдельную статью позволит назначить более строгое наказание за совершение преступления путем обозначения ряда квалифицированных и особо квалифицированных признаков совершенного преступления, что невозможно сделать в текущей редакции уголовного закона, когда сам пункт «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ уже является особо квалифицированным составом [19].

Проведя анализ основного состава хищения денежных средств с банковской карты, видим необходимость преобразовать пункт «г» ст. 158 УК РФ в отдельную статью Уголовного кодекса с новым основным составом преступления, а именно ст. 158.2 УК РФ «Кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств», что могло бы решить ряд задач:

– ответ законодателя на возрастающую актуальность проблемы назначения наказания за кражу денежных средств с банковских карт, банковских счетов, электронных платежных систем;

– выделение основного состава преступления, совершенного путем кражи, а также определение квалифицированных и особо квалифицированных признаков состава преступления: обозначение кругаотягающих деяние обстоятельств с конкретными рамками ответственности по аналогии с составом хищения, совершенного путем мошенничества. Предлагаем изложить проектную статью в следующей редакции:

Статья 158.2 Кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств

1. Кража, то есть тайное хищение чужого имущества, совершенная с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств.

2. То же деяние, совершенное группой лиц по предварительному сговору, а равно с причинением значительного ущерба гражданину.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, а равно в крупном размере.

4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, совершенные организованной группой либо в особо крупном размере;

– исключение любой конкуренции, которая может возникнуть между признаками нескольких частей ст. 158 УК РФ на этапе квалификации преступления, совершенного посредством одного действия или совокупности действий, предусмотренных разными частями одной статьи УК РФ. Таким образом, в соответствии с действующей на данный момент редакцией ст. 158 УК РФ преступник может быть не осужден по пункту «г» ч. 3, если преступление совершено с признаками деяний, наказание за которые является более строгим и предусмотрено иными частями указанной статьи. Именно такой порядок действий обязателен по правилам квалификации преступлений с признаками квалифицированных составов, коим и является на данный момент состав ч. 3 ст. 158 УК РФ. Так, кража с банковского счета, совершенная организованной группой лиц или в особо крупном размере, будет квалифицирована по общему правилу по ч. 4 ст. 158 УК РФ. При такой квалификации теряется формулировка «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных

средств», что фактически выводит совершенное преступление за рамки киберпреступности [20].

Главным преимуществом и, самое важное, значительным шагом на пути актуализации законодательства при выделении кражи денежных средств с банковской карты в отдельную статью, а также при добавлении к новому основному составу преступления ряда типовых квалифицированных признаков является, на наш взгляд, единообразие уголовного закона в части схожих преступлений, представляющих собой разные формы одного и того же преступного деяния – хищения денежных средств с банковской карты.

Предложенная конструкция поможет в значительной мере унифицировать ответственность лиц за совершение хищения денежных средств с банковской карты. Введение ст. 158.2 даст возможность привлекать к уголовной ответственности в сфере киберпреступности не только отдельного гражданина, но и группу лиц, также наша конструкция статьи справедливо предусматривает градацию строгости наказания в зависимости от размера причиненного ущерба потерпевшему. Наконец, отпадает закономерный вопрос: почему действующее законодательство выводит за рамки конструкции преступления в форме кражи, посягающего на безличные средства платежа, групповую ответственность, а также ответственность в зависимости от величины ущерба.

ВЫВОДЫ

В настоящее время количество преступных посягательств в сфере оборота банковских карт растет с каждым годом, появляются все новые способы похитить денежные средства граждан. Вместе с тем должно развиваться и законодательство путем анализа тенденций «рынка», адаптируясь и в части санкций за нарушение закона. Необходима своевременная реакция законодателя на постоянно меняющиеся условия общественных отношений, находящая отражение в уголовном законе, что подтверждает острую необходимость модификации УК РФ и выделения пункта «г» ч. 3 ст. 158 в отдельную ст. 158.2 УК РФ. Методы хищения денежных средств с банковской карты будут развиваться и дальше так быстро, как развиваются современные технологии, а преступники будут находить новые способы совершения преступления. Именно поэтому в современном обществе правильная квалификация деяний, а также назначение справедливого наказания должны сопутствовать полной и объективной оценке преступления и преступности в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хилота В.В. Проблемы определения объективной стороны хищения // Право и образование. 2014. № 10. С. 124–134.
2. Петров С.А. Проблемы квалификации хищений безналичных денег // Законность. 2020. № 7. С. 42–45.
3. Яни П.С. Мошенничество с использованием электронных средств платежа // Законность. 2019. № 5. С. 25–28.
4. Карпов К.Н. Особенности квалификации хищений с банковского счета либо электронных денежных

- средств // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2019. Т. 16. № 3. С. 138–145.
5. Руднев А. Квалификация тайного хищения чужого имущества по КОАП и УК // Законность. 2006. № 1. С. 44–45.
  6. Филатова М.А. Разграничение посягательств на безналичные денежные средства по формам хищения // Уголовное право. 2020. № 1. С. 85–92.
  7. Шевелева С.В., Шевелев Н.Р. Особенности квалификации хищений, совершаемых с банковского счета или в отношении электронных денежных средств // Современное общество и право. 2019. № 3. С. 88–93.
  8. Фомин П.П. Предмет и признаки объективной стороны состава преступления: проблемы взаимосвязи и разграничения // Вестник Луганской Академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко. 2018. № 1. С. 146–156.
  9. Есипов В.В. Уголовное право: Преступления личные и имущественные: Часть Особенная. СПб.: тип. Н.В. Васильева, 1899. 204 с.
  10. Сверчков В.В. Преступления против собственности: система, юридическая характеристика, особенности и проблемы применения уголовного законодательства. М.: Юрайт, 2018. 210 с.
  11. Введенская О.Ю. Современные способы хищений денежных средств с банковских карт // Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. 2017. № 1. С. 115–122.
  12. Гречишников В.А. Детерминанты мошенничества с использованием электронных средств платежа и способы его предупреждения // Закон и право. 2020. № 1. С. 109–111.
  13. Захаров В.С., Семенов А.Н. Мошенничество с использованием банковских карт // Союз криминалистов и криминологов. 2018. № 1. С. 57–63.
  14. Кулаков Е.К. Кража с использованием платежных карт // Уголовное право, уголовный закон. Теория и практика: сборник научных статей. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. С. 335–339.
  15. Тюнин В.И., Степанов Ю.И. Кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (криминализации и квалификация преступления) // Российский следователь. 2021. № 3. С. 41–45.
  16. Шестак В.А. О некоторых вопросах применения в современных условиях судами уголовно-правовых норм, содержащих неспециальные составы мошенничества, присвоения и растраты // Библиотека уголовного права и криминологии. 2018. № 3. С. 178–183.
  17. Турьшев А.А. Квалификация хищений с использованием банкоматов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 6. С. 46–49.
  18. Лихолетов А.А., Лихолетов Е.А., Рушняк О.А. Содержание некоторых признаков объективной стороны мошенничества с использованием пластиковых карт // Российская юстиция. 2018. № 4. С. 25–28.
  19. Нафиков М.М. Проблемы квалификации краж // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». 2014. Т. 10. С. 158–161.
  20. Шульга А.В. Хищения с использованием банковских платежных карт: вопросы квалификации // Российская юстиция. 2016. № 11. С. 21–25.

REFERENCES

1. Khilyuta V.V. Problems of definition objective side theft. *Pravo i obrazovanie*, 2014, no. 10, pp. 124–134.
2. Petrov S.A. The problem of classification of embezzlement of non-cash funds. *Zakonnost'*, 2020, no. 7, pp. 42–45.
3. Yani P.S. E-payment fraud. *Zakonnost'*, 2019, no. 5, pp. 25–28.
4. Karpov K.N. Peculiarities of qualification of theft in band account or any electronic money. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Pravo*, 2019, vol. 16, no. 3, pp. 138–145.
5. Rudnev A. Qualification of secret theft of someone else's property under the Code of Administrative Offenses and the Criminal Code. *Zakonnost'*, 2006, no. 1, pp. 44–45.
6. Filatova M.A. Differentiation between attempted cashless funds according to the forms of misappropriation. *Ugolovnoe pravo*, 2020, no. 1, pp. 85–92.
7. Sheveleva S.V., Shevelev N.R. Features of qualifications of theft committed by bank account or in respect of electronic money. *Sovremennoe obshchestvo i pravo*, 2019, no. 3, pp. 88–93.
8. Fomin P.P. The subject and signs of the objective side of the corpus delicti: the problems of interconnection and delineation. *Vestnik Luganskoy Akademii vnutrennikh del imeni E.A. Didorenko*, 2018, no. 1, pp. 146–156.
9. Esipov V.V. *Ugolovnoe pravo. Prestupleniya lichnye i imushchestvennye. Chast' Osobennaya* [Criminal Law. Personal and property crimes. Part special]. Sankt Petersburg, N.V. Vasil'ev Publ., 1899. 204 p.
10. Sverchkov V.V. *Prestupleniya protiv sobstvennosti. Sistema, yuridicheskaya kharakteristika, osobennosti i problemy primeneniya ugolovnoego zakonodatelstva* [Crimes against property. System, legal characteristics, peculiarities and problems of application of criminal legislation]. Moscow, Yurayt Publ., 2018. 210 p.
11. Vvedenskaya O.Yu. Modern ways to steal money from banks cards. *Prestupnost' v sfere informatsionnykh i telekommunikatsionnykh tekhnologiy: problemy preduprezhdeniya, raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy*, 2017, no. 1, pp. 115–122.
12. Grechishnikov V.A. Determinants of fraud with the use of electronic means of payment and prevention measures. *Zakon i pravo*, 2020, no. 1, pp. 109–111.
13. Zakharov V.S., Semenov A.N. Fraud using bank cards. *Soyuz kriminalistov i kriminologov*, 2018, no. 1, pp. 57–63.
14. Kulakov E.K. Theft using payment cards. *Ugolovnoe pravo, ugolovnyy zakon. Teoriya i praktika: sbornik nauchnykh statey*. Sankt Petersburg, Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy ekonomicheskiy universitet Publ., 2017, pp. 335–339.
15. Tyunin V.I., Stepanov Yu.I. Theft from a bank account and theft of electronic money (offense criminalization and qualification). *Rossiyskiy sledovatel'*, 2021, no. 3, pp. 41–45.

16. Shestak V.A. On some issues of application by courts, in modern conditions, of criminal legal rules containing non-special elements of fraud, embezzlement and wasteful spending. *Biblioteka ugovnogo prava i kriminologii*, 2018, no. 3, pp. 178–183.
17. Turyshev A.A. Qualifications of misappropriation with using ATMs. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2016, no. 6, pp. 46–49.
18. Likholetov A.A., Likholetov E.A., Reshnyak O.A. The content of some characteristics of the objective side of fraud with plastic cards. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2018, no. 4, pp. 25–28.
19. Nafikov N.N. The problems of classification of thefts. *Uchenye zapiski Kazanskogo filiala "Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta pravosudiya"*, 2014, vol. 10, pp. 158–161.
20. Shulga V.V. Theft with use of band payment cards: issues of qualification. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2016, no. 11, pp. 21–25.

**CONSTITUENT ELEMENTS OF EMBEZZLEMENT FROM A BANK CARD:
THE PROBLEMS AND CRIMINAL ASPECTS**

© 2021

A.A. Goncharov, postgraduate student of Chair of Criminal and Penal Law, Criminology
Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don (Russia)

Keywords: embezzlement; body of evidence; bank card; fraud.

Abstract: The current structure of a criminal law specifying the constituent elements of embezzlement from a card is imperfect concerning both the disposition and sanctions for a committed crime. The researchers fairly emphasize the urgency of the problem but consider commonly every method of embezzlement of money from a card apart from others, not proposing complex measures to eliminate contradictions arising in the process of study. Although the researchers recognize theft and fraud as equivalent crimes in the degree of danger to the public, to identify the responsibility level, it is necessary to determine reliably all objective evidence of any criminal act, which definitely can significantly differ in severity of punishment for their commitment. The paper studies such types of crime as the money embezzlement from bank cards by third parties. The system of normative legal acts of the Russian legislation the difference of fraud from theft. The objective aspect of constituent elements of a crime, the list of signs typical for the facade of a criminal act, peculiar to such group of crimes as embezzlement, are specified. The author distinguishes the objective elements of two bodies of evidence, which can fall under the definition of money embezzlement from a bank card: theft from a banking account and fraud, in other words, fraud using electronic payment facilities. The author concludes on the necessity to introduce to the RF Criminal Code the design article 158.2 with the description of constituent elements of money embezzlement from a banking account (card) in the form of theft to improve and unify criminal law in respect of responsibility for such type property crimes.

СУДЕБНАЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ЗАНЯТИЯ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ

© 2021

С.В. Кондратьев, доцент кафедры «Уголовное право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: занятие высшего положения в преступной иерархии; вор в законе; преступное сообщество; преступная иерархия; судебная криминологическая экспертиза; признаки поведения; экспертная методика.

Аннотация: Рассмотрены вопросы отнесения лица к статусным лидерам преступной иерархии. На основе исследования криминальной субкультуры выделены криминологические признаки высшего положения в преступной иерархии. Установлены функциональные, статусные и атрибутивные признаки занятия высшего положения в преступной иерархии. К статусным лидерам преступной иерархии отнесены вор в законе (вор), смотрящий, положенец. Разработана общая методика новой судебной криминологической экспертизы занятия высшего положения в преступной иерархии. Объект экспертизы – фактические данные о поведении проверяемого лица, содержащиеся в материалах дела. Предмет указанной экспертизы сформулирован как комплекс функциональных, статусных и атрибутивных признаков лидера преступной иерархии. Задача предлагаемой экспертизы определена как установление принадлежности проверяемого лица к статусу лидера преступной иерархии. Указаны особенности стадий производства данной экспертизы. На подготовительной стадии эксперт проверяет достоверность представленных объектов путем установления признаков их фальсификации, уничтожения, видоизменения. Рекомендована обязательность данной проверки и возможность применения экспертной инициативы. На стадии раздельного исследования эксперт по материалам дела устанавливает поведенческие признаки проверяемого лица. При условии их достаточности на следующей стадии производства экспертизы эксперт сравнивает их с комплексом признаков занятия высшего положения в преступной иерархии. Заключительная стадия экспертизы содержит операции по оценке совпадений и формулированию выводов. Даны рекомендации эксперту относительно условной формы выводов по результатам экспертизы занятия высшего положения в преступной иерархии. Предложено валидацию общей и частных экспертных методик занятия высшего положения в преступной иерархии производить в рамках научно-исследовательских работ.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы определена установлением в ст. 210¹ УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии» специального субъекта – «лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии». В связи с этим возникает общая проблема квалификации данного преступления, и ее решение затруднено отсутствием законодательного определения понятия субъекта рассматриваемого преступления. Полагаем, что лицо, занимающее указанное положение, стоит в одном ряду с иными субъектами преступной деятельности, распространяющими свое влияние на участников организованных групп, участников собрания организаторов, руководителей (лидеров) и иных представителей преступных сообществ [1–3]. В следственно-судебной практике одним из путей решения проблем квалификации преступных деяний признается применение специальных знаний. Формой применения специальных знаний в уголовном судопроизводстве считается производство судебных экспертиз [4]. Поэтому представляется оправданным применение судебной экспертизы к определению положения лица в преступной иерархии. Однако при этом остаются нерешенными частные задачи: определить вид экспертиз, применяемых для определения принадлежности лица к вышеуказанному положению в преступной иерархии, а также разработать соответствующую экспертную методику.

В научной литературе утверждается, что уголовная репрессия, предусмотренная рассматриваемой статьей УК РФ, направлена против воров в законе [5–7]. Именно они выполняют функции координаторов преступной

деятельности, носителей воровских традиций, посредников при улаживании возникающих конфликтов, распорядителей средствами воровского общака [8]. Между тем до настоящего времени применяемые в законе понятия «высшее положение» и «преступная иерархия» сохраняют оценочный характер [9; 10]. Научная трактовка указанных понятий дана в криминологической литературе [11]. В следственно-судебной практике для исследования личности лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, назначают судебную психологическую экспертизу. Ее объектом является личность подозреваемого, исследуемая на предмет его субъективного отношения к собственному статусу в преступной иерархии. Материалом для экспертного исследования становятся протоколы допросов подозреваемого и других участников уголовного судопроизводства, объективные данные, отображающие поведение подэкспертного лица, другие сведения, характеризующие его лидерское положение в преступной иерархии. Однако при этом вне поля судебной экспертизы остаются обстоятельства, указывающие на принадлежность лица к конкретной ступени преступной иерархии. Между тем структура преступной иерархии, распределение ее высших ступеней относятся к предмету криминологии. Поэтому при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии возникает потребность в применении специальных криминологических знаний.

Однако до настоящего времени не предложены основы проведения криминологической судебной экспертизы занятия лицом высшего положения в преступной иерархии. В научной литературе отсутствуют

криминологические подходы к установлению признаков принадлежности лица к определенной ступени такой иерархии. Этим обоснована необходимость создания методики судебной криминологической экспертизы преступной иерархии.

Цель исследования – разработка основ судебной криминологической экспертизы занятия лицом высшего положения в преступной иерархии. Указанная цель определяет постановку задач конкретизации объекта, субъекта и методики предлагаемой судебной криминологической экспертизы лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Объект настоящего исследования – занятие высшего положения в преступной иерархии как процесс достижения лицом искомого статуса, зафиксированного в криминальной субкультуре. Предмет проводимого исследования – криминологические признаки занятия указанного положения.

Исследование проведено на материалах практики расследования занятия высшего положения в преступной иерархии, представленных в научной литературе и других источниках.

Процедуру проводимого исследования составляет последовательное применение обще- и частнонаучных методов. Общие логические выводы построены согласно дедуктивному подходу. Ввиду ограниченности практического материала (количество возбужденных уголовных дел по рассматриваемой уголовно-правовой статье составляет единицы) применен кейс-метод для исследования сведений об отдельных лицах, занимающих высшее положение в преступной иерархии. В результате установлены функциональные, статусные и атрибутивные признаки занятия высшего положения в преступной иерархии.

Формально-логический метод положен в основу разработки общей методики новой судебной криминологической экспертизы занятия высшего положения в преступной иерархии. Специальным сравнительным методом судебной экспертизы построены методики проверки достоверности представленных объектов путем установления признаков их фальсификации, уничтожения, видоизменения.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблемы правового регулирования судебной криминологической экспертизы

В уголовном законодательстве Российской Федерации отсутствуют основания для ограничительного толкования круга субъектов преступления, предусмотренного нормой 210¹ УК РФ. В связи с этим анализ указанных понятий производим на основе опубликованных криминологических работ [12].

Отсутствие методик судебной криминологической экспертизы лиц указанной категории приводит на практике к недостаточной обоснованности сделанных экспертом выводов, снижению доказательственного значения заключений экспертов, возникновению сомнений в достоверности сформулированных экспертом выво-

дов. Между тем научная обоснованность экспертизы выдвигается в ранг современных задач судебной экспертологии [13; 14]. Так, потребность в формировании научно обоснованных методик судебной криминологической экспертизы достаточно очевидна.

При разработке методик судебной криминологической экспертизы необходимо исходить из задач, поставленных перед ней следственной (судебной) практикой. Полагаем, что задачи, решаемые судебной криминологической экспертизой, следует отнести к диагностическим. Обобщенной формулировкой таких задач может быть вопрос об установлении принадлежности лица к высшему положению в преступной иерархии. Например, при производстве судебной криминологической экспертизы по уголовному делу, возбужденному в отношении лица, занимающего статус положенца в регионе Российской Федерации, на разрешение судебной криминологической экспертизы был поставлен вопрос об установлении статуса в преступной иерархии конкретного региона, к которому относится подозреваемое лицо. Для ответа на этот вопрос эксперту пришлось исследовать структуру преступного сообщества указанного региона и уяснить наименование высших ступеней преступной иерархии. Подчеркиваем, что эксперт при этом должен проверять достоверность предоставленных материалов дела на предмет адекватности отображения в них признаков занятия лицом высшего положения в преступной иерархии. Вывод по результатам проведенного исследования эксперт сформулировал на основании оценки совпадений и различий признаков, определяющих высший статус в преступной иерархии, и фактов, установленных путем изучения представленных материалов дела.

С целью выработки понятийно-методологического аппарата судебной криминологической экспертизы занятия высшего положения в преступной иерархии считаем целесообразным провести анализ научной литературы в части, касающейся содержания задач, поставленных перед экспертом. Заметим, что в ситуации рассматриваемого преступления (ст. 210¹ УК РФ), определение принадлежности проверяемого лица к высшей преступной иерархии невозможно без анализа ее контекста, в котором определяется указанный статус. В противном случае подозреваемый (обвиняемый) имеет возможность представить свое деяние в качестве неудачной шутки или игры. Поскольку существование преступной иерархии определено именно в криминальной субкультуре, мы вынуждены формировать понятийную базу предлагаемой криминологической экспертизы на основе определений, сложившихся в преступном мире [15; 16].

Ученые понимают социальный, в том числе и преступный, мир через взаимодействие принадлежащих к нему субъектов. Социальному взаимодействию приписывают коммуникативный характер. Используемые в нем системы коммуникации включают язык, символику и поведенческие стереотипы. В научной литературе социологического направления выделены основные условия коммуникативного взаимодействия: 1) участники взаимодействия должны обладать способностью воздействовать друг на друга и реагировать на такое воздействие; 2) совершаемые ими действия влияют на взаимные поступки; 3) в ходе взаимодействия передается

информация; 4) отмечается единство нормативной базы, правил, принципов, понятийного аппарата и языка взаимодействия. Такая коммуникативная система выражается в терминах и понятиях, общепринятых в преступном мире [17; 18].

Взаимодействующие представители преступного мира выполняют в нем определенные социальные роли. Социальная роль рассматривается как модель поведения лица, заданная социальной позицией личности в системе общественных и личных отношений. Социальная роль выражается функциями лица в соответствии с приобретенным социальным статусом. Социальные функции определяют его статусное поведение. Социальная роль выражается системой требований, предъявляемых сообществом к участникам социального взаимодействия. Таким образом, статус лица определяет совокупность его прав, привилегий и обязанностей, а роль определена соответствующими статусу социальными функциями.

Применительно к преступному миру можем сказать, что распределение преступного сообщества по статусному принципу и соответствующим функциям обеспечивает криминальная субкультура. Она исследуется криминологией, уголовно-исполнительным правом, юридической психологией. Под криминальной субкультурой понимается совокупность духовных и материальных ценностей, регламентирующих и упорядочивающих деятельность криминальных сообществ, что способствует их живучести, сплоченности, криминальной активности и мобильности, преемственности поколений правонарушителей. Криминальная субкультура отображает образ жизнедеятельности лиц, объединившихся в криминальные группы, придерживающихся воровских законов и традиций. Согласно научным представлениям, криминальная субкультура выражается в культе насилия и паразитизма, антиобщественных нормах, обычаях, азартных играх, использовании жаргона, присвоении кличек, нанесении татуировок, блатных песнях и т. п. Лидеры преступного мира целенаправленно внедряют криминальную субкультуру в массы [19].

С точки зрения науки уголовного права содержание термина «преступная иерархия» представлено совокупностью принципов управления лицами – участниками профессиональной уголовной деятельности, которые придерживаются принятых в преступном мире правил и традиций. В криминологии преступная иерархия рассматривается как система организации преступного сообщества. Лица, главенствующие в преступной иерархии, выполняют лидерские функции в преступном мире, создают либо переформируют его структуру.

Согласно современной криминологической доктрине, преступная иерархия – это сложившаяся в преступном сообществе (преступной организации) система отношений между лицами, придерживающимися криминальной (воровской) идеологии. Она базируется на принципе подчиненности представителей низших ступеней преступной иерархии представителям ее высших ступеней. В научной литературе криминологического направления преступную иерархию отождествляют с иерархией тюремной. Действительно, и та, и другая имеют общие криминологические признаки. И преступная, и тюремная иерархии основаны на принципах

тюремной субкультуры – совокупности псевдодуховных и квазиморальных ценностей, регламентирующих неофициальную жизнь осужденных в местах отбывания наказания. Между тем по объему содержания преступная иерархия шире тюремной, поскольку регулирует поведение членов преступного сообщества и за пределами мест лишения свободы. В этой связи преступная иерархия рассматривается вне тюремного контингента как определенная часть преступного мира [20].

Традиции и правила криминальной субкультуры

Для конкретизации понятия «высшее положение в преступной иерархии» необходимо принять во внимание следующие обстоятельства. Понятие «иерархия» применительно к общественным отношениям обозначает порядок подчинения лиц в соответствии с занимаемыми ими уровнями (степенями, градациями), распределенными от низших до высших. Иерархия складывается в социуме как управляющая структура. Преступная иерархия предполагает организованную форму преступности. Преступная иерархия объединяет лидеров, организаторов, представителей организованных преступных групп. Такая иерархия складывается на определенной территории, может охватывать регионы страны. Преступная иерархия существует одновременно с органами государственного управления, а также может становиться их частью либо включать их в себя. Высшее положение в преступной иерархии предполагает наличие в ней высоких и низких уровней (степеней, градаций).

К традициям и правилам, закрепленным криминальной субкультурой, ученые относят следующие: представители преступного мира обязаны выделять долю в общеворовскую кассу – обшак; запрещено поднимать руку на вора в законе; следует непримиримо относиться к стукачам; нельзя признавать вину в совершенном преступлении; нельзя предъявлять кому бы то ни было обвинения без доказательства; нельзя употреблять нецензурные выражения; следует учить молодежь «правильной жизни» и обязательно оказывать материальную помощь сотоварищам и их родственникам и т. д. Характерными признаками криминальной субкультуры называют игнорирование общепризнанных норм и ценностей; отражение в ней тюремных традиций; агрессивное, жестокое и циничное отношение к «чужим»; эксплуатацию нижестоящих в преступной иерархии, глумление над ними; неуважение прав собственников, выражающееся в кражах и вымогательствах; проявление циничного отношения к лицам женского пола; поощрение низменных инстинктов и любых форм асоциального поведения и др. [21; 22].

К элементам криминальной субкультуры криминологи относят: 1) законы, обычаи, нравы преступного мира; 2) иерархию преступников; 3) уголовный жаргон; 4) клички; 5) татуировки; 6) способы зашифровки, передачи и распространения информации (маявки, прогоны); 7) жесты, знаки, сигналы; 8) клятвы и ритуалы; 9) симуляцию болезни, членовредительство; 10) меры поощрения и наказания; 11) уголовный фольклор (стихи, песни, пословицы, поговорки, мифологию); 12) стиль в одежде и самовыражение преступников; 13) игры и способы времяпровождения; 14) преступные ценности и стандарты поведения [23].

В результате анализа криминальной субкультуры выделяем основные характеристики статуса лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии. Статус определяют в научной литературе как положение лица или группы лиц в преступной иерархии. В общенаучном понимании социальные статусы подразделяют на типы: 1) которые предписываются индивиду обществом или группой независимо от его способностей и усилий; 2) которые лицо достигает своими собственными усилиями.

Основываясь на диспозиции ст. 210¹ УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии», слово «занятие» можно трактовать в двух значениях: 1) как процесс с указанным результатом (приобретение статуса высшего положения в преступной иерархии); 2) как достигнутое лицом состояние (обладание указанным статусом). С учетом личностного отношения к статусу высшего положения в преступной иерархии, процесс приобретения данного статуса может осуществляться в форме: 1) активных действий, т. е. лицо стремится занять соответствующее положение и прилагает к этому определенные усилия, производит те или иные действия (например, выдвигает свою кандидатуру на голосование по избранию нового руководителя преступного сообщества); 2) пассивной, когда лицо не прилагает усилий к тому, чтобы занять соответствующее положение, но и не возражает против этого; 3) активно отрицательной, т. е. лицо вербально или посредством иных контрдействий выражает отказ от занятия определенно-го положения в преступной иерархии.

На сегодняшний момент в научной литературе криминологического направления сложилось мнение, что занятие высшего положения в преступной иерархии означает процесс перемещения лица от его предыдущего положения (нахождения на более низких ступенях в преступной иерархии или вне ее) к тому, которое обозначено в диспозиции указанной уголовно-правовой нормы. Очевидно, этот процесс требует от лица приложения определенных волевых, интеллектуальных и физических усилий. Поддерживаем научное мнение, согласно которому статус высшего положения в преступной иерархии присваивается лицу исключительно по его собственной инициативе и прямому умыслу. От претендента на высшее положение в преступной иерархии требуется осуществление соответствующего поведенческого акта, направленного на реализацию намерения приобрести указанное положение. Занятие высшего положения в преступной иерархии не может происходить без участия воли данного лица [24].

По мнению авторов, изучающих криминальную субкультуру, высший статус в преступной иерархии обозначен понятиями «вор» и «вор в законе» [25]. Вором в законе (вором) называют высшего статусного лидера преступной иерархии. Статусные лидеры преступной иерархии употребляют самоназвание «вор». Данные понятия идентичны по смыслу, поэтому термины «вор» и «вор в законе» употребляем как синонимы.

Вор в законе, согласно традициям криминальной субкультуры, пользуется большим уважением и властью в преступном мире. Вор в законе выполняет в преступном сообществе роль хранителя воровского закона. Воровской закон регламентирует поведение воров и других членов преступного мира. Воры в законе

и другие лидеры преступной иерархии обеспечивают существование, воспроизводство и развитие криминальной субкультуры. Они организуют и регулируют деятельность ее представителей. В соответствии с принципами криминальной субкультуры, воры в законе занимают наивысший уровень в преступной иерархии [26].

На следующей, низшей, ступени находятся смотрящие, положенцы. Так, представители высших ступеней преступной иерархии назначают из своей среды смотрящего, выполняющего представительские функции на определенной территории либо в конкретном исправительном учреждении. К категории смотрящих причисляют лидеров преступного сообщества, выполняющих организационно-распорядительные функции. Из числа преступных лидеров назначаются положенцы. Положенцы собирают положенную дань с находящихся в зоне влияния преступного сообщества предприятий, организаций, а также с физических лиц. Ссмотрящим за общаком (общей воровской кассой) назначается представитель лидеров преступной иерархии. Общак представляет собой коллективную собственность преступного сообщества, сформированную за счет отчислений от прибыли, полученной в результате преступной деятельности. Согласно правилам и традициям криминальной субкультуры, обязанностью лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, является формирование общака и направлять часть его средств на обеспечение деятельности преступного сообщества.

Лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, обозначают себя термином «блатные». В преступном мире используются самоназвания «блатной», «братва», «арестанты», «босяки», «бродяги», «жулики», «путевые». В прошлые исторические периоды профессиональные преступники применяли самоназвания «жиганы», «люди». Блатных также называют «авторитетами», «паханами».

Статусный лидер преступной иерархии выполняет определенные социальные функции, соответствующие его роли в преступном мире. Под социальной ролью понимают нормативно одобренный, относительно устойчивый образец поведения (включая действия, мысли и чувства), воспроизводимый лицом в зависимости от приобретенного статуса в преступном сообществе. Такое сообщество криминологи представляют как систему определенных социальных позиций, действуя в рамках которых лицо обязано выполнять функции соответствующего статуса.

Приобретение лицом статуса высшего положения в преступной иерархии осуществляется в соответствии с традициями, закрепленными в криминальной субкультуре. Способ совершения такого преступления, как занятие высшего положения в преступной иерархии, как элемент объективной стороны его состава (ст. 210¹ УК РФ), предполагает последовательность обязательных действий преступника. К таким действиям нами отнесены следующие: выдвигание кандидатуры на приобретение статуса преступного лидера; проведение воровской сходки, на которой принято положительное решение о присвоении кандидату статуса преступного лидера; подтверждение приобретенного статуса путем оповещения заинтересованных лиц и широкого круга неопределенных адресатов, а также участие

в деятельности преступного сообщества в качестве организатора преступлений [27; 28].

Укажем на другие уровни преступного сообщества, руководимого лидерами преступной иерархии. На следующей ступени преступной иерархии, ниже «блатных», расположены приближенные к ним – «атлеты», «бойцы», «гладиаторы», «громоотводы» и другие. Совершением преступлений по заданию «блатных» занимаются представители «пехоты».

Понятие и признаки статусного лидерства преступной иерархии

В системе судебной криминологической экспертизы занятия высшего положения в преступной иерархии ее понятийно-терминологическую базу составляют понятия, обозначающие статусных лидеров преступной иерархии (вор в законе (вор), смотрящий, положенец), а также самоназвания представителей низших ее ступеней. Установление статуса лица в преступной иерархии требует применения криминологических знаний.

Основываясь на вышеизложенном, к основным функциям, выполняемым вором в законе и другими статусными лидерами преступной иерархии, относим организационно-распорядительную, нормативную, судебную, карательную. Указанные функции определяем в качестве признаков высшего положения в преступной иерархии.

Организационно-распорядительная функция выражается в обязанности представителя высшей преступной иерархии организовывать, т. е. планировать, контролировать и обеспечивать ресурсами деятельность руководимого преступного сообщества. Нормативная функция выражается в том, что представитель высшей преступной иерархии составляет и распространяет воровские наказания (малявы, прогоны) – это обычно новое правило, созданное в результате какого-то спора между представителями преступного сообщества. Из подобных наказов постоянно формируется воровской закон. Судебная функция сводится к обязанности представителя высшей преступной иерархии разрешать споры, возникающие между представителями преступного сообщества. Карательная функция предполагает, что представитель высшей преступной иерархии распоряжается о применении наказания к нарушителям воровского закона [29].

В итоге систему признаков принадлежности лица к высшей ступени преступной иерархии формируем из следующих признаков:

1) функциональных (выполнение организационно-распорядительной, нормативной, судебной, карательной функций);

2) статусных (назначение в соответствии с правилами криминальной субкультуры воров в законе, положенцем, смотрящим);

3) атрибутивных (наличие клочки, татуировок, аксессуаров и т. п.).

Функциональные и статусные признаки относим к основным. Атрибутивные признаки считаем факультативными [30].

Наличие у лица указанных основных признаков составляет комплекс признаков, необходимых и достаточных для занятия высшего положения в преступной иерархии. Тогда задачей предлагаемой судебной кри-

минологической экспертизы определяем установление принадлежности проверяемого лица к статусу лидера преступной иерархии. Решение данной экспертной задачи осуществляется путем установления функциональных и статусных признаков у проверяемого лица. В ходе производства экспертизы эксперт исследует представленные материалы уголовного дела, а также вещественные доказательства, отображающие действия лица, которые соответствуют роли статусного лидера в преступной иерархии [31].

Предвидим трудности, возникающие у следователя при формулировании вопросов, выносимых на разрешение судебной криминологической экспертизой лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии. Преодоление указанных трудностей, возникающих при назначении экспертизы и подборе материалов для экспертного исследования, возможно в ходе предварительной консультации с экспертом (специалистом). Устранить указанные трудности и обеспечить полноту экспертного исследования возможно применением судебно-экспертной технологии, предполагающей реализацию права эксперта на инициативу [32].

Таким образом, преступная иерархия представляет собой систему подчиненности и взаимоотношений между лицами, входящими в криминальную среду, придерживающимися правил и традиций воровской субкультуры. Приобретение лицом конкретного статуса в высшей преступной иерархии осуществляется либо путем назначения лица на указанный статус, либо процедурой проведения выборов с обсуждением кандидата. Конкретный статус лица в преступной иерархии определяется: 1) его ролью в преступном сообществе; 2) наличием устоявшихся преступных связей; 3) формой процедуры присвоения лицу искомого им статуса; 4) переходом лица в категорию статусных лидеров преступного сообщества; 5) особенностями криминальной субкультуры, действующими на территории, находящейся в зоне влияния преступного сообщества; 6) действиями правоохранительных органов по пресечению преступной деятельности.

К высшему положению в преступной иерархии относятся лица, приобретшие в преступном сообществе один из статусов: вор, вор в законе, положенец, смотрящий.

Структура общей методики судебной криминологической экспертизы занятия высшего положения в преступной иерархии

Нами предлагается структура общей методики судебной криминологической экспертизы занятия высшего положения в преступной иерархии. Предлагаемая структура включает следующие стадии.

1. Подготовительная стадия. Судебный эксперт знакомится с постановлением и предоставленными в его распоряжение объектами и материалами, уясняет поставленные следователем (дознавателем, иным заказчиком экспертизы) на его разрешение вопросы, проверяет соответствие представленных объектов сопроводительным документам. На этой стадии эксперт устанавливает достаточность представленных на экспертизу объектов для решения поставленной задачи.

Как правило, объектами судебной криминологической экспертизы данного вида становятся протоколы

допросов и заключения ранее выполненных судебных экспертиз – лингвистических, психологических (психолингвистических, социально-психологических) и др. Кроме того, объектами предлагаемой судебной криминологической экспертизы могут быть аудио- и видеозаписи, представленные как вещественные доказательства.

Учитываем возможное противодействие расследованию, осуществляемое путем фальсификации или видоизменения представляемых на экспертизу объектов. Информация о подобного рода негативном воздействии содержится в признаках этих объектов. Поддерживаем позицию, согласно которой в распоряжение эксперта необходимо предоставлять материалы дела и объекты в полном объеме. Достоверность представленных объектов может быть проверена экспертом путем установления признаков искажения объектов (их фальсификации, уничтожения, видоизменения). Поэтому рекомендуем дополнительно к поставленным эксперту вопросам считать обязательным установление экспертом признаков видоизменения исследуемых объектов [33].

Если эксперт, анализируя содержание объектов исследования, обнаруживает признаки их недоброкачества, то он должен сообщить об этом органу, назначившему экспертизу.

На подготовительной стадии эксперту необходимо определить конкретную методику экспертного исследования путем выбора из существующих частных методик либо путем адаптации общей методики.

2. Раздельное исследование (анализ). На этой стадии предлагаемой судебной криминологической экспертизы исследуются представленные на экспертизу объекты и выделяются их информативные признаки. Поскольку объектом рассматриваемой экспертизы является поведение проверяемого лица, отображенное в представленных материалах и вещественных доказательствах, то установлению подлежат сведения об особенностях его поведения, соответствующих статусному лидеру преступной иерархии. При этом понятие признака объекта трактуем в информационном смысле, как установленный в процессе исследования носитель информации об особенностях поведения лица. Устанавливаемыми признаками его поведения становятся носители информации о проявляющихся в поведении функциональных, статусных и атрибутивных признаках поведения статусного лидера преступной иерархии. Такие признаки исследуемого объекта могут содержаться, например, в протоколах допроса свидетелей. Если свидетели сообщают информацию об исполнении лицом организационно-распорядительной, нормативной, судебной, карательной функции, то соответствующие фрагменты протоколов становятся признаками исследуемого объекта. Статусные признаки поведения лица эксперт устанавливает, например, в ходе исследования видеозаписи воровской ссоры. Признаки атрибутивные могут содержаться в протоколах освидетельствования лица, в различных видео- и фотодокументах. Установленные признаки в совокупности составляют комплекс, достаточный для сравнения с комплексом признаков занятия высшего положения в преступной иерархии.

3. Сравнительное исследование (синтез). На этой стадии эксперт сравнивает установленный им комплекс признаков поведения лица с содержанием функцио-

нальных и статусных признаков занятия высшего положения в преступной иерархии. В ходе сравнения учитываются также и установленные факультативные признаки.

4. Заключительная стадия. Эксперт производит оценку результатов проведенного сравнительного исследования, учитывая при этом информативность совпадающих признаков, основываясь на собственном внутреннем убеждении. Эксперт формирует выводы как ответы на поставленные заказчиком экспертизы вопросы. Он осуществляет документальное оформление экспертизы, подготовку материалов для отсылки заказчику.

Выводы по результатам экспертизы (положительные или отрицательные) составляются экспертом как в категорической, так и вероятной форме. Выводы эксперта по результатам предлагаемой судебной криминологической экспертизы могут носить и условный характер. Например, такое возможно в случае, если сведения из материалов дела не соответствуют традициям криминальной субкультуры, принятым на определенной территории. Тогда эксперт может установить искомые признаки на основе предположения. При этом он отмечает в своем заключении, что если судом будут приняты во внимание данные о специфических обычаях криминального мира, то присвоение лицу лидерского статуса в преступной иерархии может приобрести значение установленного факта.

Методика судебной криминологической экспертизы занятия лицом высшего положения в преступной иерархии построена как общая. Частные методики такой экспертизы можно классифицировать по видам решаемых задач. Принимаем во внимание, что задачи рассматриваемой экспертизы относятся к диагностическим. В науках уголовно-правового блока диагностические задачи распределяют на подзадачи установления действительного состояния объекта, установления механизма образования признаков и подзадачу установления временных параметров объекта [34]. Соответственно, задачи судебной криминологической экспертизы занятия высшего положения в преступной иерархии подразделяем на: 1) установление действительного статуса лица в преступной иерархии; 2) установление механизма присвоения лицу высшего положения в преступной иерархии; 3) установление временных параметров присвоения лицу статуса высшего положения в преступной иерархии: а) давности приобретения лицом статуса в преступной иерархии; б) последовательности приобретения лицом статусов в преступной иерархии. Методики предлагаемой судебной криминологической экспертизы распределяем на виды согласно подзадачам криминологической диагностики.

Полагаем необходимой валидацию общей и частных методик судебной криминологической экспертизы занятия высшего положения в преступной иерархии [35; 36]. Валидация гарантирует достоверность результата такой экспертизы и осуществляется путем проведения проверочных исследований ее применимости. Она предполагает проведение научного исследования на предмет применимости новых методик. Предлагаем поручать валидацию тому судебно-экспертному учреждению, где данная методика разработана по утвержденному плану НИР и применяется в экспертной практике.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Следует отметить новизну построенной методики судебной криминологической экспертизы занятия высшего положения в преступной иерархии. Ее объект носит криминологический характер, поскольку объединяет категории, определенные криминальной субкультурой. По своему предмету данная экспертиза отличается от других криминологических экспертиз, таких, например, как криминологическая экспертиза решений, принимаемых государственными органами в сфере противодействия преступности.

Новым результатом можно признать установление динамических и статических признаков занятия лицом высшего положения в преступной иерархии. Подход, реализованный в ходе построения системы указанных признаков, можно назвать деятельностным, поскольку приобретение высшего положения в преступной иерархии представлено как последовательность действий лица по достижению искомого положения. Авторская позиция исключает формальный подход, согласно которому приобретение указанного статуса признается оконченным преступлением в момент провозглашения лица вором в законе либо другим преступным иерархом. Напротив, в статье обоснована позиция, что приобретение лицом лидерского статуса в преступной иерархии должно сопровождаться реальным выполнением им лидерских функций. В соответствии с обоснованным подходом, практика следственно-судебного доказывания должна быть дополнена установлением указанных обстоятельств путем назначения предложенной судебной криминологической экспертизы.

Таким образом, установленные признаки занятия лицом высшего положения в преступной иерархии, а также основы методики предложенной судебной криминологической экспертизы дополняют процедуры процессуальной квалификации и криминалистические методики расследования преступлений данного вида.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Обозначена проблема применения специальных знаний для исследования обстоятельств принадлежности лица к высшему положению в преступной иерархии. Требуемые специальные знания составляют научные данные о принципах и традициях криминальной субкультуры, что входит в предмет криминологии. Показана результативность применения криминологических знаний для установления факта приобретения лицом статусного положения в преступной иерархии.

Построена общая методика новой судебной криминологической экспертизы занятия лицом высшего положения в преступной иерархии. Объектом данной экспертизы определено поведение проверяемого лица, отображенное в материалах уголовного дела. Предмет экспертизы составляют функциональные и статусные признаки принадлежности лица к высшей преступной иерархии. Атрибутивные признаки принадлежности лица к указанному статусу признаны факультативными. Частные методики рассматриваемой экспертизы распределены по видам решаемых диагностических задач.

Предложено научно-исследовательское направление валидации частных видов рекомендованной общей ме-

тодики судебной криминологической экспертизы занятия высшего положения в преступной иерархии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лихолетов А.А., Михайлов М.У. Новое в уголовном законодательстве в части противодействия организованной преступности: проблемы и пути решения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 2. С. 32–40.
2. Бычков В.В. Уголовно-правовая характеристика занятия высшего положения в преступной иерархии (статья 210.1 УК РФ) // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 3. С. 26–31.
3. Якушева Т.В. Противодействие преступным сообществам (преступным организациям) и лидерам криминальной среды: деструктивные тенденции, поиск новых законодательных решений // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 5. С. 723–734.
4. Агапов П.В. О роли судебной экспертизы в процессе доказывания по делам о преступлениях экстремистской направленности // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 1. С. 50–53.
5. Егорова Н.А., Егоров А.Г. Уголовная ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии: продолжение дискуссии // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 1. С. 34–44.
6. Пантюхина И.В., Ларина Л.Ю. Проблемы регламентации и применения уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) // Lex russica (Русский закон). 2020. № 10. С. 159–170.
7. Скобников П.А. Первый приговор по обвинению в занятии высшего положения в преступной иерархии: освещение в СМИ и значение для правоприменительной практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2020. № 4. С. 43–51.
8. Меркурьев В.В. Организованная преступность: понятие, состояние, структура, динамика и результаты реагирования // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 2. С. 136–146.
9. Скобников П.А. Высшее положение в преступной иерархии: уголовный закон, его толкование и применение // Законодательство. 2018. № 2. С. 43–49.
10. Топильская Е.В. Об особенностях составов преступлений, предусмотренных статьями 210 и 210.1 уголовного кодекса Российской Федерации // Криминалистика. 2020. № 2. С. 38–42.
11. Гладких В.И. Одолеет ли новый закон воров в законе? // Российский следователь. 2019. № 5. С. 52–56.
12. Скобников П.А. Занятие высшего положения в преступной иерархии: статус или деяние? // Уголовное право. 2019. № 6. С. 81–85.
13. Россинская Е.Р. Криминалистическая и экспертная диагностика: современное состояние и дискуссионные проблемы // Вестник экономической безопасности. 2019. № 2. С. 220–224.
14. Хазиев Ш.Н. Тренды в судебной экспертизе: позитивные и негативные аспекты // Теория и практика судебной экспертизы. 2013. № 3. С. 10–16.

15. Григорьев Д.А. Уголовно-правовое определение лиц, обладающих влиянием на преступную среду // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 1. С. 64–67.
16. Якушева Т.В. Уголовная ответственность преступных авторитетов: новеллы законодательства // Уголовное право. 2019. № 3. С. 85–90.
17. Бурлаков В.Н., Щепельков В.Ф. Лидер преступного сообщества и основание ответственности: постмодерн в уголовном праве // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 3. С. 465–476.
18. Яшков Ю.Г. Преступное сообщество и преступная организация: понятия, их признаки, соотношение терминов // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2018. № 2. С. 102–105.
19. Пережогина Г.В. Вопросы уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 4. С. 43–48.
20. Хлебницына Е.А., Шершакова Е.К. Занятие высшего положения в преступной иерархии: проблемы теории и практики // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 4. С. 132–137.
21. Кузьмин С.И. Становление и развитие криминальной субкультуры в России // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2018. № 3. С. 9–16.
22. Кондратюк С.В. Занятие высшего положения в преступной иерархии: конкретизация конструктивных признаков // Законность. 2021. № 8. С. 49–53.
23. Шалагин А.Е. Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 4. С. 36–39.
24. Григорьев Д.А., Морозов В.И. Как определить лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии? // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4. С. 50–58.
25. Шеслер А.В. «Вор в законе»: криминальный статус или основание уголовной ответственности // Вестник Кузбасского института. 2020. № 1. С. 110–123.
26. Крышнев Е.Ю., Кисляков А.В. Криминальная активность осужденных отрицательной направленности и пути ее предупреждения // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 1. С. 46–50.
27. Мондохонов А.Н. Собрание организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей организованных групп // Уголовное право. 2012. № 1. С. 65–69.
28. Кондратюк С.В. Способ совершения преступления в структуре занятия высшего положения в преступной иерархии // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2021. Т. 1. № 2. С. 193–199.
29. Борков В.Н. Занятие высшего положения в преступной иерархии: начало, содержание и конец преступления // Уголовное право. 2019. № 4. С. 11–16.
30. Сенатов А.В. Признаки, характеризующие лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии // Вестник Кузбасского института. 2020. № 1. С. 75–80.
31. Кондратюк С.В. Доказывание лидерства в преступной иерархии // Вестник Академии права и управления. 2021. № 2. С. 51–57.
32. Россинская Е.Р. Факторы, определяющие результативность и доброкачественность заключений судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 1. С. 89–93.
33. Моисеев А.М., Панько Н.А. Негативные факторы производства судебных экспертиз // Ex iure. 2021. № 1. С. 181–193.
34. Бриллиантов А.В., Щербаков А.Д. Теория опасного состояния личности: шаг вперед или два назад? // Государство и право. 2020. № 10. С. 90–99.
35. Перепечина И.О. Валидация судебно-экспертных методик как важный инструмент для обеспечения достоверности судебных доказательств // Закон и право. 2016. № 2. С. 131–133.
36. Чеснокова Е.В. Стандартизация в судебной экспертизе как системная деятельность, препятствующая коррупции // Закон и право. 2019. № 2. С. 148–150.

REFERENCES

1. Likholetov A.A., Mikhaylov M.U. Novelties in the criminal code in part related to counteracting the organized crime: problems and ways of solution. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii*, 2019, no. 2, pp. 32–40.
2. Bychkov V.V. Criminal characteristic the first in criminal hierarchy (article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii*, 2019, no. 3, pp. 26–31.
3. Yakusheva T.V. Counteracting criminal communities (criminal organizations) and leaders of the criminal world: destructive trends, a search for new legislative solutions. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal*, 2020, vol. 14, no. 5, pp. 723–734.
4. Agapov P.V. The role of forensics in the process of proof in cases of crimes of an extremist. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy*, 2014, no. 1, pp. 50–53.
5. Egorova N.A., Egorov A.G. Criminal liability for occupying a senior position in the criminal hierarchy: continuation of the discussion. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii*, 2020, no. 1, pp. 34–44.
6. Pantyukhina I.V., Larina L.Yu. Issues of regulation and application of the criminal law norm providing for responsibility for occupying the highest position in the criminal hierarchy (article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Lex russica (Russkii zakon)*, 2020, no. 10, pp. 159–170.
7. Skoblikov P.A. First verdict on charges of occupation of the highest position in the criminal hierarchy: media coverage and importance to law enforcement. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*, 2020, no. 4, pp. 43–51.
8. Merkurev V.V. Organized crime: concept, state, structure, dynamics and response results. *Vestnik Vladimirskego yuridicheskogo instituta*, 2014, no. 2, pp. 136–146.
9. Skoblikov P.A. Leader of criminal hierarchy: criminal law, its interpretation and application. *Zakonodatelstvo*, 2018, no. 2, pp. 43–49.

10. Topil'skaya E.V. On some specifics of the elements of crimes provided for in art. 210 and art. 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Kriminalist*, 2020, no. 2, pp. 38–42.
11. Gladkikh V.I. Will the new law break the back of criminal lords? *Rossiyskiy sledovatel*, 2019, no. 5, pp. 52–56.
12. Skoblikov P.A. Taking the highest position in a criminal hierarchy: a status or an act? *Ugolovnoe pravo*, 2019, no. 6, pp. 81–85.
13. Rossinskaya E.R. Criminalistic and expert diagnostics: modern condition and discussion problems. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*, 2019, no. 2, pp. 220–224.
14. Khaziev Sh.N. Trends in forensics: positive and negative aspects. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy*, 2013, no. 3, pp. 10–16.
15. Grigorev D.A. Criminal legal determining the persons having influence on the criminal environment. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*, 2017, no. 1, pp. 64–67.
16. Yakusheva T.V. Criminal liability of crime lords: novelties of legislation. *Ugolovnoe pravo*, 2019, no. 3, pp. 85–90.
17. Burlakov V.N., Shchepel'kov V.F. Crime boss and the grounds for liability: postmodernism in criminal law. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal*, 2019, vol. 13, no. 3, pp. 465–476.
18. Yashkov Yu.G. Crime community and criminal organization: concepts, their signs, the relationship of terms. *Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii*, 2018, no. 2, pp. 102–105.
19. Perezhogina G.V. The issues concerning the criminal liability for the highest position in the criminal hierarchy. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*, 2019, no. 4, pp. 43–48.
20. Khlebnitsyna E.A., Shershakova E.K. Occupying the highest position in the criminal hierarchy: problems of theory and practice. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2020, no. 4, pp. 132–137.
21. Kuzmin S.I. Formation and development of criminal subculture in Russia. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*, 2018, no. 3, pp. 9–16.
22. Kondratyuk S.V. Superior position in the criminal hierarchy: specification of main features. *Zakonnost*, 2021, no. 8, pp. 49–53.
23. Shalagin A.E. Criminological description of a person occupying a senior position in the criminal hierarchy. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2016, no. 4, pp. 36–39.
24. Grigorev D.A., Morozov V.I. How to identify the person holding the highest position in the criminal hierarchy? *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*, 2014, no. 4, pp. 50–58.
25. Shesler A.V. "Thief in law": criminal status or basis of criminal liability. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*, 2020, no. 1, pp. 110–123.
26. Kryshnev E.Yu., Kislyakov A.V. Criminal activity of negatively-directed convicted and the ways of its prevention. *Vestnik Vladimirskego yuridicheskogo instituta*, 2008, no. 1, pp. 46–50.
27. Mondokhonov A.N. A meeting of the organizers, leaders or other representatives of the organized groups. *Ugolovnoe pravo*, 2012, no. 1, pp. 65–69.
28. Kondratyuk S.V. The method of committing a crime in the structure of occupation of the highest position in the criminal hierarchy. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*, 2021, vol. 1, no. 2, pp. 193–199.
29. Borkov V.N. Occupation of the highest position in the criminal hierarchy: the beginning, content and end of crime. *Ugolovnoe pravo*, 2019, no. 4, pp. 11–16.
30. Senatov A.V. Signs characterizing the person occupying the highest position in criminal hierarchy. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*, 2020, no. 1, pp. 75–80.
31. Kondratyuk S.V. Proving leadership in the criminal hierarchy. *Vestnik Akademii prava i upravleniya*, 2021, no. 2, pp. 51–57.
32. Rossinskaya E.R. Factors determining the performance and the high quality of the forensic expertise in criminal proceedings. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2019, no. 1, pp. 89–93.
33. Moiseev A.M., Panko N.A. Negative factors of production of forensic examinations. *Ex jure*, 2021, no. 1, pp. 181–193.
34. Brilliantov A.V., Shcherbakov A.D. The theory of the dangerous condition of person: one step forward or two steps back? *Gosudarstvo i pravo*, 2020, no. 10, pp. 90–99.
35. Perepechina I.O. Validation of forensic techniques as an important tool to ensure the reliability of forensic evidence. *Zakon i pravo*, 2016, no. 2, pp. 131–133.
36. Chesnokova E.V. Standardization in forensic science as the system activity interfering corruption. *Zakon i pravo*, 2019, no. 2, pp. 148–150.

FORENSIC CRIMINOLOGICAL EXAMINATION OF TAKING THE HIGHEST POSITION IN THE CRIMINAL HIERARCHY

© 2021

S.V. Kondratyuk, assistant professor of Chair "Criminal Law and Procedure"
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: taking the highest position in criminal hierarchy; thief-in-law; criminal community; criminal hierarchy; forensic criminological examination; behavioral characteristics; expert methodology.

Abstract: The paper deals with the issue of referring a person to the criminal hierarchy status leaders. While studying criminal subculture, the author specified criminological signs of the criminal ranking highest position, identified functional, status, and attributive signs of taking the highest position in the criminal hierarchy. The thief-in-law, the overseer, and the loyalist represent the status leaders of the criminal ranking. The author developed a general methodology for the new forensic and criminological examination of taking the highest position in the criminal hierarchy. Actual data concerning the behavior of a person inspected containing in the case materials is the object of the examination. The subject of this examination is formulated as a complex of functional, status, and attributive features of any criminal hierarchy leader. The task of the proposed expertise is to clear up if a person has the status of the leader of the criminal hierarchy or not.

The paper describes the specifics of the stages of this examination. At the preparatory stage, an expert checks the reliability of the objects presented, identifying the signs of their falsification, destruction, and modification. The author recommends carrying out mandatory verification and supporting the expert initiative. At the stage of independent research, an expert establishes key behavioral characteristics of a person inspected. Provided that they are sufficient, the next stage implies comparing them with a set of signs and features which are typical for people taking the highest positions in the criminal hierarchy. The final stage examination contains the evaluation of coincidences and formulation of conclusions. The author gives the recommendations on the expertise relating the conditional forms of conclusions based on the results of the examination of taking the highest position in the criminal hierarchy; proposes validating general and specific methods of expertise of taking the hierarchy highest position in terms of scientific research.

**ПРОБЛЕМА ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В КОНТЕКСТЕ СТАТЕЙ 116
И 116.1 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

© 2021

К.К. Новикова, студент*Д.Д. Хмельницкая*, студент*Дальневосточный федеральный университет, Владивосток (Россия)*

Ключевые слова: домашнее насилие; декриминализация побоев; ст. 116 УК РФ; ст. 116.1 УК РФ; жертва домашнего насилия; умышленное причинение вреда здоровью.

Аннотация: В настоящее время актуальной является проблема домашнего насилия в связи с ежегодным увеличением количества пострадавших лиц. Помимо повышенного внимания со стороны законодательства к данному вопросу, общественность также обеспокоена сложившейся ситуацией: к жертвам домашнего насилия относятся неуважительно, так как они либо излишне привлекают внимание к возникшей ситуации, либо обвиняются в несвоевременном обращении в правоохранительные органы. В статье конкретизирован термин «домашнее насилие», определены типы и формы домашнего насилия, обозначены черты характера, присущие лицу, совершающему домашнее насилие, а также его потенциальной жертве. На основании анализа судебной практики сделано заключение об отсутствии единого подхода к определению состава преступления и о наличии пробела при назначении наказания за третий эпизод совершенного общественно опасного деяния. Анализ данных ежегодного исследования Всемирного Банка «Women, Business and the Law» и МВД России о домашнем насилии в Российской Федерации подтвердил наличие острой проблемы, которая остается нерешенной на законодательном уровне уже достаточно долгий период времени. В рамках проведенного авторами исследования предлагается ввести в УК РФ новый состав преступления «Домашнее насилие», согласно которому под домашним насилием следует понимать умышленное причинение вреда жизни и здоровью лицу, находящемуся в семейных, личных или бытовых отношениях. Указанные нововведения позволят значительно облегчить работу правоохранительным органам и судам при определении квалификации деяния и назначении справедливого наказания за счет включения квалифицированных видов домашнего насилия при реализации защиты прав потерпевших.

ВВЕДЕНИЕ

Домашнее насилие является опасным социальным явлением, пагубно влияющим не только на ментальное здоровье жертв, но и на физическое состояние их организма: потерпевшие начинают злоупотреблять спирто-содержащей продукцией или наркотическими средствами, что, в свою очередь, может привести к самоубийству или совершению преступления [1]. На сегодняшний день тема домашнего насилия всесторонне исследуется авторами, но, несмотря на это, представляется затруднительным конкретизировать сам термин. Среди множества определений ученых наиболее содержательным и включающим в себя основные элементы является следующее: «Домашнее насилие – это осуществление определенных противоправных действий или воздействия на другого человека, находящегося в семейных связях с субъектом насилия, против его воли, причиняющих последнему вред, с целью получить тот или иной результат, включая психическое, физическое удовлетворение (насилие ради самого насилия)» [2, с. 66].

В зависимости от субъектного состава ученые выделяют три типа семейного насилия: родителями в отношении детей, одним супругом в отношении другого, детьми (внуками) в отношении старших членов семьи (как правило, престарелых) [3]. Пожилые лица в силу своего возраста, а также физических и психологических особенностей являются потенциальными жертвами домашнего насилия.

Исследователи пришли к выводу, что домашнее насилие проявляется в нескольких формах, каждая из которых имеет свою индивидуальную вариацию. Одной

из форм является физическое насилие, состоящее из трех фаз: напряжения (отдельные вспышки оскорблений, оправданные стрессом из-за работы, денег и иных проблем), острого насилия (непосредственно само насилие в форме ударов, пинков, ожогов и т. д.) и «медового месяца» (заглаживание своей вины обещаниями, что подобные действия не повторятся) [4]. Применяя физическую силу, преступник получает необходимый для достижения его цели результат: лицо, поддерживающее с ним связь, начинает его бояться и становится легкоуправляемой марионеткой [5].

Психическое домашнее насилие отождествляется с угрозами, главная особенность которых заключается в том, что они продолжают в течение значительного времени и приобретают форму истязания. В результате длительного воздействия на психику у жертвы могут развиваться психологические и физиологические отклонения, немотивированная агрессия, не регулируемая самой жертвой, и проблемы, связанные с социализацией [6]. Одной из встречающихся разновидностей психического насилия является использование детей для установления контроля над взрослым, в частности над матерью. В силу особенностей психического развития ребенка подобные насильственные посягательства влияют на полноценное становление его личности: формируется детская психологическая травма [7].

Сексуальное насилие – один из распространенных способов применения домашнего насилия по причине того, что интимная жизнь не является темой для обсуждения обществом. Данный вид насилия обладает повышенной латентностью, чем довольно часто пользуются преступники, манипулируя сознанием жертвы, утверждая, что «ей никто не поверит».

Последний тип домашнего насилия затрагивает материальную основу семьи. Экономическое насилие проявляется в лишении потерпевшего денежных средств или в манипулировании им со стороны лица, имеющего намерение повлиять на разум жертвы для удовлетворения собственных нужд, например убедить жертву в необходимости хранить ее денежные средства у преступника, оказать давление и склонить к совершению покупки, выгодной только для преступника, и т. д. [8].

Основной чертой лица, совершающего домашнее насилие, является властный характер, то есть способность одного члена семьи влиять на поведение других, зачастую не учитывая их собственные мнения и принуждая их к выполнению конкретных действий. При этом необходимо отметить, что поведение властного человека во многом характеризуется агрессией, выраженной во враждебном отношении к проявлениям личности подчиненного человека [9].

Исследуя случаи домашнего насилия и их причины, можно отметить индивидуальные формы его проявления, выраженные в подчинении жертвы различными манипуляциями, что является следствием отсутствия нормы права, которая регулировала бы ответственность за совершенное деяние в рамках Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) [10]. Законодатель, не желая внедрять новый состав преступления, нередко применяет нормы статей 116, 116.1 УК РФ, которые в настоящее время не до конца обеспечивают принцип справедливости при назначении наказания.

Цель исследования – раскрытие проблематики домашнего насилия в контексте статей 116, 116.1 УК РФ.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Логика исследования выстроена следующим образом: сначала рассматривается термин «домашнее насилие» и составляющие его формы для дальнейшего анализа нормативно-правовой базы, который демонстрирует большое число статей УК РФ, применяемых к случаям домашнего насилия. Далее изучаются статистические данные и судебная практика, подтверждающие существование пробела, из-за которого многие люди остаются незащищенными. В результате исследования обозначены выявленные пробелы и предложено включить в УК РФ новый состав преступления, который позволит облегчить работу правоохранительным органам и органам правосудия и сохранит баланс справедливости по отношению к потерпевшим.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ нормативно-правовой базы

В Государственную Думу Российской Федерации в 2016 году был внесен проект федерального закона № 1183390–6 «О профилактике семейно-бытового насилия», однако он был отклонен. Предлагалось закрепить на федеральном уровне цели и основные направления деятельности по предостережению и профилактике насилия в семейно-бытовой сфере с целью увеличить число «здоровых» взаимоотношений в семьях путем устранения причин возникновения домашнего насилия на первоначальном этапе его проявления.

Российское законодательство не предусматривает конкретной нормы, которая поспособствовала бы уменьшению числа жертв. К лицам, осужденным за домашнее насилие, применяются те статьи, которые в настоящее время закреплены в рамках УК РФ, например побои, умышленное причинение различной степени вреда здоровью, угроза убийством и другие. Указанное обстоятельство демонстрирует, что к домашнему насилию применяется большинство статей, закрепленных в главах 16 и 18 УК РФ, что препятствует справедливому назначению наказания.

Рассматривая содержание статьи 116 УК РФ, нужно подчеркнуть, что состав побоев включает в себя, во-первых, причинение физической боли, не повлекшее последствий, указанных в статье 115 УК РФ, и, во-вторых, наличие одного из мотивов, перечисленных в статье. В статье 115 УК РФ говорится о последствиях умышленного причинения легкого вреда здоровью. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 апреля 2008 г. № 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» конкретизирует и указывает две формы такого вреда: кратковременное расстройство здоровья сроком до 21 дня и незначительная стойкая утрата общей трудоспособности менее 10 %.

Говоря о проблеме домашнего насилия в контексте статей 116 и 116.1 УК РФ, стоит обратить внимание, что до 2016 года в Российской Федерации уголовно наказуемым деянием считалось нанесение любых побоев, но федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ была проведена частичная декриминализация побоев, которая лишает рядовых граждан необходимой уголовно-правовой защиты от тяжких насильственных посягательств. Это объясняется тем, что отныне в статье 116 УК РФ закреплен закрытый перечень мотивов для совершения побоев, а для лиц, несущих административную ответственность за аналогичное правонарушение, предусмотрен новый состав в статье 116.1 УК РФ [11].

В 2017 году федеральным законом № 8-ФЗ статья 116 УК РФ была преобразована: за побои в отношении близких лиц предусмотрена ответственность по статье 6.1.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, где мера ответственности значительно мягче, чем в УК РФ: штраф, меньший срок обязательных работ или административный арест. В свою очередь, статья 116.1 УК РФ продолжает свое существование в рамках уголовного законодательства.

Помимо побоев, имеет место и психическое домашнее насилие. В современном УК РФ нет статьи, предусматривающей ответственность за психическое домашнее насилие, за исключением периодически применяемой статьи 110 УК РФ. Таким образом, законодательством признан тот факт, что воздействие на психику человека можно оказывать как угрозами, так и жестоким обращением в различных формах его проявления [12].

Анализ данных о случаях домашнего насилия в Российской Федерации

В ежегодное исследование “Women, Business and the Law”, проводимое Всемирным банком и оценивающее законы и правила, которые влияют на экономические возможности женщин в 190 странах, в 2018 году

был включен показатель «защита женщин от насилия». Исследование 2018 года показало, что 21 страна в 5 регионах мира набрала 0 баллов по указанному критерию, среди них страны Ближнего Востока, страны Африки, Россия и Узбекистан. В 2019 и 2020 годах данный показатель больше не рассчитывали, так как сформирована новая система индикаторов, некоторые из которых включают в себя вопросы защиты прав женщин. Отчетные данные за 2019–2021 годы демонстрируют, что Российская Федерация улучшает свои показатели по формированию гендерного равенства, но не в области защиты от домашнего насилия. Согласно показателям, используемым для измерения воздействия законодательства на женщин в течение их трудовой жизни, в блок «вступление в брак», по которому Россия имеет 80 баллов на протяжении всего рассматриваемого периода, включен вопрос: «Существуют ли законы непосредственно против домашнего насилия?». Анализ нормативно-правовой базы показывает, что в настоящее время до сих пор не принят закон, регулирующий обеспечение защиты от домашнего насилия в семьях. Отсюда можно сделать вывод, что при введении отдельного закона о домашнем насилии рейтинг по показателю «вступление в брак» достигнет 100 баллов, что улучшит положение Российской Федерации относительно других государств¹.

Согласно характеристике преступности в Российской Федерации, на первое полугодие 2021 года зафиксировано снижение на 6,1 % случаев умышленного причинения тяжкого вреда здоровью в семейно-бытовой сфере². Об аналогичном уменьшении количества преступлений, связанных с домашним насилием, было заявлено Министерством внутренних дел Российской Федерации (МВД РФ) в 2020 году: согласно отчету, в 2020 году преступность в отношении членов семьи уменьшилась на 9,5 %, в том числе на 15,8 % меньше фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью. С приведенными данными МВД РФ не согласна глава комитета Госдумы по регламенту О. Савастьянова, которая указывает, что граждане пренебрегают помощью полиции и обращаются в иные организации, например к уполномоченным по правам человека или в кризисные центры. Российский омбудсмен Т. Москалькова, по словам О. Савастьяновой, сказала, что к ней стали обращаться в 2,5 раза чаще. Помимо этого, в критических ситуациях потерпевшие звонят на всероссийский телефон доверия, а после случившегося инцидента домашнего насилия обращаются к психологу или в женские общественные организации, которые оказывают им моральную поддержку³.

Анализ судебной практики

Большинство семейных конфликтов разрешаются судом путем назначения наказания по различным статьям, закрепленным в главе 16 или 18 УК РФ. В деле

№1–347/2020, Жигалин, зная, что жена находится в зависимом от него положении, нанес ей телесные повреждения, дважды ударив кулаком в голову в ходе очередной ссоры. После, будучи в состоянии алкогольного опьянения, обвиняемый взял в руки чайник и кинул в сторону, в результате чего пострадала малолетняя потерпевшая. Учитывая, что Жигалин ранее был привлечен к административной ответственности, его преступление охватывается составом статьи 116.1 УК РФ⁴.

Зачастую о семейно-бытовых конфликтах известно не только семье, но и иным лицам, работающим совместно с потерпевшими. Так, в деле № 1–319/2010 свидетель пояснила, что жена Носкова является жертвой домашнего насилия, так как при посещении больницы последняя рассказывала, что Носков зачастую применяет физическую силу, а также запрещает обращаться в лечебное учреждение за помощью. Все сказанное подтверждается синяками на теле супруги, которая пыталась тщательно скрывать их от окружающих. Суд квалифицировал деяние Носкова по части 1 статьи 112, части 1 статьи 111 УК РФ⁵.

В деле № 1–21/2020 показаниями сестер и подруг подтверждается, что девушка Саханова является жертвой домашнего насилия, так как обвиняемый, избив потерпевшую, выбросил ее с балкона, в результате чего она скончалась. Из обстоятельств дела следует, что Саханов и ранее применял физическую силу в отношении потерпевшей. Суд квалифицировал данное деяние по части 1 статьи 105 УК РФ⁶.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В настоящее время в Российской Федерации не существует служб профилактики защиты жертв домашнего насилия, а предпринятые попытки создать их не оправдали ожиданий. В будущем законодателю на федеральном и региональном уровнях необходимо разработать специальную программу, опираясь на опыт зарубежных стран, например на Модельное законодательство ООН о насилии в семье, предотвращающую попытки домашнего насилия путем выдачи охранных ордеров и подачи жалоб на конкретных лиц [13]. В Великобритании семейно-бытовое насилие наказывается сроком до 5 лет лишения свободы, в США – от нескольких месяцев до 3–5 лет лишения свободы в зависимости от степени тяжести причиненного вреда. Во Франции существует наказание для тех, кто стал свидетелем домашнего насилия над детьми и не сообщил об этом в правоохранительные органы. Таким образом, в зарубежных странах относятся к вопросу о защите жертв домашнего насилия более серьезно, чем это наблюдается в России. Необходимо учитывать опыт других

¹The World Bank. URL: <https://wbl.worldbank.org/en/past-reports>.

²Состояние преступности // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/folder/101762>.

³МВД сообщило о снижении числа преступлений с домашним насилием на 7% // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4342735>.

⁴Приговор Шилкинского районного суда Забайкальского края от 27 ноября 2020 г. по делу № 1–347/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: www.sudact.ru/regular/doc/Yps5uAn6sh1n/.

⁵Приговор Иркутского районного суда Иркутской области от 8 сентября 2011 г. по делу № 1–319/2010 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: www.sudact.ru/regular/doc/cJXE1tO8LIY0/.

⁶Приговор Советского районного суда города Казани Республики Татарстан от 3 июля 2020 г. по делу № 1–21/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: www.sudact.ru/regular/doc/hxExye7Ioy6K/.

государств, касающийся мер наказания в отношении преступников, применяющих домашнее насилие [14].

Помимо правового разрешения вопроса о внедрении нового состава преступления должны быть применены психологические механизмы с целью оказания помощи как жертвам, так и лицам, совершившим акт домашнего насилия, что позволит скорректировать мировоззрение указанных лиц [15]. Предполагается, что таким образом будет достигнута одна из основополагающих целей уголовного законодательства – предупреждение новых преступлений, реализующееся на трех уровнях: в отношении отдельно взятого лица, совершившего акт насилия в семье; специализированное устранение негативных факторов, оказывающих влияние на рассматриваемую форму преступности; общее предупреждение, ориентированное на восприятие обществом имеющейся проблемы в целом [16].

К настоящему времени федеральный закон «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» так и не принят. Как утверждают ученые, данный акт требует кардинального пересмотра в связи с множеством двусмысленных терминов и дефектами в их определении [17]. Вследствие этого в уголовном законодательстве существует значительный пробел, позволяющий преступникам совершать повторные эпизоды домашнего насилия, что привело к запросу в Конституционный суд Российской Федерации гражданки Л.С. В апреле 2021 г. Конституционный суд, рассмотрев жалобу, пришел к выводу о несоответствии статьи 116.1 УК РФ Конституции Российской Федерации, так как она «не обеспечивает соразмерную уголовно-правовую защиту права на личную неприкосновенность и на охрану достоинства личности от насилия»⁷.

Состав статьи 116.1 УК РФ представляет собой преступление небольшой тяжести, к которому, согласно статье 18 УК РФ, нельзя применить отягчающее обстоятельство в виде рецидива. Данный пробел влечет за собой меньшую ответственность за третий эпизод насилия: при первом эпизоде побоев в отношении членов семьи лицо будет подвергнуто административной ответственности, при втором – ответственности по статье 116.1 УК РФ, в свою очередь, третий эпизод вновь влечет административную ответственность. На основании этого можно говорить о существовании пробела, позволяющего преступникам оставаться безнаказанными. Судебная практика не всегда учитывает суть семейных конфликтов, а в качестве наказания выступает штраф, выплачиваемый из общего семейного бюджета [18].

Данные изменения не остались незамеченными как общественностью, так и Комитетом ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин. В деле № 41261/17 «Володина против России» 11 июня 2019 г. Комитет ООН признал, что «Россия нарушила целый ряд положений Конвенции о ликвидации всех форм

дискриминации в отношении женщин, так как не принимала надлежащих мер в борьбе с домашним насилием». При этом отмечено, что проведенная декриминализация побоев усугубила ситуацию, приводящую к безнаказанности лиц, применяющих насилие в семье.

Рассматривая контекст статьи 110 УК РФ, исследователи утверждают, что одной из наиболее распространенных причин доведения до самоубийства является непосредственно домашнее насилие на протяжении долгого периода времени: 10 % случаев самоубийств совершалось под различными угрозами (например, причинение вреда здоровью, распространение порочащих сведений, лишение родительских прав и др.), в большей степени связанными с вымогательством денежных средств и иных материальных ценностей [19].

Как показала судебная практика, жертвы из-за любви, привязанности или зависимости от обвиняемых не обращались в правоохранительные органы, считая, что подобные ситуации не будут повторяться. В свою очередь, рассматриваемые случаи доказывают обратное и подтверждают, что проблема домашнего насилия требует большего внимания со стороны законодательства, несмотря на существование множества вариантов помощи лицам, подверженным домашнему насилию. Со стороны законодательства нужно объяснить людям, что именно подразумевается под домашним насилием и какие меры защиты существуют. В свою очередь, в действующий УК РФ планируется внести изменения в связи с принятием Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 08.04.2021 № 11-П, но, на наш взгляд, этого недостаточно.

Предлагаем включить в уголовное законодательство новый состав преступления, объектом которого будет являться жизнь и здоровье человека, а объективная сторона будет выражена в виде целенаправленного действия. Субъект в предлагаемой статье будет специальным: лицо, находящееся в родственных отношениях с потерпевшим. Для наиболее точного определения состава преступления необходимо закрепить характерные особенности каждой из сторон: преступник демонстрирует яркое пренебрежение к интересам членов семьи и эгоизм, проявляющийся в виде желания подчинить поведение других лиц, а жертве свойственны неуверенность в себе, чувство беспомощности и склонность брать на себя ответственность за действия насильника [20]. Субъективная сторона выражена в прямом умысле, при котором важна непосредственно сама цель – обретение над потерпевшим власти и контроля.

Введение новой статьи поспособствует пониманию жертв домашнего насилия того, что действия, направленные на принижение их человеческого достоинства, уголовно наказуемы и влекут серьезные последствия в виде справедливого наказания, так как жизнь человека является основополагающим объектом, который охраняется уголовным законом России.

⁷Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2021 г. № 11-П «по делу о проверке конституционности статьи 116¹ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой» // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2021/04/20/postanovlenija-ks-v-svjazi-szaloboi-dok.html>.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Предлагается добавить в УК РФ отдельную статью, где в качестве отдельного состава преступления будет выделено домашнее насилие:

«Статья 116.2. Домашнее насилие

Домашнее насилие, то есть умышленное причинение вреда жизни и здоровью лицу, находящемуся в семейных, личных или бытовых отношениях, –

наказывается ограничением свободы на срок от двух до четырех лет, принудительными работами на срок от двух до трех лет либо лишением свободы до пяти лет.

2. То же деяние, совершенное:

а) в отношении двух и более лиц;

б) в отношении несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного;

в) в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, –

наказывается принудительными работами от трех до пяти лет, либо лишением свободы от пяти до семи лет.

3. Деяние, предусмотренное частью первой и второй, совершенное с применением насильственных действий сексуального характера или сопряженное с изнасилованием, –

наказывается лишением свободы от десяти до тридцати лет».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ворошилова С.В., Музыканина Ю.А. Декриминализация побоев: старые традиции и современные реалии // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 4. С. 15–22.
2. Акуленко В.А. Криминологический анализ понятия «домашнее насилие» // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 4. С. 64–66.
3. Ридевская К.И. О домашнем насилии // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2020. № 1. С. 43–45.
4. Саламова С.Я. Домашнее насилие в современной России: общая характеристика // Lex Russica (Русский закон). 2018. № 9. С. 129–138.
5. Левченко Е.В., Патрушев И.Е. Профилактика домашнего насилия // Вопросы российской юстиции. 2019. № 4. С. 355–361.
6. Федорова И.В., Клокова Д.С. Актуальные проблемы противодействия домашнему насилию в Российской Федерации и пути их преодоления (на примере зарубежных стран) // Вестник Московского университета МВД. 2021. № 1. С. 260–263.
7. Атагимова Э.И. Правовое регулирование противодействия семейно-бытовому насилию в России и за рубежом: сравнительный анализ // Мониторинг правоприменения. 2018. № 2. С. 49–53.
8. Булдыжова В.Н. Домашнее насилие как объект социологического исследования // E-Scio. 2021. № 2. С. 718–723.
9. Бадонов А.М. Домашнее насилие как инструмент власти в семье // Власть. 2017. Т. 25. № 2. С. 108–112.
10. Шикун И.Р., Романова Г.В., Калмыкова А.Д. Актуальные вопросы уголовно-правовой охраны лиц, находящихся в беспомощном состоянии, от семейно-

бытового насилия // Образование и право. 2020. № 3. С. 363–369.

11. Будникова А.Б. Декриминализация побоев: ожидания и результаты // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2017. № 3. С. 110–114.
12. Миронова А.А. Роль уголовного права в борьбе с такими социальными явлениями, как сексуальные домогательства, преследование (сталкинг) и домашнее насилие // Уральский журнал правовых исследований. 2020. № 1. С. 144–153.
13. Лаптева Л.Е. Домашнее насилие: сила традиции // Genesis: исторические исследования. 2017. № 9. С. 92–106.
14. Должникова Е.В., Савосина Н.В., Караваев Е.С. Особенности привлечения к административной ответственности за побои в семье // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 9. С. 117–120.
15. Волосова Н.Ю. Семейное (домашнее) насилие как проблема междисциплинарного характера // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 3А. С. 310–319.
16. Архипова М.В., Редькина Е.А. Предупреждение преступного насилия в семье // Вестник Российского университета кооперации. 2021. № 2. С. 114–117.
17. Шляпникова О.В., Чаусова С.А. О целесообразности принятия закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 5. С. 221–227.
18. Квашиш В.Е., Случевская Ю.А. Правовая защита семейных отношений (к законопроекту о семейно-бытовом насилии) // Научный портал МВД России. 2020. № 1. С. 30–34.
19. Кириленко В.С., Кузнецова И.Р. Домашнее насилие как причина доведения до самоубийства // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 10-2. С. 219–222.
20. Пахомова Я.А. Пока все дома: домашнее насилие в период пандемии COVID-19 // Вопросы российской юстиции. 2021. № 12. С. 373–384.

REFERENCES

1. Voroshilova S.V., Muzykankina Yu.A. Decriminalization of beatings: old traditions and modern realities. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*, 2019, no. 4, pp. 15–22.
2. Akulenko V.A. Criminological analysis of the concept of domestic violence. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2019, no. 4, pp. 64–66.
3. Ridevskaya K.I. Concerning domestic violence. *Aktualnye voprosy borby s prestupleniyami*, 2020, no. 1, pp. 43–45.
4. Salamova S.Ya. Domestic violence in modern Russia: general characteristics. *Lex Russica (Russkiy zakon)*, 2018, no. 9, pp. 129–138.
5. Levchenko E.V., Patrushev I.E. Prevention of domestic violence. *Voprosy rossiyskoy yustitsii*, 2019, no. 4, pp. 355–361.
6. Fedorova I.V., Klokova D.S. Current problems of countering domestic violence in the Russian Federation and ways to overcome them (on the example of foreign

- countries). *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD*, 2021, no. 1, pp. 260–263.
7. Atagimova E.I. Legal regulation of combating family and domestic violence in Russia and abroad: a comparative analysis. *Monitoring pravoprimereniya*, 2018, no. 2, pp. 49–53.
  8. Buldyzhova V.N. Domestic violence as an object of sociological research. *E-Scio*, 2021, no. 2, pp. 718–723.
  9. Badonov A.M. Domestic violence as an instrument of power in the family. *Vlast*, 2017, vol. 25, no. 2, pp. 108–112.
  10. Shikula I.R., Romanova G.V., Kalmykova A.D. Topical issues of criminal and legal protection of persons in a helpless state from family and domestic violence. *Obrazovanie i pravo*, 2020, no. 3, pp. 363–369.
  11. Budnikova A.B. Decriminalization of beatings: expectations and results. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2017, no. 3, pp. 110–114.
  12. Mironova A.A. The role of criminal law in combating social problems such as sexual harassment, stalking and domestic violence. *Uralskiy zhurnal pravovykh issledovaniy*, 2020, no. 1, pp. 144–153.
  13. Lapteva L.E. Domestic violence: power of tradition. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*, 2017, no. 9, pp. 92–106.
  14. Dolzhnikova E.V., Savosina N.V., Karavaev E.S. Features of bringing to administrative responsibility for beatings in the family. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 2020, no. 9, pp. 117–120.
  15. Volosova N.Yu. Family (domestic) violence as the problem of transdisciplinary character. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*, 2017, vol. 7, no. 3A, pp. 310–319.
  16. Arkhipova M.V., Redkina E.A. Prevention of criminal violence in the family. *Vestnik Rossiyskogo universiteta kooperatsii*, 2021, no. 2, pp. 114–117.
  17. Shlyapnikova O.V., Chausova S.A. About expediency of adoption of the law “On prevention of family and domestic violence in the Russian Federation”. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*, 2020, no. 5, pp. 221–227.
  18. Kvashis V.E., Sluchevskaya Yu.A. Legal protection of family relations (to draft of law on family violence). *Nauchnyy portal MVD Rossii*, 2020, no. 1, pp. 30–34.
  19. Kirilenko V.S., Kuznetsova I.R. Domestic violence as a cause of suicide. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava*, 2020, no. 10-2, pp. 219–222.
  20. Pakhomova Ya.A. While everyone is at home: domestic violence during the COVID-19 pandemic. *Voprosy rossiyskoy yustitsii*, 2021, no. 12, pp. 373–384.

THE PROBLEM OF DOMESTIC VIOLENCE IN THE CONTEXT OF ARTICLES 116 AND 116.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

© 2021

K.K. Novikova, student

D.D. Khmel'nitskaya, student

Far Eastern Federal University, Vladivostok (Russia)

Keywords: domestic violence; decriminalization of beatings; Article 116 of the RF Criminal Code; Article 116.1 of the RF Criminal Code; domestic abuse victim; willful injury to health.

Abstract: Currently, the problem of domestic violence is quite urgent due to the annually increasing number of victims. Besides the increased attention from the legislation to this issue, the public itself is anxious about the existing situation: victims of domestic violence are treated disrespectfully as they either excessively draw attention to the situation that has arisen, or they are blamed for a late appeal to the law enforcement authorities. The paper defines the concept of domestic violence, specifies character traits of a person committing domestic violence as well as of a potential victim. Based on the analysis of litigation practice, the authors conclude on the absence of a unified approach to the definition of crime and the existence of gaps when punishing the third episode of a committed socially dangerous act. The analysis of data of the World Bank annual research “Women, Business and the Law” and the RF Ministry of Internal Affairs on domestic violence in the Russian Federation confirmed the existence of an acute problem, which remains unsolved on the legislative level for the rather long period. Within the current research, the authors propose introducing a new domestic violence body of evidence to the RF Criminal Code, whereby domestic violence should be considered willful damage for the life and health of a person being in the family, personal, or household relations. Specified innovations will allow significantly facilitating the work of law enforcement authorities and courts when classifying the acts and imposing a just punishment through the introduction of classified types of domestic violence when implementing the protection of rights of victims.

МЕСТО И РОЛЬ ЛИЦА, ЗАКЛЮЧИВШЕГО ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ, В СИСТЕМЕ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

© 2021

А.В. Орлов, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право и процесс»
Самарский филиал Московского городского педагогического университета, Самара (Россия)

К.П. Федякин, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Конституционное и административное право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: уголовный процесс; участники уголовного судопроизводства; обвиняемый; подозреваемый, лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве; уголовно-процессуальный статус участника судопроизводства; лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве; ст. 56.1 УПК РФ.

Аннотация: Проблемы определения процессуального статуса лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, в настоящее время представляют не только научный, но и практический интерес. Противоречивость в урегулировании целого ряда процессуальных аспектов (начиная с определения места и роли рассматриваемого участника в уголовном судопроизводстве и заканчивая возможностью использования полученных от него сведений в доказывании) фактически сводит на нет возможность активного участия данного субъекта в рассмотрении уголовных дел. В статье предпринята попытка проанализировать наиболее острые проблемы определения процессуального статуса названного субъекта уголовного судопроизводства, чтобы определить возможные направления для совершенствования уголовно-процессуального закона. Для достижения поставленных целей авторами не только проанализированы положения действующего уголовно-процессуального законодательства, но и рассмотрены наиболее интересные предложения ученых-процессуалистов и практических работников по совершенствованию законодательных формулировок, описывающих статус лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве. Отдельно рассмотрена история появления данного субъекта в современном отечественном уголовном процессе, показана противоречивость этой фигуры в современной конфигурации состязательного уголовного судопроизводства. Авторы предлагают внести изменения в тексты статей 5, 74 УПК РФ, а также поднимают вопрос о необходимости переноса статьи 56.1 УПК РФ в другую главу Кодекса. В противном случае, по мнению авторов, участие лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве, в уголовном судопроизводстве будет все так же вызывать нарекания практиков и подвергаться справедливой критике ученых-процессуалистов.

ВВЕДЕНИЕ

Правовые институты состязательного уголовного процесса, характерные для государств англо-саксонской правовой системы, постепенно занимают свое место в системе российского уголовного судопроизводства. Одним из последних таких институтов является институт досудебного соглашения о сотрудничестве, который в настоящее время активно развивается отечественным законодателем. В связи с этим в 2018 году в тексте Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) появился новый, ранее неизвестный уголовно-процессуальной науке участник – лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве.

Определению особенностей и совершенствованию формы уголовного судопроизводства посвящено немало работ. Так, профессор М.Л. Якуб еще 40 лет назад предлагал оптимизировать процесс расследования уголовных дел и в рамках досудебного производства уделять особое внимание лицам, активно сотрудничающим со следствием [1]. Впоследствии развитие данной правовой мысли нашло отражение в многочисленных работах теоретиков уголовного процесса [2–4]. Вместе с тем ученых и практиков всегда волновали вопросы повышения эффективности и удобства существующих уголовно-процессуальных форм и обеспечение незыблемости принципа состязательности. Данное основопо-

лагающее начало должно обеспечиваться верной расстановкой участников процесса по его сторонам [5–7] и способствовать установлению необходимой объективной истины по уголовным делам [8].

Введение в текст действующего УПК РФ процедуры заключения досудебного соглашения о сотрудничестве стало еще одним шагом на пути внедрения в отечественное уголовное судопроизводство институтов истинно состязательного процесса, в котором договорные начала (например, сделки о признании вины и т.п.) играют особую роль.

Однако обыкновенное заимствование и перенесение столь нехарактерных для российского смешанного уголовного судопроизводства механизмов и процедур (как сочетание заведомо несочетаемого) не может пройти безболезненно и гладко. Одной из таких «болевых» точек стал вопрос об определении процессуального статуса лица, которое заключило досудебное соглашение о сотрудничестве, в связи с чем уголовное дело в отношении него было выделено в отдельное производство. Данная проблематика вызвала неподдельный интерес у ученых-процессуалистов, которые предлагали оптимизировать и конкретизировать круг прав и обязанностей, предоставляемых заключившему соглашение лицу, и даже поспешили наделять рассматриваемого участника уголовного процесса «исключительным статусом», усилив его процессуальные гарантии [9–11].

Однако озвученные в науке уголовного процесса мысли и предложения до настоящего времени так и не

были восприняты законодателем, что требует проведения системного анализа сложившейся ситуации для дальнейшего совершенствования текста УПК РФ. Недоучет целого ряда факторов, допущенный законодателем, привел, как нам представляется, к неверному определению процессуальной функции рассматриваемого участника процесса и, как следствие, к ошибочному помещению его в число иных участников уголовного судопроизводства.

Изначально вопросам процессуального статуса лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве, уделялось большое внимание в рамках исследования темы о согласительных процедурах в уголовном процессе [12–14]. Некоторые ученые даже предложили пересмотреть текущую расстановку участников уголовного судопроизводства исходя именно из особенностей и значимости согласительных процедур [12]. Исторические подробности формирования процессуального статуса интересующего нас участника достаточно детально рассмотрены [15–17]. При этом даже была предложена, на наш взгляд, весьма удачная его модель [16].

Однако особую роль в сложившемся положении вещей сыграло именно Постановление Конституционного суда РФ от 20.07.2016 № 17-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко», которое возложило на законодателя обязанность устранить ряд выявленных в ходе рассмотрения жалобы недостатков действующего процессуального законодательства, в том числе в вопросе определения правового положения лица, заключившего досудебное соглашение.

Во исполнение обозначенных и, на наш взгляд, вполне обоснованных требований Конституционного суда РФ был принят Федеральный закон от 30.10.2018 № 376-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», который включил в текст УПК РФ ряд новых статей (56.1, 281.1 и др.), призванных навести порядок и окончательно устранить неопределенность и противоречивость процессуального положения названного выше участника уголовного судопроизводства. К сожалению, признать данную попытку удачной, по нашему глубокому убеждению, невозможно. Ограниченный объем научной статьи не позволяет подробно остановиться на всех проблемных вопросах, поэтому сосредоточимся на ключевых аспектах.

Цель исследования – проведение комплексного анализа норм действующего законодательства о процессуальном статусе лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, для правильного определения его места в системе участников уголовного судопроизводства и устранения имеющихся сложностей в осуществлении им своих процессуальных прав и обязанностей.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для проведения исследования авторы подвергли системному анализу нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие статус лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, на предмет их соответствия другим процессуальным положениям. Отдельно были изучены мнения процес-

суалистов, посвятивших свои труды смежной тематике, в результате чего получены обобщенные выводы и сформулированы предложения по изменению действующего УПК РФ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Необходимость оптимизации процессуальных терминов

По нашему глубокому убеждению, сам термин «лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве» длиной почти в две строки не только создает существенное неудобство в его использовании, но и является достаточно серьезным недостатком юридической техники, непозволительным для УПК РФ. Согласимся с теми учеными, которые считают данное наименование «чрезвычайно длинным с точки зрения языкового содержания, лексически и синтаксически перегруженным» [18, с. 216].

В качестве возможной альтернативы можно предложить указать в тексте закона на сокращенное название рассматриваемого субъекта. Например, «лицо, заключившее досудебное соглашение» или «лицо, оказывающее содействие по досудебному соглашению». Позволим себе использовать первый из предложенных терминов в качестве краткого обозначения интересующего нас участника в рамках данной статьи.

Кроме того, внутри обозначенной проблемы с громоздким и неудобным наименованием данного участника уголовного судопроизводства законодатель допустил еще одно отступление от им же самим избранных правил законодательной техники. Речь идет о том, что важнейшие уголовно-процессуальные понятия (в том числе определения большинства основных участников уголовного судопроизводства) помещены в ст. 5 УПК РФ в алфавитном порядке для удобства пользователя. Такой подход представляется вполне логичным и обоснованным. В случае же с интересующим нас «лицом, заключившим досудебное соглашение» полное наименование рассматриваемого участника судопроизводства с кратким разъяснением его статуса зачем-то помещено в ч. 1 ст. 56.1 УПК РФ. На наш взгляд, целесообразнее было бы дополнить статью 5 УПК РФ пунктом 14.2, в котором бы и следовало поместить определение из ч. 1 ст. 56.1 УПК РФ.

Ошибочность определения места лица, заключившего досудебное соглашение, в системе участников уголовного судопроизводства

При законодательном закреплении статуса лица, заключившего досудебное соглашение, статья 56.1 УПК РФ была помещена в главу 8, посвященную иным участникам уголовного судопроизводства. Тем самым законодатель, как нам представляется, пытался указать на необходимость рассматривать названных лиц в качестве неких «особых свидетелей», которые выполняют лишь вспомогательную функцию в рамках уголовного судопроизводства. На наш взгляд, признать правоту подобного решения нельзя как минимум в силу следующих причин.

Во-первых, уголовное судопроизводство строится на принципах четкого разграничения процессуальных функций (ст. 15 УПК РФ), выполняемых конкретными участниками процесса, и невозможности их совмещения. Именно такой подход многократно озвучивался как Конституционным судом РФ (в принимаемых им постановлениях и определениях), так и самим законодателем, который за основу классификации участников уголовного судопроизводства взял именно признак выполняемой процессуальной функции. Нарушение же принципиальных положений уголовного судопроизводства всегда являлось безусловным основанием для признания такой деятельности противоречащей закону.

В свете изложенного, ключевым становится вопрос: насколько заключение досудебного соглашения о сотрудничестве может изменить такую «базовую» для определения процессуального статуса участника величину, как выполняемая им процессуальная функция?

Представляется, что «лишить» обвиняемого процессуального интереса, присущего участнику уголовного судопроизводства со стороны защиты, формальным заключением с ним соглашения нельзя. Обвиняемый, который решил сотрудничать, все равно остается обвиняемым, пусть и заинтересованным в выполнении взятых на себя обязательств по соглашению. И тот факт, что при нарушении условий заключенного с органами расследования «договора» обвиняемый может лишиться всех обещанных ему послаблений и применения оснований для смягчения ответственности, никоим образом не может отменить его заинтересованность в исходе дела. Позволим себе напомнить, что для иных участников уголовного судопроизводства наличие такого «интереса» просто недопустимо.

Во-вторых, по сути единственной процессуальной гарантией того, что обыкновенный свидетель будет давать правдивые показания, является обязательность предупреждения его об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний или за отказ от дачи показаний по соответствующим статьям уголовного закона. Без этого положения представить себе статус свидетеля невозможно. В нашем же случае «особый свидетель», который заключил досудебное соглашение, в силу прямого указания закона не предупреждается об уголовной ответственности. Ему лишь разъясняют последствия неисполнения взятых на себя обязательств, что, безусловно, тоже является своеобразной гарантией, однако не исключает заинтересованности, о которой мы говорили выше.

В результате, как нам представляется, невозможность привлечения к ответственности за лжесвидетельство или за отказ от дачи показаний ставит крест на самой возможности наделить лицо, заключившее досудебное соглашение, статусом свидетеля, пусть даже «особого», и исключает возможность отнесения рассматриваемого участника к числу «иных участников уголовного судопроизводства». Нейтральность является необходимым свойством любого субъекта из числа «иных» участников уголовного процесса, а невозможность ее обеспечения (в том числе с помощью различных механизмов ответственности) однозначно указывает на принадлежность либо к стороне обвинения, либо к участникам со стороны защиты. В нашей же ситуации наличие ярко выраженного процессуального интереса

у лица, хотя бы даже и заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, отрицать бессмысленно.

Таким образом, убеждены, что лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве, «заблудилось» в тексте УПК РФ и оказалось не в той главе, в которой должно находиться исходя из установленного в законе статуса и, безусловно, имеющегося у него процессуального интереса. Называть же рассматриваемого участника процесса «особым свидетелем» или, как предлагают отдельные авторы, участником с особым «двуединным» статусом [19], а равно выделять его в отдельную самостоятельную группу (что, к слову, не предусмотрено в уголовно-процессуальном законе) в корне неверно.

Наличие проблем согласованности института досудебного соглашения и других важнейших институтов уголовного процесса

Серьезным упущением в определении статуса лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, являются также отдельные недоработки законодателя в вопросах связи норм института досудебного соглашения и ряда других важных институтов.

Например, предусмотрев саму возможность допроса лица, заключившего досудебное соглашение, законодатель «забыл» внести изменения в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, предусматривающую исчерпывающий перечень видов доказательств. С учетом специфики показаний, которые может давать лицо, заключившее досудебное соглашение (начиная с наличия интереса и заканчивая отсутствием уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за лжесвидетельство), эти сведения не могут считаться ни показаниями обвиняемого (подозреваемого), ни показаниями свидетеля. В результате при буквальном толковании закона показания рассматриваемого «особого свидетеля» должны признаваться недопустимыми доказательствами, так как придать им надлежащую процессуальную форму в рамках действующего законодательства не представляется возможным. Возможным выходом из этой ситуации было бы внесение соответствующих изменений в текст ч. 2 ст. 74 УПК РФ, согласно которым показания лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, рассматривались бы как самостоятельный вид доказательств.

Другой пример – вопросы избрания меры пресечения в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве. Исходя из сути его процессуального статуса, идея о возможности избрания меры пресечения в отношении «обвиняемого-свидетеля» выглядит вполне уместной. В статье 56.1 УПК РФ речь идет исключительно об обязанности являться по вызову лиц, ведущих расследование. Действительно, применять меры пресечения к «иным» участникам уголовного судопроизводства недопустимо. Но не является ли это лишним подтверждением того, что лицу, заключившему досудебное соглашение о сотрудничестве, не место в главе 8 УПК РФ?

Внутренние противоречия, вытекающие из законодательного определения статуса лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве

Отдельного упоминания заслуживает также непоследовательность законодателя в регламентации содержания тех нарушений, которые могут повлечь за

собой расторжение соглашения о сотрудничестве по инициативе прокурора.

Если подвергнуть текст УПК РФ в интересующем нас вопросе системному анализу, то можно сделать вывод, что основными вариантами «невыполнения обязательств» по соглашению со стороны заключившего его лица являются либо его «отказ от дачи показаний», либо «умышленное сообщение ложных сведений или умышленное сокрытие каких-либо существенных сведений». При этом, например, в ч. 3 ст. 56.1 УПК РФ говорится только об отказе от дачи показаний, а в ч. 2 ст. 281.1 УПК РФ – только о сообщении ложных сведений или их сокрытии.

На наш взгляд, условия, при которых можно считать досудебное соглашение невыполненным, должны быть одинаковыми во всех статьях, посвященных данному правовому институту. В связи с этим считаем необходимым внести соответствующие изменения в названные статьи УПК РФ.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В свете вышеизложенного, само законодательное обозначение лица, «в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве», представляет собой загроможденную не несущими особой смысловой нагрузки речевыми оборотами конструкцию, использование которой представляет огромное неудобство. Приведенные в статье варианты «сокращенного» обозначения для этого участника уголовного судопроизводства, как нам представляется, должны быть сформулированы законодателем и внесены в текст УПК РФ.

В качестве самостоятельного тезиса для обсуждения приведем довод о том, что считать лицо, заключившее досудебное соглашение, относящимся к группе иных участников уголовного судопроизводства (на что указывает помещение ст. 56.1 в главу 8 УПК РФ), на наш взгляд, ошибочно. Даже расположение этой статьи в главе Кодекса, посвященной участникам со стороны защиты (которое, на наш взгляд, тоже не идеально), представляется более отвечающим принципам уголовного процесса. Нельзя забывать и о необходимости более точной интеграции рассматриваемого участника в судопроизводство. Без этого, к сожалению, соблюсти требования уголовно-процессуальной формы при производстве по делу будет невозможно.

Полагаем, что следует согласиться с мнением тех авторов, которые считают необходимым дальнейшее совершенствование уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего процессуальный статус лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве [20]. Особенно ярко проблемы правоприменения затронуты в публикациях А. Михайловского¹ и К. Кравченко². По сути, деформация процессуального статуса

рассматриваемого участника уголовного судопроизводства может повлечь крайне негативные явления, вплоть до нарушения конституционных прав граждан.

Дополнительно отметим, что в проведенном исследовании затронут далеко не полный перечень проблемных вопросов, связанных с определением места и основ правового статуса лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, и требующих незамедлительного вмешательства законодателя. Сам факт внимания к проблемам процессуального положения рассматриваемого участника уголовного процесса со стороны как ученого сообщества, так и практиков, внушает сдержанный оптимизм и позволяет надеяться на совершенствование законодательной регламентации этих вопросов в ближайшем будущем.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

В качестве наиболее важных результатов исследования представляется необходимым выделить следующие.

1. Часть 1 ст. 5 УПК РФ необходимо дополнить пунктом 14.2 в следующей редакции:

«14.2) лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве (лицо, заключившее досудебное соглашение), – участник уголовного судопроизводства, привлекаемый к участию в процессуальных действиях по уголовному делу в отношении соучастников преступления».

2. В ч. 2 ст. 74 УПК РФ необходимо внести пункт 2.1 следующего содержания:

«2.1) показания лица, заключившего досудебное соглашение».

Отдельно укажем на необходимость введения в текст главы 10 УПК РФ статьи, раскрывающей особенности названного вида доказательств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Якуб М.Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М.: Юридическая литература, 1981. 144 с.
2. Доля Е.А. Уголовно-процессуальная форма и содержание уголовно-процессуальной деятельности // Законность. 2009. № 10. С. 3–8.
3. Селина Е.В. Дифференциация и унификация форм уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2015. № 6. С. 31–34.
4. Россинский С.Б. Уголовно-процессуальная форма: сущность, проблемы, тенденции и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 9. С. 67–79.
5. Корнакова С.В. Состязательность – условие равноправия сторон в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2009. № 1. С. 92–97.
6. Жамборов М.С. Конституционный принцип состязательности как способ аргументированного обоснования правовой позиции сторон в Российском

¹Михайловский А. Сделка без гарантий: проблемы досудебных соглашений // Право.ru: законодательство, судебная система. Новости и аналитика. Все о юридическом рынке. URL: <https://pravo.ru/story/215629/>.

²Кравченко К. Процессуальный статус лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве. В чем ошибка

КС? // Zakon.Ru. URL: https://zakon.ru/blog/2018/10/17/processualnyj_status_lica_zaklyuchivshogo_dosudebnoe_soglasenie_o_sotrudnichestve_v_chem_oshibsya.

- судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 4. С. 424–432.
7. Смолькова И.В., Бусыгин А.Ю. Принцип состязательности в российском уголовном судопроизводстве // Черные дыры в Российском законодательстве. 2009. № 4. 115–117.
  8. Васильева Т.Ю. Состязательность как способ установления объективной истины // Российский судья. 2016. № 3. С. 61–64.
  9. Асалханов Т.Ю. Преимущества, предоставляемые лицу, заключившему досудебное соглашение о сотрудничестве // Закон и право. 2018. № 3. С. 161–163.
  10. Табаков С.А. Особенности процессуального статуса лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве // Законодательство и практика. 2020. № 1. С. 9–13.
  11. Статюк Д.Н. Актуальные проблемы определения правового статуса лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 3. С. 153–156.
  12. Абшилава Г.В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2012. 228 с.
  13. Качалова О.В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2016. 241 с.
  14. Пиюк А.В. Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в Российской Федерации: типологический аспект : дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2017. 237 с.
  15. Гусева Н.Н. Вопросы регламентации правового положения лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 4. С. 138–142.
  16. Багаутдинов К.Ф. Досудебное соглашение о сотрудничестве: актуальные проблемы оптимизации механизма реализации и совершенствования процессуального статуса его участников : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2020. 224 с.
  17. Корбашев В.Е., Волков А.А. Досудебное соглашение о сотрудничестве: актуальные проблемы и пути их решения // Вестник Екатеринбургского института. 2021. № 1. С. 139–144.
  18. Латыпов В.С. Новелла процессуального законодательства, или новый этап развития института содействия правосудию // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. № 2. С. 213–218.
  19. Азаренок Н.В. Место и роль лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве // Российский следователь. 2019. № 8. С. 11–14.
  20. Пиюк А.В. О процессуальном статусе лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве // Уголовная юстиция. 2015. № 1. С. 56–59.
  2. Dolya E.A. Form of criminal action and substance of criminal procedural activities. *Zakonnost*, 2009, no. 10, pp. 3–8.
  3. Selina E.V. Differentiation and unification of the forms of criminal proceedings. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2015, no. 6, pp. 31–34.
  4. Rossinskiy S.B. A criminal-procedural form: essence, problems, trends and prospects of development. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2020, vol. 15, no. 9, pp. 67–79.
  5. Kornakova S.V. A criminal-procedural form: essence, problems, trends and prospects of development. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*, 2009, no. 1, pp. 92–97.
  6. Zhamborov M.S. The constitutional principle of competition as a method of reasoned justification of the legal position of the parties in Russian legal proceedings. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2013, no. 4, pp. 424–432.
  7. Smolkova I.V., Busygin A.Yu. Principle competitive in Russian criminal legal procedure. *Chernye dyry v Rossiyskom zakonodatel'stve*, 2009, no. 4, pp. 115–117.
  8. Vasileva T.Yu. Competitiveness as a way of the objective truth establishment. *Rossiyskiy sudya*, 2016, no. 3, pp. 61–64.
  9. Asalkhanov T.Yu. Advantages provided to a person who has concluded a pre-trial cooperation agreement. *Zakon i pravo*, 2018, no. 3, pp. 161–163.
  10. Tabakov S.A. Peculiarities of the procedural status of a person who made a pre-trial agreement on cooperation. *Zakonodatel'stvo i praktika*, 2020, no. 1, pp. 9–13.
  11. Statyuk D.N. Actual problems of determining the legal status of a person with whom a pre-trial cooperation agreement has been concluded. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2019, no. 3, pp. 153–156.
  12. Abshilava G.V. *Soglasitelnye protsedury v уголовном судопроизводстве* [Conciliation procedures in criminal proceedings]. Moscow, YurLitinform Publ., 2012. 228 p.
  13. Kachalova O.V. *Uskorennoe proizvodstvo v rossiyskom уголовном protsesse* [Accelerated production in the Russian criminal process]. Moscow, YurLitinform Publ., 2016. 241 p.
  14. Piyuk A.V. *Teoreticheskie osnovy uproshcheniya form razresheniya уголовnykh del sudom v Rossiyskoy Federatsii: tipologicheskiy aspekt* [Theoretical bases of simplification of forms of resolution of criminal cases by the court in the Russian Federation: typological aspect]. Diss. dokt. yurid. nauk. Tomsk, 2017. 237 p.
  15. Guseva N.N. Questions of regulation of the legal status of the person who has concluded a pre-trial agreement on cooperation. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2017, no. 4, pp. 138–142.
  16. Bagautdinov K.F. *Dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve: aktualnye problemy optimizatsii mekhanizma realizatsii i sovershenstvovaniya protsessualnogo statusa ego uchastnikov* [Pre-trial cooperation agreement: actual problems of optimization of the mechanism of implementation and improvement of the procedural status of its participants]. Diss. kand. yurid. nauk. Nizhniy Novgorod, 2020. 224 p.
  17. Korbashov V.E., Volkov A.A. Pre-trial cooperation agreement: current problems and ways to solve them.

PREFERENCES

1. Yakub M.L. *Protsessual'naya forma v sovetskom уголовном sudoproizvodstve* [Procedural form in Soviet criminal proceedings]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1981. 144 p.

- Vestnik Ekaterininskogo instituta*, 2021, no. 1, pp. 139–144.
18. Latypov V.S. Innovation of procedural legislation, or new stage of development of assistance to justice. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2019, no. 2, pp. 213–218.
19. Azarenok N.V. The place and role of a person in whose respect a criminal case is severed in view of the conclusion of a pre-trial cooperation agreement. *Rossiyskiy sledovatel*, 2019, no. 8, pp. 11–14.
20. Piyuk A.V. On the procedural status of persons who have entered into a pre-trial cooperation agreement with the investigation. *Ugolovnaya yustitsiya*, 2015, no. 1, pp. 56–59.

THE PLACE AND THE ROLE OF A PERSON WHO CONCLUDED A PRE-TRIAL AGREEMENT IN THE SYSTEM OF THE PARTIES TO THE CRIMINAL PROCEEDINGS

© 2021

A.V. Orlov, PhD (Law), Associate Professor, assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”
Samara branch of Moscow City Teacher Training University, Samara (Russia)

K.P. Fedyakin, PhD (Law), assistant professor of Chair “Constitutional and Administrative Law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: criminal proceedings; parties to the criminal proceedings; accused person; a suspect, a person in respect of which a criminal case is separated due to the conclusion of a pre-trial cooperation agreement; criminal procedure status of a participant in the criminal proceedings; a person who concluded a pre-trial cooperation agreement; Article 56.1 of the RF Criminal Code.

Abstract: The issues of specifying the procedural status of a person who concluded a pre-trial cooperation agreement are currently of research and practical interest. The divergence in settling some procedural aspects (starting with identifying the place and the role of the considered participant in the criminal proceedings and finishing with the feasibility of using the received information in evidence) brings to nothing the possibility of active participation of this person in the criminal case consideration. The authors attempt to analyze the most acute problems of determining the procedural status of the named subject of criminal proceedings to identify possible directions to improve criminal procedure law. To achieve target goals, the authors both analyzed the provisions of current criminal procedure legislation and considered the most interesting suggestions of scientists-processualists and practitioners on the improvement of legislative formulations describing the status of a person concluded a pre-trial cooperation agreement. Apart from this, the authors considered the history of the origin of this subject in the current national criminal procedure, showed the inconsistency of this figure in the current configuration of competitive criminal procedure. The authors propose introducing amendments to the texts of Articles 5, 74 of the RF Code of Criminal Procedure and discuss the necessity of moving Article 56.1 of the RF Code of Criminal Procedure to another chapter of the Code. Otherwise, according to the authors' opinion, the participation of persons who concluded a pre-trial cooperation agreement in the criminal procedure will still rouse the censure of practitioners and face just criticism of the scientists-processualists.

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ТРАНСПОРТНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ XVI–XIX ВВ.

© 2021

А.Н. Сквозников, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и история государства и права»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: транспортные правонарушения; субъективная сторона правонарушения; вина; умысел; неосторожность; невиновное причинение вреда.

Аннотация: Постоянная потребность исследователей в углубленном изучении проблем вины и ответственности определяется не только задачами совершенствования законодательства и правоприменительной практики, но и изменчивостью представлений людей об основаниях, пределах, формах и целях ответственности лица, представлений, отражающих реальный процесс исторического развития общественных отношений и практики их правового регулирования. Автор использовал методы историко-правового и сравнительно-правового анализа. Исследована деятельность законодателя по разграничению умысла и неосторожности как двух форм вины при совершении транспортных правонарушений, а также отграничение виновного причинения вреда от казуса. Автор пришел к выводу о том, что в источниках российского права XVI–XIX вв. законодатель значительное место уделяет внутреннему (субъективному) отношению лица к совершенному правонарушению и его последствиям, в том числе к правонарушениям в сфере транспортных отношений. Выявление и учет таких признаков субъективной стороны деяния, как вина, мотив и цель, существенно влиял на квалификацию деяния и назначение наказания либо приводил к освобождению от ответственности ввиду отсутствия субъективной стороны правонарушения (вины) как одного из элементов состава правонарушения. Показано, каким образом законодатель учитывал влияние субъективного отношения лица к совершенному деянию при установлении юридической ответственности. Проведенное исследование свидетельствует о том, что комплексное понимание вины как целостной характеристики противоправного деяния, охватывающей связь сознания и воли субъекта не только с объективными свойствами собственного деяния, но и с его общественной оценкой, начало складываться в российском праве еще в XVII в.

ВВЕДЕНИЕ

Разграничение противоправного и правомерного поведения является фундаментальной проблемой юридической науки, разрешение которой предопределяет формирование содержания всего нормативного материала действующего законодательства. Исследование вопросов ответственности лица, управляющего транспортным средством (средством передвижения), представляет интерес в теоретическом и прикладном значении. Правовые средства играют важную роль в обеспечении безопасности при эксплуатации транспорта в первую очередь в отношении участников дорожного движения.

Одним из ключевых аспектов исследуемой проблемы является вопрос определения формы вины в транспортных правонарушениях. От грамотного установления формы вины в конкретном преступном деянии зависит его квалификация и назначение виновному в совершении данного деяния справедливого наказания. Правильное определение формы вины в транспортных правонарушениях позволяет отграничить преступления небольшой и средней тяжести от тяжких преступлений либо в некоторых случаях освободить лицо от ответственности при невиновном причинении вреда.

Известно, что на раннем этапе развития государства и права под противоправным деянием понималась обида, вред, причиненный одним индивидом другому, независимо от внутреннего отношения правонарушителя к содеянному. В законодательстве и судебной практике долгое время господствовало объективное вменение, объективная ответственность. При установлении виновности преимущественно обращали внимание на внешнюю (объективную) сторону правонарушения [1].

Выдающийся итальянский криминолог Э. Ферри отмечал, что на примитивной стадии развития человечества главным условием привлечения к ответственности и назначения наказания является польза общества и необходимость его самосохранения. Поэтому вина преступника как проявление его нравственной порочности зачастую игнорируется [2]. В связи с этим умышленное, неосторожное и даже случайное причинение смерти или вреда здоровью зачастую смешивались между собой. Известный советский исследователь Б.С. Утевский, в свою очередь, отмечал, что в истории права вопрос о внутреннем отношении деятеля к своему деянию в течение долгого времени не интересовал ни законодателя, ни судью. Основанием ответственности являлось противоправное деяние и его последствия [3]. Другой видный российский исследователь права Ю.А. Денисов писал о том, что сначала из понятия правонарушения исключаются действия стихии, животных и случай. Значительно позже выделяется такая форма субъективного отношения к содеянному, как неосторожность [4].

С развитием представления о противоправном деянии как о нарушении норм, установленных государством, стали обращать внимание и на внутреннюю (субъективную) сторону правонарушения. Противоправное деяние начинают рассматривать с учетом субъективной связи правонарушителя с вредоносным результатом. Сначала в римском праве, значительно позже в праве других государств появляется и развивается требование закона о наличии умысла или неосторожности в действиях правонарушителя. В результате рецепции римского права в европейском праве также стали выделять две формы вины. Умышленное деяние в источниках европейского права обозначалось такими понятиями, как

«вражда» и «коварство», а неосторожность именовалось словом «небрежность» («небрежение»).

В дальнейшем во многом под влиянием христианского учения и канонического права законодатель начинает обращать больше внимания не только на вред, причиненный деянием (внешнюю сторону), но и на проявление воли правонарушителя (внутреннюю сторону).

Постепенный отказ от объективного вменения имел в целом прогрессивное значение. Становится невозможным привлекать к ответственности лиц, в действиях которых не было ни умысла, ни неосторожности, а также невменяемых лиц.

Среди ученых нет единого мнения по вопросу о времени возникновения и законодательного закрепления норм ответственности за транспортные правонарушения. Одни авторы полагают, что говорить о транспортных правонарушениях уместно только с момента возникновения механических транспортных средств [5–7]. Другие трактуют понятие «транспорт» более широко и вполне справедливо полагают, что к понятию транспортное средство следует относить гужевой транспорт и некоторые виды водного транспорта, которые использовались в России повсеместно до появления механических транспортных средств [8–10].

Особого внимания заслуживают работы, в которых исследуется процесс становления и развития института ответственности за транспортные правонарушения в источниках российского права XVI–XVII вв. [11]. Некоторым исследователям частично удалось выявить истоки норм о транспортных правонарушениях и сделать вывод об исторической обусловленности развития российского уголовного законодательства в сфере безопасности дорожного движения [12–14]. Вместе с тем в исследованиях по истории российского законодательства достаточно поверхностно освещена проблема субъективной стороны транспортных правонарушений. В частности, более детального изучения заслуживает вопрос о пределах юридической ответственности в зависимости от наличия определенных признаков субъективной стороны деяния.

Следует отметить, что анализ нормативного материала, проведенный автором, показывает, что истоки данных норм существовали в источниках российского права XVI–XVIII вв.

Цель работы – изучение исторического развития процесса законодательного разграничения противоправных деяний в сфере транспортных отношений, совершенных виновно, т. е. умышленно или по неосторожности, и деяний, формально содержащих признаки правонарушения, но представляющих собой казусы, т. е. субъективно-случайное (невиновное) причинение вреда владельцем транспортного средства (источником повышенной опасности).

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалами (эмпирической основой) настоящего исследования послужило российское законодательство XVI–XIX вв. Были применены историко-правовой и сравнительно-правовой научные методы.

Исследование проходило в несколько этапов:

1) выявление соотношения объективного и субъективного при совершении преступного деяния в русском праве XVI–XIX вв.;

2) определение основных признаков, при наличии которых известное деяние считалось преступным в российском законодательстве XVI–XIX вв.;

3) установление существенных признаков понятия «транспортное правонарушение» и выявление в памятниках права тех деяний, которые с учетом исторических условий изучаемой эпохи могут быть отнесены к правонарушениям в сфере транспортных отношений;

4) выявление тех действий лица, которые в правоприменительной практике изучаемого периода могли квалифицироваться как управление транспортным средством противоправным способом;

5) изучение эволюции взглядов законодателя на понимание сущности форм вины в преступном деянии и на невиновное причинение вреда, выявление прототипов данных институтов уголовного права в памятниках российского права.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Прототипы норм ответственности за транспортные правонарушения

В истории мирового законодательства прототипом нормы ответственности лица, управляющего транспортным средством (судном), можно считать содержание статьи 237 свода законов царя Вавилона Хаммурапи, в соответствии с которой лицо, управляющее судном («корабельщик»), обязано возместить убытки в том случае, если по его вине (небрежности) произойдет затопление судна и гибель груза¹. Следует отметить, что ответственность за неосторожную форму вины (небрежность) лица, управляющего судном (кормчего) получила законодательное закрепление в Кормчей книге – памятнике российского права середины XVII в.²

В российском праве первые нормы, регламентирующие отношения в сфере транспорта, в частности морского судоходства, мы встречаем в русско-византийском договоре 911 года. Там была закреплена норма, в соответствии с которой русские и византийские подданные должны были взаимно оказывать помощь экипажу судна в случае чрезвычайной ситуации на море (шторм, посадка судна на мель)³.

В XV веке в Московском государстве при Иване III появляются правила пользования почтовыми трактами – местами остановки курьеров для смены транспорта – лошадей⁴.

¹Законы Хаммурапи, царя Вавилона // Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / сост. В.Н. Сади-ков. М.: Гардарики, 1996. С. 9–25.

²Глава 86. Закон градский // Кормчая Книга (напечатана с оригинала патриарха Иосифа 1650 г.). С. 1099. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/books/original/13713/nomokanon1650.pdf>.

³Памятники российского права в 35 т. Т. 1. Памятники права Древней Руси / под общ. ред. П.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2013. 526 с.

⁴Калайдович К., Строев П. Законы великого князя Иоанна Васильевича и Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича, с дополнительными указами. М.: В типографии Семена Селивановского, 1819. 152 с.

В XVI–XVII вв. в российском законодательстве постепенно появляются нормы, регулирующие порядок движения по дорогам, а также ответственность за ненадлежащее содержание путей сообщения (дорог и переездов). В частности, в статье 223 Судебника 1589 года была установлена обязанность населения некоторых волостей и деревень обеспечивать содержание дороги от Москвы до Холмогор. Дорогу необходимо было чистить, устраивать перевозки через реки и ручьи. В случае если из-за ветхого моста получит увечье лошадь проезжающих лиц («кто едучи лошадь истепет или ногу изломит»), то волость должна была определить, население какой деревни несет ответственность за содержание данного моста, и взыскать без суда убытки в пользу потерпевшего⁵.

Статья 224 Судебника 1589 года развивает положение статьи 223. В частности, на волости и деревни возлагалась обязанность чистить дорогу на лесных участках: убирать наклонившиеся или упавшие на дорогу деревья на расстоянии полторы сажени от дороги. В межсезонье (в период осенней распутицы), когда дороги становились труднопроходимыми, жители деревень в пределах своей территории должны были устанавливать на дорогах специальные указатели (вехи), которые предупреждали об опасности и указывали путь. Если проезжающие теряли дорогу по причине отсутствия указателей, то возникшие в результате этого убытки взыскивались с населения соответствующей деревни⁶. Таким образом, законодательное закрепление обязанности установки вех на дорогах можно считать первой простейшей системой мер, обеспечивающей безопасность движения по сухопутным путям сообщения в российском государстве.

В дальнейшем законодательное регулирование вопросов ответственности за правонарушения в области транспортных отношений получило воплощение в Соборном уложении 1649 года.

Так, в соответствии со статьей 12 главы IX Соборного уложения ответственность за ненадлежащее состояние проезжих путей возлагалась на феодалов, которые уполномочены были собирать с проезжающих определенные пошлины («мыт, «перевоз», «мостовщина») и направлять данные средства на починку дорог и дорожной инфраструктуры. В связи с этим помещики или вотчинники обязаны были возмещать убытки служилым людям и купцам, которые потеряли товар или изувечили лошадей из-за плохого состояния дорог, мостов, гатей и плотин⁷.

Таким образом, статьи 11–13 Уложения 1649 года развивали нормы Судебника 1589 года и уже возлагали ответственность за исправное содержание объектов транспортной инфраструктуры на дорогах (мосты, гати, плотины) на тех лиц, «за кем в вотчине, или в поместье по жаловальным грамотам из давних лет...» были закреплены мосты и перевозки, а также на должностных лиц или откупщиков, если речь шла о государевых мос-

тах и перевозах и о транспортных средствах – «паромах, иных судах и плотах» при них⁸.

Ответственность за нарушение или невыполнение требований статей 11–13 наступала только в том случае, если конкретное лицо потерпело какой-либо убыток. Необходимо отметить, что для привлечения к ответственности за вышеуказанные транспортные правонарушения не требовалось установление вины лица, ответственного за надлежащее содержание технических сооружений. Наказание состояло из возмещения убытков и обязанности привести в рабочее состояние мосты, гати и плотины.

Следует отметить, что в Соборном уложении 1649 года нашел отражение процесс закрепления норм ответственности за причинение вреда жизни и здоровью лицом, управляющим верховой лошадейю как средством передвижения. В частности в статье 17 главы XXII Соборного уложения 1649 года устанавливалось наказание за вред, причиненный наездником на лошади лицу, передвигающемуся по дороге пешим ходом, в том числе в состоянии алкогольного опьянения⁹.

В дальнейшем в Новоуказных статьях 1669 года ужесточалось наказание за наезд в состоянии опьянения и причинение вреда (бесчестье) женщине. За такое деяние закон предусматривал ссылку преступника в Сибирь на пашню¹⁰. Таким образом, состояние опьянения считалось обстоятельством, отягчающим наказание. Необходимо отметить определенную историческую преемственность в российском законодательстве относительно института ответственности лица, управляющего транспортным средством (источником повышенной опасности). На наш взгляд, норма Соборного уложения 1649 года, предусматривающая уголовную ответственность за умышленный наезд на пешехода из хулиганских побуждений или в состоянии алкогольного опьянения, получила воплощение в советском законодательстве в середине XX в. Речь идет об ответственности за сознательное злостное нарушение правил дорожного движения, допущенное водителем, вождение в нетрезвом виде, которые повлекли несчастные случаи с людьми – смерть или увечье потерпевшего. Данные действия квалифицировались советскими судами или как умышленное убийство, или как умышленное тяжкое телесное повреждение¹¹.

Кроме того, выражение «наскочет с похвалы» в Соборном уложении, на наш взгляд, можно толковать как совершение правонарушения из хулиганских побуждений в современном понимании. Таким образом, законодатель закрепляет мотив в качестве квалифицирующего признака вышеуказанного правонарушения.

⁸См. 5.

⁹См. 5.

¹⁰Новоуказные статьи 1669 года о татевных, разбойных и убийственных делах. Ст. 103 // Полное собрание законов Российской империи. Т. 1. 1649–1675. СПб., 1830. С. 796. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php.

¹¹Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 15 сентября 1950 г. №16/12/У «О квалификации преступлений, связанных с нарушением правил движения на транспорте» // Судебная практика Верховного Суда СССР. 1950. № 11.

⁵Памятники российского права в 35 т. Т. 3. Кн. II. Памятники права Московского государства / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2014. 486 с.

⁶См. 5.

⁷См. 5.

Винное и невинное причинение вреда при использовании транспортного средства, отраженное в источниках права

В статье 18 главы XXII Соборного уложения содержалась норма, в соответствии с которой субъект, управляющий лошадью, освобождался от ответственности за невинное причинение вреда пешеходу в том случае, если наездник потерял контроль над животным по не зависящим от него обстоятельствам: «лошадь от чего испугався и узду изорвав рознесет, и удержать ее будет немощно» [15, с. 176].

Понятие случайного причинения вреда транспортным средством мы встречаем и в более ранних источниках русского права. Так, в статье 18 Уставной земской грамоты волостей Малой Понежки, Выйской и Суры Двинского уезда 1552 года мы видим норму, в соответствии с которой причинение смерти человеку посредством случайного наезда на него воза (колесного или санного транспортного средства с грузом) без вины со стороны другого лица не считалось преступлением и не подлежало наказанию¹².

По поводу толкования вышеуказанных статей Соборного уложения в научной литературе развернулась оживленная дискуссия. Одни авторы полагают, что в статье 17 Уложения речь идет о преступлении против личности, т. е. в указанном случае объектом преступления выступают не транспортные отношения, а жизнь, здоровье, а также честь и достоинство потерпевшего. Лошадь в данном казусе рассматривается не как транспортное средство, а как орудие преступления [15]. Другие авторы полагают, что содержание статьи 17 главы XXII Соборного уложения 1649 года является прообразом современного института ответственности лица в дорожно-транспортном происшествии в российском законодательстве [11]. Данную точку зрения можно считать вполне обоснованной, поскольку для эпохи XVII в. верховые лошади и запряженные лошадьми повозки, а также вьючные животные, по сути, являлись единственным сухопутным видом транспорта.

На наш взгляд, лицо, управляющее верховой лошадью или несколькими лошадьми, запряженными в повозку (телегу, сани), можно назвать владельцем источника повышенной опасности в условиях средневекового общества, когда отсутствовал механический транспорт, поскольку в данном случае субъект управляет движением животного с помощью специальных приемов и приспособлений (упряжи, узды и др.), посредством которых он способен изменять направление движения и скорость передвижения. Источником повышенной опасности является не вещь (в нашем случае домашнее животное), а определенная деятельность, связанная с использованием соответствующих вещей, к которой можно отнести и верховую езду.

Становление и нормативное закрепление основных признаков субъективной стороны состава транспортных правонарушений в российском законодательстве

На примере статей 17 и 18 Соборного уложения мы видим, что для законодателя XVII в. крайне важным юридически значимым аспектом назначения наказания

за совершение преступного деяния было выявление психического отношения лица к своему противоправному деянию, воплощенного в умысле или неосторожности и отсутствии вины при случайности.

Таким образом, мы констатируем появление в Соборном Уложении 1649 года прообраза современного института невинного причинения вреда, т. е. случая, при котором лицо не может быть привлечено к ответственности, поскольку его сознание и воля были непричастными к совершенному деянию и наступившим в результате этого последствиям.

Вместе с тем в статье 18 главы XXII Соборного уложения, где речь идет об освобождении от ответственности наездника в случае «бесхитростного» с его стороны причинения вреда пешеходу, законодатель, вероятно, не вполне четко разграничивает понятия невинного причинения вреда (казуса) и неосторожной формы вины. На наш взгляд, в действиях наездника, который потерял управление лошадью, могла присутствовать небрежность как проявление неосторожной вины. Это могло произойти в том случае, если ездок не убедился перед поездкой в надлежащем техническом состоянии упряжи (сбруи), которая могла быть надорвана или сильно протерта, либо наездник не смог удержать лошадь в силу отсутствия у него необходимых навыков верховой езды.

В российском законодательстве более позднего периода законодатель постепенно разграничивает невинное причинение вреда лицом, управляющим транспортным средством, и преступную небрежность со стороны ездока. В частности, в соответствии с царским указом от 3 января 1683 года устанавливалась ответственность за причинение телесных повреждений (наезд на пешеходов) в результате небрежной езды на санях по улицам Москвы¹³.

Следует отметить, что понимание законодателем невинного причинения вреда, причиненного ездоком, получило воплощение в более поздних источниках российского права. В частности, в Сельском судебном уставе для государственных крестьян 1839 г. мы встречаем норму, в соответствии с которой причинение вреда другому лицу в результате наезда испугавшейся лошади, которую ездок не смог удержать, законодатель относит к числу случайных проступков, совершенных в результате непредвидимых обстоятельств¹⁴.

Таким образом, законодатель учитывал, что воздействие непреодолимой силы на субъективную сторону деяния устраняет вину и исключает уголовную ответственность. В данном случае мы наблюдаем определенную преемственность в российском законодательстве относительно института невинного причинения вреда.

Таким образом, в Уложении 1649 года и Сельском судебном уставе для государственных крестьян 1839 года, по сути, раскрывается содержание внутреннего отношения лица к совершенному им противоправному

¹² Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства / отв. ред. А.Д. Горский. М.: Юридическая литература, 1985. 430 с.

¹³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое с 1649 по 12 декабря 1825 года. Том II. 1676–1688. СПб.: Юридический Центр-Пресс, 2012. С. 492.

¹⁴ Устав сельский судебный для государственных крестьян // Свод законов Российской империи. Т. XII. Ч. 2. СПб., 1857. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book388223/#page/287/mode/1up>.

деянию и к наступившим последствиям. Это позволяло правоприменительным органам, в первую очередь судам, отграничить виновное деяние от случая (казуса).

Вышеуказанные нормативные акты не допускают объективного вменения при ответственности за правонарушения в сфере транспорта. Отсутствие вины справедливо рассматривается законодателем как основание освобождения от ответственности и наказания за причиненный вред.

Важный шаг в развитии института ответственности за правонарушения в сфере транспортных отношений был сделан в XVIII в. В 1732 году был издан указ императрицы Анны Иоанновны о наказаниях лиц, нарушающих правила мирной езды. В частности, за небрежную опасную езду по улицам (лихачество), в результате которой был причинен вред другим участникам дорожного движения, предусматривалось наказание в виде битья кнутом. За неоднократное нарушение норм данного указа была предусмотрена смертная казнь. В соответствии с указом от 6 февраля 1737 года к ответственности за умышленную опасную езду могли быть привлечены как владельцы транспортного средства (конской упряжи), так и лица, непосредственно управляющие лошадьми (лакеи)¹⁵. В 1742 году в соответствии с указом императрицы Елизаветы Петровны за опасную («резвую») езду назначалось наказание в виде конфискации у нарушителя транспортного средства в пользу государства¹⁶.

В российском законодательстве XIX в. получил свое дальнейшее развитие институт ответственности за причинение вреда в результате нарушения правил передвижения конного транспорта по дорогам городов [16]. В частности, за «скорую езду» в общественных местах (на улицах, ярмарках, базарах) виновному назначался денежный штраф, а в случае причинения телесных повреждений подобной ездой правонарушитель заключался под стражу¹⁷.

По мере развития транспорта и появления новых объектов транспортной инфраструктуры в России возникает потребность в нормативном регулировании общественных отношений в сфере транспорта с целью обеспечения его безопасного функционирования.

В главе X Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года содержались нормы ответственности за транспортные правонарушения, в частности ненадлежащее содержание и порчу сухопутных, железнодорожных и речных путей, а также объектов дорожной инфраструктуры (мостов, переправ, гатей, надолбов, настилов, верстовых столбов и т. п.)¹⁸.

Целая группа статей Уложения 1845 года была посвящена ответственности за умышленное или неосторожное причинение вреда лицом, управляющим конным транспортом. К числу таких правонарушений от-

носились «неосмотрительная и непомерно скорая езда» в общественных местах, оставление без присмотра запряженных или незапряженных лошадей на улице, нарушение правил перевозки грузов конным транспортом. За вышеуказанные правонарушения ответственность нес либо субъект, управляющий лошадьми, либо хозяин разъездных лошадей. Виновный обязан был выплатить штраф и возместить ущерб, который он причинил потерпевшему своими действиями¹⁹.

Таким образом, в середине XIX в. в России был оформлен институт возмещения ущерба в результате дорожно-транспортного происшествия.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В научной литературе справедливо отмечается, что изучение субъективной стороны правонарушения в истории русского права вызывает серьезные трудности [17]. Многие исследователи, говоря о субъективной стороне правонарушения в русском праве, особое внимание уделяют злой воле преступника. Например, В.И. Сергеевич полагал, что деяние считалось преступным, когда в нем проявилась «злая воля человека», направленная на достижение преступной цели [18]. Именно этот фактор, по мнению исследователя, порождает ответственность субъекта за преступное деяние. Ряд исследователей полагает, что для русского законодателя эпохи XVI–XVIII вв. внутреннее отношение лица к совершенному деянию и его последствиям не имело существенного юридического значения. Неважно, намеренно ли преступник лишил жизни человека или случайно, главное, что потерпевший мертв, а следовательно, должна наступать и кара [19].

По нашему мнению, в российском законодательстве и правоприменительной практике в XVI–XVIII вв. внутренняя субъективная сторона деяния принималась во внимание при характеристике преступного деяния и назначении наказания. Проведенное нами исследование позволяет сделать вывод о том, что именно от степени преступной воли зависела общественная оценка опасности совершаемого деяния. Именно поэтому проявленное в преступлении внутреннее отношение к содеянному, его злонамеренность начинает интересовать средневековое общество, которое пытается предупредить преступления путем применения определенных видов наказаний.

На наш взгляд, вполне обоснованной выглядит точка зрения современных исследователей русского права В.Е. Лоба и С.Н. Малахова о том, что русский законодатель начинает осознавать, что виновный не может нести ответственность только за факт причинения вреда, поэтому большое внимание уделяет отношению лица к совершаемому им деянию [20].

Следует отметить, что, хотя современные представления о правонарушении и его составе нельзя полностью переносить на аналогичные правовые явления предшествующего исторического периода, мы сочли возможным при изучении процесса закрепления в российском законодательстве юридического значения внутреннего отношения лица к совершенному деянию и его последствиям использовать такое понятие

¹⁵ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 10. 1737–1739. СПб.: Тип. 2-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830.
URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=46&regim=3.

¹⁶ См. 15.

¹⁷ См. 14.

¹⁸ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб.: В Типографии Второго Отделения Собственной его Императорского Величества канцелярии, 1845. С. 571–576.
URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01002889696#?page=578>.

¹⁹ См. 18.

современного правоведения, как субъективная сторона правонарушения, включающее в себя форму вины, мотив и цель правонарушения.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

У законодателя и правоприменителя в XVI–XVIII вв. окончательно складывается понимание того факта, что правонарушением можно считать только такие действия субъекта, в которых воплотились его сознание и воля. Вина стала пониматься не как сопричастность к деянию, наносящему вред другому лицу или обществу, а как определенное состояние правонарушителя, связанное с его душевной и мыслительной деятельностью. Основанием отграничения преступного и наказуемого деяния от непроступного и ненаказуемого становится способность субъекта оценивать свое поведение и руководить своими действиями

В российском законодательстве начиная с Соборного уложения 1649 года окончательно закрепляется принцип виновной ответственности, в том числе в отношении правонарушений на транспорте. В отличие от современного законодательства, в источниках российского права XVI–XVII вв. ответственность без вины владельца транспортного средства (источника повышенной опасности) не допускалась. В законодательстве XVI–XVII вв. не всегда рельефно проводилось различие между неосторожной формой вины и невиновным причинением вреда (казусом).

Важным достижением российского законодательства XVII–XIX вв. стало постепенное выделение в самостоятельный элемент субъективной стороны преступления и нормативное закрепление основных ее признаков: вины, мотива, цели противоправного деяния.

Памятники российского права свидетельствуют о том, что общественная практика виновного вменения сложилась значительно раньше, чем развернутое законодательное закрепление и доктринальная разработка принципа ответственности за вину.

История развития российского законодательства позволяет сделать вывод о постоянном совершенствовании нормы, предусматривающей ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Изменялась не только диспозиция нормы, но и санкция, которая постепенно приобретала весьма суровое с точки зрения карательного содержания значение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Будзинский С.М. Начала уголовного права. Варшава: тип. И. Яворского, 1870. 376 с.
2. Ферри Э. Уголовная социология. М.: ИНФРА-М, 2014. 658 с.
3. Утевский Б.С. Вина в советском уголовном праве. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1950. 319 с.
4. Денисов Ю.А. Общая теория правонарушения и ответственности (социологические и юридические аспекты). Л.: Ленинградский университет, 1983. 142 с.
5. Исаев Н.И. Уголовная ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатацию

- транспортных средств. М.: Юриспруденция, 2011. 182 с.
6. Тяжкова И.М. Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 278 с.
7. Семенов В.Р. Транспортные преступления в истории российского уголовного права // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2018. № 2. С. 109–112.
8. Коробеев А.И. Транспортные преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 404 с.
9. Зайкова С.Н. Административно-правовое обеспечение транспортной безопасности в истории отечественного законодательства // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2021. Т. 16. № 4. С. 83–109.
10. Медведев Е.В. Вина в составах транспортных преступлений // Транспортное право. 2019. № 4. С. 30–32.
11. Проценко С.В. Исторический анализ норм о транспортных правонарушениях в памятниках права XVI–XVII вв. // Российский следователь. 2009. № 7. С. 36–40.
12. Борзых С.А. Исторический аспект уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2014. № 1. С. 132–138.
13. Никитина Н.В. Посягательство на транспортные средства как отдельный вид преступления против собственности: история вопроса и современная проблематика // Вестник Московского института государственного управления и права. 2017. № 3. С. 54–57.
14. Головкин В.В. Развитие ответственности за нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта, в отечественном уголовном праве (от Соборного уложения 1649 г. до Уголовного кодекса РСФСР 1960 г.) // Научный вестник Омской Академии МВД России. 2009. № 3. С. 11–13.
15. Чучаев А.И., Пожарский А.Ю. Транспортные преступления: понятие, виды, характеристика. М.: Проспект, 2019. 256 с.
16. Алексеева Л.А. Историко-правовые аспекты становления безопасности дорожного движения // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования. 2021. № 1. С. 16–20.
17. Георгиевский Э.В., Кравцов Р.В. Субъективные элементы и признаки состава преступления в уголовном праве Древнерусского государства // Сибирский юридический вестник. 2013. № 2. С. 64–68.
18. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. М.: Зерцало, 2004. 488 с.
19. Петров И.В. Государство и право древней Руси. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2003. 413 с.
20. Лоба В.Е., Малахов С.Н. Уголовное право Древней Руси XI–XII вв. (по данным Русской Правды). Армавир: АГПА, 2011. 175 с.

REFERENCES

1. Budzinskiy S.M. *Nachala ugovolnogo prava* [The beginnings of criminal law]. Varshava, tip. I. Yavorskogo Publ., 1870. 376 p.

2. Ferri E. *Ugolovnaya sotsiologiya* [Criminal Sociology]. Moscow, INFRA-M Publ., 2014. 658 p.
3. Utevskiy B.S. *Vina v sovetskom ugolovnom prave* [Guilt in Soviet Criminal Law]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo yuridicheskoy literatury Publ., 1950. 319 p.
4. Denisov Yu.A. *Obshchaya teoriya pravonarusheniya i otvetstvennosti (sotsiologicheskie i yuridicheskie aspekty)* [General theory of offense and responsibility (sociological and legal aspects)]. Leningrad, Leningradskiy universitet Publ., 1983. 142 p.
5. Isaev N.I. *Ugolovnaya otvetstvennost za narushenie pravil dorozhnogo dvizheniya i ekspluatatsiyu transportnykh sredstv* [Criminal liability for violation of traffic rules and vehicle operation]. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2011. 182 p.
6. Tyazhkova I.M. *Neostorozhnye prestupleniya s ispolzovaniem istochnikov povyshennoy opasnosti* [Reckless crimes using sources of increased danger]. Sankt Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2002. 278 p.
7. Semenov V.R. Transport crimes in the history of Russian criminal law. *Nauchnyy vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Lukyanova*, 2018, no. 2, pp. 109–112.
8. Korobeev A.I. *Transportnye prestupleniya* [Transport crimes]. Sankt Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2003. 404 p.
9. Zaykova S.N. Administrative and legal support of transport security in the history of Russian legislation. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk*, 2021, vol. 16, no. 4, pp. 83–109.
10. Medvedev E.V. Guilt in constituent elements of transport crimes. *Transportnoe pravo*, 2019, no. 4, pp. 30–32.
11. Protzenko S.V. Historical Analysis of the Norms on Transport Offenses in the Monuments of Law of the 16th - 17th Centuries. *Rossiyskiy sledovatel*, 2009, no. 7, pp. 36–40.
12. Borzykh S.A. Historical aspect of criminal liability for violation of traffic rules. *Vestnik Tyumenskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii*, 2014, no. 1, pp. 132–138.
13. Nikitina N.V. Encroachment on vehicles as a separate type of crime against property: history and contemporary issues. *Vestnik Moskovskogo instituta gosudarstvennogo upravleniya i prava*, 2017, no. 3, pp. 54–57.
14. Golovko V.V. Development of liability for violation of rules providing for safe functioning of transport in Russian criminal law (from council code of 1649 to criminal code of RSFSR of 1960). *Nauchnyy vestnik Omskoy Akademii MVD Rossii*, 2009, no. 3, pp. 11–13.
15. Chuchayev A.I., Pozharskiy A.Yu. *Transportnye prestupleniya: ponyatie, vidy, kharakteristika* [Transport crimes: concept, types, characteristics]. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 256 p.
16. Alekseeva L.A. Historical and legal aspects of the development of road safety. *Upravlenie deyatel'nostyu po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: sostoyanie, problemy, puti sovershenstvovaniya*, 2021, no. 1, pp. 16–20.
17. Georgievskiy E.V., Kravtsov R.V. Subjective elements and features of the corpus delicti in the criminal law of ancient Russia. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik*, 2013, no. 2, pp. 64–68.
18. Sergeevich V.I. *Lektsii i issledovaniya po drevney istorii russkogo prava* [Lectures and Research on the Ancient History of Russian Law]. Moscow, Zertsalo Publ., 2004. 488 p.
19. Petrov I.V. *Gosudarstvo i pravo drevney Rusi* [State and law of ancient Russia]. Sankt Petersburg, Izd-vo Mikhaylova V.A. Publ., 2003. 413 p.
20. Loba V.E., Malakhov S.N. *Ugolovnoe pravo Drevney Rusi XI-XII vv. (po dannym Russkoy Pravdy)* [Criminal law of Ancient Rus XI-XII centuries (according to Russian Pravda)]. Armavir, AGPA Publ., 2011. 175 p.

SUBJECTIVE ASPECT OF TRANSPORT OFFENSES IN THE RUSSIAN LEGISLATION OF THE XVI–XIX CENTURIES

© 2021

A.N. Skvoznikov, PhD (History), Associate Professor,
assistant professor of Chair “Theory and History of State and Law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: transport offenses; subjective aspect of an offense; guilt; intent; negligence; tortious injury.

Abstract: The constant need of researchers for the advanced study of the problems of guilt and responsibility is caused both by the tasks of improving legislation and law enforcement practice and the variability of people’s ideas about the grounds, limits, forms, and purposes of personal responsibility, and ideas reflecting the actual process of the historical development of social relations and the practice of their legal regulation. Using the methods of historical-legal and comparative-legal analysis, the author studied the activity of the legislator on distinguishing the intent and negligence as two forms of guilt when committing transport offenses, as well as differentiating between guilty infliction of harm and an incident. The author concluded that in the sources of Russian law of the 16th–19th centuries, the legislator strongly focuses on the internal (subjective) attitude of a person to a committed offense and its consequences, including transport offenses. The discovery and consideration of such signs of the subjective aspect of an act as guilt, motive, and purpose significantly influenced the act classification and the punishment appointment or led to release from liability due to the absence of the subjective aspect of an offense (guilt) as one of the elements of a crime. The study shows how the legislator considered the influence of a person’s subjective attitude to the committed act when establishing legal responsibility. The research indicates that a comprehensive understanding of guilt as an integral characteristic of a wrongful act, covering the relations between consciousness and will of a person both with the objective properties of own actions and its public assessment, began to develop in Russian law in the 17th century.

НАШИ АВТОРЫ

Александров Илья Андреевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Конституционное и административное право». Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57. E-mail: alexandrovIlya88@mail.ru

Гамбарян Артур Сиреканович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права и конституционного права. Адрес: Российско-Армянский университет, 0051, Республика Армения, г. Ереван, ул. Овсепя Эмина, 123. E-mail: artur.ghambaryan@gmail.com

Гончаров Антон Алексеевич, аспирант кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии. Адрес: Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), 344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69. E-mail: kuznecov@rsue.ru

Кондратьев Сергей Викторович, доцент кафедры «Уголовное право и процесс». Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14. E-mail: kondratyuk.serzh@mail.ru

Новикова Кристина Константиновна, студент. Адрес: Дальневосточный федеральный университет, 690922, Россия, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10. E-mail: novikova.kk@students.dvfu.ru

Орлов Алексей Викторович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право и процесс». Адрес: Самарский филиал Московского городского педагогического университета, 443081, Россия, г. Самара, ул. Стара-Загора, 76. E-mail: avorlov7@rambler.ru

Сквозников Александр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и история государства и права». Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14. E-mail: skvoznikov2003@mail.ru

Федякин Константин Павлович, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Конституционное и административное право». Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14. E-mail: fedkonstpav@yandex.ru

Хмельницкая Диана Дмитриевна, студент. Адрес: Дальневосточный федеральный университет, 690922, Россия, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10. E-mail: khmelnitckaia.dd@students.dvfu.ru

---

OUR AUTHORS

Aleksandrov Ilya Andreevich, PhD (Law),
assistant professor of Chair “Constitutional and Administrative Law”.
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
Tel.: (8482) 53-93-95
E-mail: alexandrovIlya88@mail.ru

Fedyakin Konstantin Pavlovich, PhD (Law),
assistant professor of Chair “Constitutional and Administrative Law”.
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: fedkonstpav@yandex.ru

Ghambaryan Artur Sirekanovich, Doctor of Sciences (Law), Professor,
Head of Chair of Theory of Law and Constitutional Law.
Address: Russian-Armenian (Slavonic) University,
0051, the Republic of Armenia, Yerevan, Hovsep Emin Street, 123.
E-mail: artur.ghambaryan@gmail.com

Goncharov Anton Alekseevich, postgraduate student of Chair of Criminal
and Penal Law, Criminology.
Address: Rostov State University of Economics (RINH),
344002, Russia, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya Street, 69.
E-mail: kuznecov@rsue.ru

Khmelnitskaya Diana Dmitrievna, student.
Address: Far Eastern Federal University,
690922, Russia, Vladivostok, Russky Island, Ajax Settlement, 10.
E-mail: khmelnitckaia.dd@students.dvfu.ru

Kondratyuk Sergey Viktorovich, assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”.
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: kondratyuk.serzh@mail.ru

Novikova Kristina Konstantinovna, student.
Address: Far Eastern Federal University,
690922, Russia, Vladivostok, Russky Island, Ajax Settlement, 10.
E-mail: novikova.kk@students.dvfu.ru

Orlov Aleksey Viktorovich, PhD (Law), Associate Professor,
assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”.
Address: Samara branch of Moscow City Teacher Training University,
443081, Russia, Samara, Stara-Zagora Street, 76.
E-mail: avorlov7@rambler.ru

Skvoznikov Aleksandr Nikolaevich, PhD (History), Associate Professor,
assistant professor of Chair “Theory and History of State and Law”
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: skvoznikov2003@mail.ru